

СЛЮ

Вопросы истории и культурологии

Сборник научных трудов

**Институт диаспоры и интеграции
(Институт стран СНГ)**

Вопросы истории и культурологии

Сборник научных трудов

Москва

2017

УДК: 930.2
ББК: 94.6/8
В74

Вопросы истории и культурологии. Памяти Светланы Михайловны Чистовой. Сборник научных трудов. – Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). – М., 2017. – 308 с.

ISBN 978-5-94293-064-6

Представленный читателю сборник научных статей составлен по материалам выступлений на VII Межвузовской конференции, посвященной актуальным проблемам методологии истории и культурологии.

Формирование научного представления об обществе, его истории и культуре у студентов, в том числе получающих образование негуманитарного профиля – чрезвычайно важная задача решением которой занимается кафедра истории и культурологии Московского государственного университета леса, ныне вошедшего в состав МГТУ им. Н.Э. Баумана.

Данный сборник содержит статьи российских исследователей, представляющие большой интерес для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов ВУЗов. В ряду затрагиваемых в сборнике проблем стоят методологические и практические аспекты изучения истории и культурологии в России, проблемы развития культурологического знания, роль государства в трансформации социума в разные исторические периоды отечественной истории, а также проблемы формирования мировоззренческой концепции и методологии знания на современном этапе развития области гуманитарного знания.

Данный сборник посвящен памяти Светланы Михайловны Чистовой, известного историка и культуролога, внесшей значительный вклад в развитие современной науки.

*Памяти
Светланы Михайловны Чисовой*

**Чисова Светлана Михайловна
(1963 – 2017)**

Памяти Светланы Михайловны Чистовой

«Светлая» – именно такая ассоциация всплывает из памяти, совсем недавнего прошлого, вместе с образом нашей замечательной Светланы Михайловны. Наверно, таких людей как она дарует небо для того, чтобы наш жизненный путь был немного легче, светлее и добрее. Чтобы беды и несчастья, к сожалению, естественное его сопровождение всегда бы имели продолжение счастливое и благополучное, чтобы за ночью следовало утро, а за ненастьем солнце.

Именно потому, что «светлые» одаривают своей душевной добротой и участием всех окружающих, их собственные жизненные силы так быстро убывают. Как правило, судьба не щедра на долголетие наших «доноров» доброты. Вот и наша Светлана Михайловна прожила совсем недолгую, но яркую жизнь. Как будто утренняя звезда сверкнула в темноте уходящей в рассвет ночи, оставив светлое чувство безвозвратной утраты, печали и надежды на сопричастность с вечным.

Удивительно, но вспоминая Светлану Михайловну, все, кто ее знал, не могут ограничиться формальными фразами, принятыми в таких обстоятельствах. Ученики и коллеги, друзья и близкие находят сердечные слова, которые в обыденной жизни обычно не употребляются. Тепло глаз, пронизательность взгляда, искренность слов, нетерпимость к фальши и всему «наносному», щедрость души, безграничная доброта – так говорят о Светлане Михайловне все.

Свое отторжение «кривды» Светлана Михайловна в полной мере проявила в профессиональной деятельно-

сти. Трудно найти преподавателя, который так бы как она стремился дойти в своем знании предмета до мельчайших деталей. Упорство в самосовершенствовании было таким, что поглощало большую часть времени, даже той его доли, которая должна принадлежать семье, отдыху, увлечениям.

В отношениях с коллегами и друзьями Светлана Михайловна не делила чувства «мелкой меркой». Всем сполна доставало ее дружеского участия, тепла и безграничной доброты. Узнав ее впервые, как правило, с ней не хотел расставаться никто. Как источник жизненной энергии она питала и притягивала всех.

До последних дней Светлана Михайловна оставалась в рядах тех, кого принято называть учеными. Всего год как она вошла в ассоциацию преподавателей истории технических ВУЗов, но уже оставила свой неповторимый след публикациями и аналитическими докладами.

Многие годы Светлана Михайловна была душой кафедры. Вряд ли можно отыскать то начинание, мероприятие или проект, к которому бы не прикоснулась ее рука и отзывчивое сердце.

Наверное, еще долго в стенах кафедральной комнаты и аудиториях университета будет незримо присутствовать образ нашей Светы, будут звучать ее слова, будут озарять наши будни ее улыбка и искрящиеся глаза, а мы, не смотря на приземленность бытия, будем верить, что расстались с ней не навсегда, что опять ярко осветит небосвод утренняя звезда.

Коллектив кафедры

С.М. Чистова,

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и культурологии

Предтеча кульминации холодной войны Как уничтожили американский самолет-разведчик U-2

После того, как в 1955 г. на Женевском совещании представителей США, СССР, Франции и Великобритании советским руководством была отвергнута предложенная США программа «открытого неба», американцы не оставили попыток проникнуть в воздушное пространство СССР с целью получения необходимой для них информации. В первую очередь, им было необходимо убедиться в наличии у Советского Союза достаточного количества самолетов М-4, являвшихся носителями ядерных бомб и способных долететь до территории США, и также их интересовали все стратегические объекты СССР. Поэтому, в срочном порядке, в Америке начались разработки самолета-разведчика, который было бы невозможно сбить средствами ПВО СССР. Такой самолет был сконструирован в кратчайшие сроки и получил название Lockheed U-2 (Локхид У-2). Преимущества этого самолета были очевидны, в полете он достигал высоты 20 км и был недосыгаем для противовоздушных сил противника, – ни для самолетов, ни для зенитных ракет. Самолет был предназначен для сбора шпионской информации и оснащен уникальной фотокамерой, имевшей 1800 м пленки и способной с высоты 20 км снять полосу шириной 150

км и длиной 3000 км, при этом снимки были очень высокого качества и на них можно было различить объекты размером меньше метра.

На свое первое задание самолет-разведчик вылетел уже в июне 1956 г. и сфотографировал территорию Восточной Европы, а уже 5 июля (по другим сведениям – 4-го, в День независимости США) он впервые пролетел над территорией СССР. Советские радиолокаторы обнаружили самолет, но ничего не смогли сделать. Решением командующего армией уже 5 июля 1956 г. была создана специальная группа для перехвата самолетов-нарушителей.

Эти события с воспоминаниями их непосредственных участников подробно описаны А. Докучаевым в работе «Погоня за U-2». Так, по воспоминаниям бывшего военного летчика Василия Пикалина, в то время служившего в Прибалтийском военном округе и летавшего на сверхзвуковом истребителе МиГ-19, в начале июля он трижды получал задание на перехват самолета-разведчика U-2, но ни разу ему это не удалось. Первый раз, 5 июля, по причине неверного позывного его «не навели» на «нарушителя», второй раз – 6 июля, его навели на свой же, присланный с Кубани, МиГ-19, а в третий раз (9 июля) он не смог атаковать в результате отказа техники. Не получились атаки и у других истребителей, задействованных в перехвате. Практический потолок для МиГ-19 составлял 17.500 м, поэтому он мог максимально приблизиться к самолету-разведчику только преодолев так называемую «динамическую горку» (после разгона самолет должен был как бы совершить прыжок). Это было связано с большими трудностями, так как нарушитель, узнав об атаке, мог спокойно развернуться и уйти в другую сторону.

Правительство СССР в ноте от 10 июля 1956 г. потребовало от США прекратить провокационные полеты и охарактеризовало нарушения воздушных границ как

«преднамеренное действие определенных кругов США, рассчитанное на обострение отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки». На какое-то время полеты над СССР прекратились, но в 1957 году возобновились вновь. По мнению А. Докучаева, в 1957–1959 гг. над СССР было проведено около 30 полетов и, помимо авиабазы в Висбадене (ФРГ), они стали вестись с авиабаз Инджирлик (Турция), Пешавар (Пакистан), Атсу (Япония) и др. В сферу интересов американских спецслужб, в первую очередь, входили «глубинные районы» СССР – Сибирь, Казахстан, Новая Земля, то есть территории, где создавались и испытывались новые виды стратегических вооружений.

Летом 1959 г. в СССР появились первые серийные истребители-перехватчики Су-9, оснащенные ракетами «воздух-воздух», способные достигать высоты в 21 км. Это был существенный прорыв по пресечению шпионской деятельности США. Но, к сожалению, не все шло так гладко. Чтобы летать на новых самолетах летчикам приходилось в срочном порядке переучиваться, сами самолеты приходилось дорабатывать уже на местах дислокации, ракеты на эти самолеты поступали с задержками, а летчики не имели никакого опыта их применения.

Очередной инцидент произошел 9 апреля 1960 г., когда рано утром был обнаружен американский самолет-разведчик U-2. Обследовав полигон зенитных ракетных войск противовоздушной обороны близ Сары-Шагана, он направился в сторону ракетного полигона Тюра-Там (космодрома Байконур).

По воспоминаниям майора Бориса Староверова, он и его коллега Владимир Назаров были готовы вылететь на СУ-9 и идти на перехват нарушителя госграницы. Для дозаправки они попросили дать им координаты запасного аэродрома, расположенного в районе ядерного полигона и стратегической базы ВВС. Но в ответ получили запрос на допуск к этому «секретно-

му» аэродрому. Соответствующих допусков у них не было, поэтому им велели «сидеть и ждать». «Сидели в гермошлемах, высотно-компенсирующих костюмах, они сильно жмут, – вспоминал Староверов – два с половиной часа». А в это время американский летчик-шпион бороздил небо над ядерным полигоном, над базой стратегических бомбардировщиков и спокойно их фотографировал. Все это, по мнению Староверова, было «за чертой здравого смысла». В результате, когда разрешение было получено аж в правительстве СССР, (до этого вопрос решался в главных штабах Войск ПВО и ВВС, Комитете государственной безопасности (КГБ), U-2 ушел в направлении полигона зенитных ракетных войск, а затем благополучно покинул воздушное пространство СССР.

Борис Староверов вспоминал: «Когда мы приземлились на секретном аэродроме, то руководство авиабазы показало запись воздушной обстановки с радара – U-2 такие спирали над полигоном выделял. Тем не менее, там еще раз убедились в том, что разрешение приземлиться здесь получено на самом верху. Я, летчик, имеющий допуск к ядерным боеголовкам, не мог посещать ничего, кроме столовой, общежития и стоянки своего самолета, а нам было приказано там нести боевое дежурство в течение 15 дней.

Итак, как отметил А. Докучаев, 9 апреля 1960 года американскими спецслужбами была проведена неординарная разведывательная операция. В тот день самолету Локхид U-2, стартовавшему в Пешаваре, удалось, как говорится, неосуществимое – за один полет с высоты 20.000 метров взглянуть на сверхсекретные объекты Советского Союза – Семипалатинский ядерный полигон, авиабазу стратегических бомбардировщиков Ту-95, полигон зенитных ракетных войск близ Сары-Шагана, ракетный полигон Тюра-Там (космодром Байконур). 9 апреля 1960 года, в 11 часов 35 минут U-2 сумел выскользнуть за пределы СССР в районе города

Мары. Советская сторона в закрытой ноте выразила очередной протест, на который американцы в очередной раз отмолчались, сделав вид, что они непричастны к нарушению границы СССР, дескать «не пойманный – не вор», и дальше продолжили планирование разведывательных полетов над советской территорией,

1 мая 1960 г. советским силам ПВО наконец-то, удалось сбить Lockheed U-2, после чего произошел грандиозный скандал, который привел к новому обострению отношений между СССР и США.

Американский самолет взлетел с пакистанской авиабазы в Пешаваре по маршруту Сталинабад (совр. Душанбе, столица Таджикистана) – Аральское море – Челябинск – Свердловск (совр. Екатеринбург) – Киров – Архангельск – Северодвинск – Кандалакша – Мурманск – с приземлением на норвежской авиабазе Буде. Пилотировал самолет американский летчик Фрэнсис Пауэрс. Самолет летел на высоте от 18 до 21 км, в стратосфере, что, как полагали американцы, все еще было недостижимо для советской противовоздушной обороны (ПВО), они не знали, что к этому времени в СССР на вооружении уже появились зенитные комплексы С-75, способные поражать цели на такой высоте. В задачу пилота, как всегда, входило фотографирование секретных военных объектов на территории СССР.

U-2 пересек государственную границу СССР в 5 часов 35 минут и сразу был обнаружен советской системой ПВО. В воздух были немедленно подняты истребители-перехватчики и руководством страны было принято решение все, не участвовавшие в уничтожении нарушителя, самолеты и вертолеты посадить на ближайšie аэродромы. Это дало возможность радиолокационным станциям лучше видеть и вести цель.

После расчета высоты полета U-2 командование еще раз убедилось, что сбить его мог только истребитель Су-9. Этот самолет совершенно случайно оказался на аэродроме Кольцово под Свердловском (Екатеринбург-

гом). Летчик Игорь Ментюков перегонял его с завода в Новосибирске в свою часть, расположенную в Барановичах (Белоруссия) и в Кольцово он сел для дозаправки. Так как Су -9 был совершенно новый, к бою он не был готов, на нем отсутствовало вооружение, а у летчика не было высотно-компенсирующего костюма и гермошлема.

Как вспоминал впоследствии сам летчик, ему был отдан приказ срочно вылететь в направлении Челябинска. На связь с ним вышел не КП аэродрома, а командующий авиацией армии ПВО генерал-майор авиации Юрий Вовк. Узнав о том, что на самолете нет вооружения, Ментюкову был отдан приказ идти на таран. Летчику ничего не оставалось, как приступить к выполнению задания, хотя он прекрасно понимал, что это, скорее всего, приведет к его гибели. Единственное, о чем он попросил в тот момент, это позаботиться о его семье и матери (жена Ментюкова ждала ребенка). Но таран не состоялся из-за ошибки оператора наземного наведения и отказа бортовой РЛС. У Ментюкова была только одна попытка по причине нехватки топлива, так как на такую высоту можно было подняться только на полном форсаже.

Но все же советским силам ПВО в тот день удалось сбить самолет-нарушитель. Только не в воздухе, а с земли. Первым огонь открыл зенитный ракетный дивизион под командованием капитана Николая Шелудько, но U-2 ушел из зоны поражения. И, наконец, недалеко от Свердловска U-2 был сбит боевым расчетом под командованием майора Михаила Воронова. Причем первой же ракетой ЗРК С-75, но, поскольку уверенности в том, что цель поражена у зенитчиков не было, они выпустили по противнику еще несколько ракет.

Пауэрс выбрался из кабины падающего самолета на высоте от 10 до 5 км (по полученным позже данным, катапультироваться он не стал, так как случайно узнал от техника на аэродроме, что при этом сработает взрыв-

ное устройство, заложенное в кресло) и благополучно приземлился на парашюте у с. Косулино, где и был задержан местными жителями.

К сожалению, операция по пресечению полета самолета-разведчика закончилась трагедией. КП армии ПВО не был проинформирован, что U-2 уже сбили, там посчитали, что противник, прикрываясь помехами, продолжает полет. Поэтому, окончательный доклад об уничтожении U-2 М. Воронов сделал только тогда, когда Пауэрс был задержан, то есть примерно через полчаса. Эти 30 минут задержки с рапортом оказались роковыми. Сам М. Воронов впоследствии говорил, что уверенности в том, что самолет сбит, не было наверху и там тянули время для уточнения. На перехват уже сбитого к тому времени U-2 были подняты самолеты МиГ-19 капитана Бориса Айвазяна и старшего лейтенанта Сергея Сафронова. В зенитном дивизионе, которым командовал майор А. Шугаев, самолеты МиГ-19 приняли за U-2 и открыли по ним огонь. Одной из ракет был сбит самолет Сергея Сафронова, летчик катапультировался, но получил серьезное ранение и приземлился уже без сознания. Борис Айвазян чудом сумел сманеврировать, и ракета прошла мимо. (Позднее, в беседе с А. Докучаевым Айвазян вспоминал, что, помимо случайности, его спас и опыт, он полгода тренировался уходить от атак противника, и в тот раз он увернулся от ракеты отработанным до автоматизма приемом).

После работы специальной комиссии по разбору случившегося, было выявлено большое количество просчетов, недоразумений, несогласованности и открытой халатности. Стоит только привести несколько строчек из докладной министру обороны, как многое становится понятным: *«Командующий истребительной авиацией армии ПВО генерал-майор Вовк Ю.С. в 8 часов 43 минуты приказал поднять с аэродрома Кольцова два самолета МиГ-19, однако не доложил командующему, на главном командном пункте в*

течение десяти минут не знали, что истребители в воздухе. В 8 часов 53 минуты штурман истребительной авиации армии полковник Терещенко 77. С. обнаружил на экране планшете пару МиГ-19 и приказал им на высоте 11.000 метров следовать в сторону огня зенитных ракет. От управления в дальнейшем самоустранился...»

Причиной гибели Сергея Сафронова была названа «плохая работа боевого расчета главного командного пункта армии ПВО. Начальники родов и служб не общались о принятых решениях на главный командный пункт, ГКП в свою очередь не информировал об обстановке командиров частей и соединений. В 57-й ЗРБ не знали о нахождении истребителей в воздухе. Поэтому был сбит самолет Сафронова с включенным ответчиком...». Опубликовавший эти материалы А. Докучаев тем не менее сделал заключение, что «сейчас уже очевидно: главная причина всех просчетов – в несогласованности действий, нехватке опыта у офицеров командных пунктов, в необычности поединка, развернувшегося, по сути, в стратосфере. Как могли службы КП синхронно сработать, если таковой синхронизации они не достигли. Зенитные ракетные части только формировались, и управлять ими совместно с истребительной авиацией офицеры КП только учились. И тут без издержек не обойтись».

Можно было бы согласиться с таким утверждением, если бы не последняя фраза. Под «издержками» автор подразумевает человеческую жизнь, которую можно было сохранить. Как уже отмечалось, еще в 1956 г. была создана специальная группа для уничтожения самолетов-нарушителей, а за спиной многих участников событий был колоссальный опыт Великой Отечественной войны. Трудно поверить, что к началу 60-х гг. командование еще не научилось согласовывать действия между зенитными ракетными частями и истребительной авиацией. Поражает тот факт, что в

одних частях страны знали о полетах самолетов-разведчиков еще в 1956 г., а в других до 1960 г. продолжали утверждать, причем на самом высоком уровне, что самолеты на высоте 20 км летать не могут, и поэтому часто отдавали команду их «не замечать».

В мае 1960 г. был обнародован Указ о награждении воинов, которые пресекли полет самолета-шпиона. Орденов и медалей был удостоен 21 человек. Орденом Красного Знамени были награждены старший лейтенант Сергей Иванович Сафронов (без слова «посмертно») и командиры зенитных ракетных дивизионов капитан Николай Шелудько и майор Михаил Воронов. А. Докучаев отмечал, что на Михаила Воронова главнокомандующий Войсками ПВО страны маршал Бирюзов дважды писал представление на звание Героя Советского Союза, но «оба раза, чертыхаясь, разрывал уже подписанный документ, «доложил бы на десять минут раньше».

18–21 августа 1960 г. в Москве состоялся суд по уголовному делу над американским летчиком-шпионом Френсисом Гарри Пауэрсом. В ходе судебного процесса выяснилось, что представитель государственного департамента США в тот же день, когда был сбит самолет, вынужден был признать, что «факт нарушения границы СССР американским самолетом «вполне возможен», но имел случайный, не предумышленный характер», и что 1 мая 1960 г. самолет типа «Локхид У-2» «производил исследование погоды, брал пробы воздуха в верхних слоях атмосферы в районе советско-турецкой границы, но из-за неисправности кислородного питания пилот потерял сознание, после чего самолет сбился с курса и, управляемый автопилотом, залетел на территорию СССР». США, якобы, даже организовали поиски своего самолета в районе озера Ван (Турция).

Это было довольно странное, если не сказать, нелепое, утверждение, учитывая, что расстояние, которое

«случайно» преодолел американский самолет, от советско-турецкой границы до места, где он был сбит, составляло не менее трех тысяч километров. Чтобы преодолеть это расстояние самолету понадобилось бы не менее четырех часов, а учитывая «обморочное» состояние пилота из-за неисправности кислородного оборудования, вряд ли он смог бы выжить. Вероятно, это понимали и в Госдепе США, однако, как выяснилось позже, американцы лгали сознательно, поскольку они даже подумать не могли, что летчик мог спастись и у СССР будут неопровержимые доказательства его шпионской деятельности.

Дело в том, что летчикам, выполнявшим особо секретные задания, выдавались специальные средства для «самоликвидации». Однако Пауэрс таким средством не воспользовался (в его случае, это была отравленная булавка), а о взрывном устройстве, срабатывающем в кресле при катапультировании, он уже знал. По некоторым сведениям, согласно инструкции, летчики, в случае угрозы попадания самолета к противнику, должны были сами его взорвать, специальная кнопка для этого находилась у кресла пилота. Но Пауэрс, опять же ее не использовал. Это обстоятельство ему потом поставили в вину сами американцы, но затем оправдали и даже наградили за то, что «не выдал секретных сведений».

Через несколько дней США были вынуждены признать разведывательный характер полета своего самолета, причем сделали это они в довольно вызывающей форме. В своем, как было отмечено судом, «беспрецедентном в истории международных отношений заявлении» государственный секретарь Гертер сообщил, что президент США Д. Эйзенхауэр, в соответствии с законом 1947 г. о национальной безопасности, ввел в действие директивы о проведении разведывательной деятельности против Советского Союза. На основе этих директив «были разработаны и проведены в жизнь

программы, предусматривавшие вторжение американских разведывательных самолетов в воздушное пространство СССР». Президент США Эйзенхауэр 11 мая 1960 г. подтвердил заявление Гертера и также признал, что осуществление полетов американских самолетов над территорией Советского Союза было и остается «рассчитанной политикой США». То же самое заявило правительство США и в ноте Советскому правительству от 12 мая 1960 года.

Судом было сделано заключение, что «шпионский полет этого самолета был организован с ведома правительства США специальным американским разведывательным подразделением, базирующимся в Турции, и зашифрованным условным названием «10-10».

Как было отмечено в материалах дела, «особой наглостью и бесстыдством» было отмечено выступление вице-президента США Никсона, который, выступая 15 мая 1960 г. по американскому телевидению, заявил, что «Соединенным Штатам необходима «непрерывная программа» шпионской деятельности», тем самым закрепив за США «право на шпионаж». В суде это было рассмотрено, как официальное провозглашение правительством США политики, «которая может проводиться лишь в условиях, когда государства находятся в состоянии войны».

На суде было заявлено, что США нарушили все нормы международного права, вторгшись в воздушное пространство суверенного государства. По сути, это был суд не над отдельно взятым американским летчиком, а над всей американской политикой, проявлением которой явилось «заключение под эгидой США агрессивных пактов и союзов почти во всех частях света, гонка вооружений, создание сети военных баз вокруг границ Советского Союза и других социалистических стран и иные агрессивные действия, ставящие под угрозу всеобщий мир и безопасность». Что же касается Пауэрса, то он на судебном процессе полностью признал свою

вину, сотрудничал со следствием и был осужден на 10 лет. В феврале 1962 г. на Глиникском мосту между Западным Берлином и Потсдамом (посередине моста проходила граница между ГДР и Западным Берлином) его обменяли на знаменитого советского разведчика Вильяма Фишера, работавшего под псевдонимом Рудольф Абель (сцена обмена на мосту впоследствии была воспроизведена в знаменитом советском фильме «Мертвый сезон» 1968 г.).

Пауэрс вернулся в США, где его поначалу встретили очень прохладно, даже предъявили ему несколько обвинений, но затем оправдали и даже секретно наградили одной из высших наград США.

И вот здесь возникает вопрос, за что? Неужели американцы настолько гуманны, что летчик, сорвавший тайную операцию по сбору информации, не применивший средств уничтожения ни в отношении себя, ни в отношении самолета, как это было положено по инструкции, выдавший советскому суду всю информацию, которой он на тот момент располагал, неужели он достоин награды только за то, что вернулся живым на Родину?

В Интернете есть версия Вадима Фомченко о том, что на самом деле полет Пауэрса был спецоперацией ЦРУ с целью вызвать недоверие между СССР и КНР. Суть ее заключается в том, что настоящей задачей, поставленной перед Пауэрсом, было специально «подставиться» под удар советской ракеты, (или даже самому повредить самолет), при этом максимально сохранить и самолет и себя, чтобы в руки противника попала не только секретная фотосъемка объектов на территории СССР, но и сохранившаяся на борту съемка территории Китая, с большим количеством объектов, о которых дружественный нам в то время Китай предпочел умолчать (часть снимков при этом могла быть фальсифицирована). В. Фомченко выдвинул версию, что таким образом начал действовать настоящий план

ЦРУ, чтобы «русские в резкой форме выразили протест китайцам. Китайцы были возмущены несправедливыми обвинениями и стали приходить к выводу, что русские действительно договорились с Эйзенхауэром и ведут дело к разрыву с Китаем. ...откуда русские получили сведения о секретных заводах, как не от ЦРУ». Версия эта, безусловно, спорная, и не подтвержденная никакими официальными документами, но она как-то пытается пролить свет на эти события и, возникающие в связи с ними, вопросы. Необходимо учитывать, что документы по многим эпизодам «холодной войны» в США до сих пор засекречены, и, может быть, только со временем удастся узнать правду, что же на самом деле произошло 1 мая 1960 года.

Естественно, инцидент с самолетом-разведчиком вызвал бурную реакцию в Советском Союзе. Хрущев потребовал от президента США Эйзенхауэра извинений, но их не последовало, поэтому запланированная за год до этого инцидента встреча в Париже лидеров двух стран не состоялась. Не состоялся и запланированный визит президента Эйзенхауэра в СССР. Все это привело к еще большему осложнению международной обстановки. Больше общаться с Эйзенхауэром Хрущев не желал и все надежды возлагал на нового президента США – Д. Кеннеди.

В.Г. Егоров,
доктор исторических наук,
доктор экономических наук, профессор,
зав. секцией (СГН-1) МГТУ им. Н.Э. Баумана

Самозанятость населения в актуальном социальном и экономическом контексте

***Ключевые слова:** Малые экономические формы, самозанятость и хозяйственная самоорганизация населения, кооперация, народные художественные промыслы*

***Keywords:** Small economic forms, self-employment and economic self-organization of the population, cooperation, folk art crafts*

Поступательное движение человечества к более совершенным и сложным формам социальной, в том числе экономической организации, порождает когнитивную возможность редуцированного представления развития цивилизации в рамках простой модели перехода от низшего к высшему, отрицающей приобретенные в ходе предшествующего развития сущности и реалии.

Занявшие доминирующее положение в ходе становления массового производства крупные формы организации общественного хозяйства в таком контексте не только ассоциируются с всеобщим прогрессом и занимают значительное место в академическом дискурсе, но в значительной степени создают трудности в осмыслении роли малых экономических форм, как с точки зрения их значения в современном социуме, так

и в цивилизационных трендах, наметившихся в связи с постепенно приближающейся эпохой постмодерна.

Для того, чтобы не следовать соблазну избыточной «простоты» в описании сложного социально-экономического процесса и оценке социальной значимости различных форм собственности, укладов и организационных структур, следует избегать субъективно устанавливаемых границ их функциональности, даже в том случае, когда традиционный взгляд связывает хозяйственную реальность с определенным (и давно минувшим) историческим периодом. Например, опыт функционирования современных итальянских промокругов свидетельствует об актуализации сущностных качеств труда мастера, присущих средневековому ремесленнику.

Феномен «Итальянской модели» основан на создании и функционировании так называемых «промокругов», в которых объединено около десятой доли трудоспособного населения страны. «Промокруги» функционируют, прежде всего, в экспортноориентированных отраслях, которые дают 46% всего национального экспорта. [25, с. 107]

Экономический строй «промокругов» учитывает национальные традиции промышленного производства, берущие истоки в ремесленной промышленности, ориентированной на самый взыскательный спрос.

Хозяйственными субъектами «промзон» являются мелкие предприятия. Сохраняя конкуренцию в выполнении отдельных технологических операций, участники округов «объединены общей заинтересованностью в производстве некоего товара или услуги». Статья Бекаттини Д. «От «промышленного сектора» к «промышленному округу» (1979) стала новым прочтением кооперативного «ренессанса» современной промышленности в рамках теории дискриптуализма (от англ. *discript* – округ). Определяя институциональные качества округов Дж. Бекаттини пишет: «В округе, в

отличие от других сред (например, промышленного города), сообщество и предприятия склонны, так сказать, к взаимному «прорастанию», проникновению друг в друга (*tendon ad interpenetrarsi a vicenda*). [26, p. 38]

Эволюционный характер становления крупного промышленного производства Японии обусловил сохранение в экономике страны значительного мелко-товарного уклада.

Особенности развития форм хозяйственного устройства японской экономики породили характерную исключительно для страны восходящего солнца систему построения устойчивых объединений крупных фирм, включающих средние и мелкие предприятия – кэйрэцу. «Их наиболее распространенной формой являются вертикальные по типу объединения предприятий в сборочных производствах обрабатывающей промышленности, контуры которых напоминают пирамиду. Головная фирма является при этом вершиной пирамиды, а субподрядные предприятия располагаются на различных ее «этапах», причем пирамида устроена таким образом, что по мере приближения к ее основанию размеры предприятий уменьшаются, а их количество возрастает.

Производственные связи между предприятиями в рамках кэйрэцу обычно дополняются и другими видами зависимости, главным из которых является участие головной фирмы в капитале субподрядчиков». [24, с. 129–130]

Система кэйрэцу занимает значительное положение в промышленности современной Японии. В машиностроении она охватывает 78,5% мелких и средних предприятий, в транспортном машиностроении 72,8%, в общем машиностроении – 70,1%, в точном машиностроении – 64,8%, металлообработке – 66,0%, текстильной отрасли – 55,6%. [1, с. 174]

Мировой опыт экономического развития свидетельствует о том, что конституировавшиеся социаль-

но-экономические уклады, в том числе патриархально-ремесленный и мелкотоварный, присутствуют в индустриальной хозяйственной системе на всем протяжении ее существования, лишь изменяя границы своей функциональности в зависимости от общественной значимости, определяемой рынком. Если объем кустарного производства в России к началу прошлого столетия исчислялся от 1 до 2 млрд. рублей, то в настоящее время ручной промышленный труд сохраняет узкую функциональную «нишу» в пределах производств, ориентированных на эксклюзивный, высокохудожественный спрос и отраслей, в которых во вновь создаваемой стоимости товара преобладают трудовые затраты мастера, что, как правило, характерно для предприятий, использующих доступный природный материал (бересту, лыко, лозу, глину и т.д.)

Кроме того, современные тенденции цивилизационного развития свидетельствуют о возрастании социального значения малых экономических форм по мере вступления человечества в постиндустриальную эпоху. Формирование новой системы социально-экономических отношений, основанной на доминанте интеллекта и информации, возвращает в экономический мейнстрим активную роль личности, наделенной уникальными способностями и малых форм, приобретающих в связи с «дематериализацией» экономики конкурентные возможности, сопоставимые с потенциалом крупных предприятий.

Регенерация маломасштабных хозяйственных субъектов в качестве полноправных участников экономического процесса ведет к восстановлению «в правах» семейной организации предприятий, замененной в эпоху перехода к массовому производству трудом наемных рабочих. Семейная кооперация, о которой А.В. Чайнов говорил как о закономерном этапе на пути становления экономических систем, основанных на разделении труда, обладает главным преимуществом:

особой мотивированностью участия каждого актора в хозяйственной деятельности

Характеризуя современную востребованность семейной организации экономической деятельности Э. Тоффлер пишет: «В семейной фирме никто никого не обманывает. Слишком много известно всем обо всех, а помочь сыну или дочери преуспеть, используя «протекцию», – естественно. В бюрократической фирме такую протекцию называют nepотизмом и считают нарушением системы заслуг, которая, как подразумевается, превагирует. В семье субъективность, интуиция и страсть управляют и любовью, и конфликтом. В бюрократии предполагается, что решение безлично и объективно, хотя, как мы видели, важные решения детерминирует скорее междоусобная борьба за власть, чем холодная, ясная рациональность, описанная в учебниках. Наконец, в бюрократии часто трудно узнать, кто имеет власть, несмотря на официальную иерархию и звания. В семейном предприятии каждый знает, что звания и формальности не заслуживают внимания. Власть держит патриарх или иногда матриархия. А когда он (или она) сходит со сцены, власть обычно передается тщательно выбранному родственнику.

Там, где семейные отношения играют роль в бизнесе, бюрократические ценности и правила ниспровергаются, а вместе с ними ниспровергается и властная структура бюрократии.

Это важно, потому что сегодняшнее возрождение семейного бизнеса не просто преходящее явление. Мы вступаем в «постбюрократическую эру», в которой семейная фирма – лишь одна из немногих альтернатив бюрократии и власти, которую она олицетворяет». [19, с. 229–230]

В середине 1980-х годов американские экономисты М. Пиоре и Ч. Сэйбл отметили, что массовое производство исчерпало ресурс, позволявший ему удовлетворять потребительский спрос. Потребительские

предпочтения сместились в сторону эксклюзивности, малосерийности и особого качества предлагаемого продукта. Таким образом, по их мнению, наступил «второй промышленный водораздел» (*second industrial divide*), обусловленный новым качеством рынка. В новых условиях, привнесших, помимо прочего, изменения в технологии производства, мелкие, ориентированные на ремесленный высококвалифицированный труд предприятия обрели новую субъектность в рыночном хозяйстве.

Определение мест и роли мелкого производства в цивилизационном процессе неизбежно корреспондируется с теорией модернизации. В линейной ее трактовке мелкое производство, как правило, связываемое с традицией, обречено на отрицание модерном. Например, собственно «крестьянская (традиционная) культура как источник отсталости и препятствие развитию» [21, с. 71] представляется антиподом современного.

Однако современное прочтение модернизационной теории ориентировано в сторону признания за традиционными сущностями конструктивной роли в развитии и качественной трансформации. Очевидно, что в становлении эволюционно формирующегося крупного производства традиция составляет не отвергаемый рудимент, а необходимый в этом процессе конструкт, инкорпорированность которого в модернизационный процесс обеспечивает его успех и полноценность. [8, с. 88–103]

Как показала современная практика хозяйствования, мелкое производство, как правило, не дифференцирующее труд и собственность, в условиях нарастающей нестабильности «обладает значительно большим потенциалом выживания и сопротивления» [21, с. 71], нежели экономические формы, основанные на наемной рабочей силе.

Кроме того, именно малые традиционные субъекты хозяйственной деятельности являются носителями

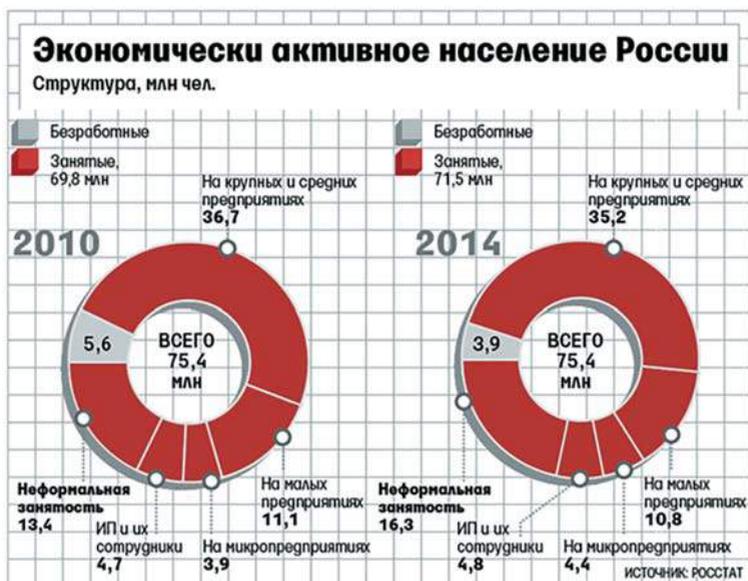
«моральной экономики», т.е. (по Э.П. Томпсону) «представлений о хозяйственных и взаимных обязанностях отдельных членов общества и организаций, которые формировались в течение длительного времени и были частью сложного социального механизма смягчения социального неравенства и нейтрализации обусловленного им конфликтного потенциала». [12, с. 107]

Основные черты «моральной экономики» были представлены на прошедшем в ноябре 2016 г. Всемирном соборе русского народа. В представлении авторов доклада «Экономика в условиях глобализации. Православный этический взгляд» «сердцевиной экономики должно являться не умножение соблазнов, а преобразование мира и человека через труд и творчество»; необходимо «соизмерять всякую экономическую деятельность с незыблемыми категориями нравственности и греха, содействуя спасению и препятствуя падению человека». Важность такого разворота целеполагания экономической деятельности граждан России обусловлена акцентом ориентации стратегии общественного развития в сторону достижения социальной справедливости, предполагающей приоритет паттернов нравственности, а не их трансформацию в товарный эквивалент.

Экономическая самоорганизация населения, не требующая больших инвестиций, являлась в XIX в. и остается сегодня важным фактором экономического развития. Потенциал самозанятости в современной России достаточный. Свидетельством тому служат данные по растущей неформальной хозяйственной деятельности.

В период с 2006 по 2015 гг. общая численность занятых в экономике возросла на 3,5 млн. чел. (на 5%) до 72,3 млн. человек. На две трети этот рост обеспечен повышением экономической активности граждан и уменьшением безработицы. За этот же период занятость на крупных и средних предприятиях сократилась

на 5,4 млн. чел (на 13,5%) до 34,7 млн. чел. В неформальном секторе количество занятых увеличилось на 31% до 8,9 млн. чел. за счет перемещения сюда тех, кто выбыл из крупных и средних предприятий. [2] Численность неформально занятых сопоставима с количеством работников малых предприятий (см. ниже приведенную схему).

Пренебрежение к проблеме экономической самозанятости населения и в целом к развитию малых экономических форм, обусловленное доминирующим в советское время идеологическим предпочтением тотального обобществления, имевшего следствием гигантоманию и непосредственную связь стратегии общественного развития с крупным массовым производством обуславливает необходимость специальных мер регенерации ремесленного и мелкотоварного уклада экономики. Сразу оговоримся, что речь не идет о сколько-нибудь внушительных инвестициях и бюджетных вливаниях, а, скорее всего, о создании соответствующих предпосылок в общественном

сознании россиян. Поиск путей создания необходимого социального климата роста активности граждан актуализирует целый пласт деятельности российских земств второй половины XIX в., направленный на популяризацию «народной экономики», преумножение творчества, мастерства, рукоделия идущих из глубин национального культурного достояния.

Конечно, так же, как в XIX в., когда «догоняющая модернизация» продуцировала экономическую реальность с «перекосом» в сторону капитализированного сегмента общественного хозяйства, препятствующего эволюционному развитию традиционной экономики, современная ее регенерация, опосредованная теми же трудностями, нуждается в специальных мерах государственной поддержки. Конкуренция с крупным капиталом, заточенность кредитно-финансовой системы страны на поддержку состоявшихся предпринимательских структур затрудняют формирование малого бизнеса и самозанятости.

Особенно сложным представляется такое становление в условиях современного экономического кризиса. По оценкам Всемирного банка в 2016 году в России «из-за рецессии доходы от самостоятельной занятости, малого бизнеса, неформальных видов деятельности, которые наиболее важны для наименее обеспеченных, просели на 6%». [3]

Проценты по банковскому кредиту для малого бизнеса остаются непосильными. По данным Центрального банка ставки в этом кредитном сегменте составляют 15–16%. В связи с дороговизной кредитов и финансовой нестабильностью малого бизнеса 16,2% кредитного портфеля банков (611,6 млрд. руб.) на 1 октября 2016 года составляют его просроченная задолженность. По данным ВТБ банк отказывает в кредитах 57,5% претендентам из числа мелких предпринимателей. [4]

Необходимость инициирования и значение самоорганизации населения, видимо, осознается российским

политическим классом. Президент РФ В.В. Путин поручил Правительству до конца 2016 года разработать закон по легализации деятельности индивидуальных предпринимателей, работающих «в тени». В этом же поручении глава государства потребовал освободить самозанятых граждан от уплаты налогов.

Фракция КПРФ в новом составе Государственной Думы намерена инициировать принятие закона о семейных предприятиях. В экономике других стран этот феномен получил широкое распространение. Удельный вес семейных компаний в общей численности составляет 50% в странах Европы, от 65 до 90% в Латинской Америке и более 95% в США. [17, с. 7]

Кустарная промышленность, являющаяся формой самозанятости населения, стала объектом государственной политики во Вьетнаме, Непале, Китае и других странах. [30]

Когда говорится идет речь о государственной политике развития малого бизнеса на основе хозяйственной самоорганизации населения, то имеется в виду не волевое решение устанавливать законодательной нормой размеры мелкотоварного уклада. Функциональные границы любой формы организации экономики, в том числе и мелкого товарного производства определяются рынком. Именно рыночная рациональная целесообразность диктует пределы сохранения ручного, уникального труда мастера и отрасли, в которых его присутствие обусловлено общественными потребностями. В этой связи целесообразно напомнить о контрпродуктивном перестроечном опыте 80-х годов прошлого века использования кооперации (одной из форм самоорганизации населения) в качестве средства разгосударствления собственности. Использование кооперативной организации в не свойственной ей функции привело к неизбежной мутации товариществ в криминальные структуры и ущерб их имиджу в общественном сознании. Наиболее адекватное функциональное пространство

экономической самоорганизации населения располагается в границах отраслей хозяйственной деятельности с низкой капиталоемкостью с доминирующей долей труда во вновь создаваемой стоимости продукта, в производствах, ориентированных на эксклюзивные в том числе высокохудожественные потребности.

Объективную основу экономической самоорганизации населения составляют местные естественные, культурные и исторические условия и факторы. В этой связи не случайно Т. Нефедова, исследовавшая «самоорганизацию сельских обществ», отмечает успех этого процесса в черноземных регионах с благоприятными условиями аграрного производства, не требующего, как в Нечерноземье, особых капитальных вложений. [13, с. 9–19] Предпосылкой успешного функционирования народных промыслов, по мнению значительной части исследователей, являются сложившиеся культурные исторические традиции. [11] Возрождение традиционных народных промыслов обеспечило успех хозяйственной самоорганизации населения многих поселений и муниципалитетов страны. [23]

Важность местных естественных и культурных предпосылок становления экономического сектора самозанятости населения обусловлена его природой, базирующейся не на привлечении инвестиций извне, в том числе государственных, но основывающейся на инициативе граждан, не обладающих сколько-нибудь значительными материальными ресурсами.

Дефицит средств, находящихся в распоряжении потенциальных субъектов экономической самозанятости, как показывает мировой опыт, особенно успешно возмещается за счет кооперативной организации. Кооперация, объединяющая труд и материальные средства мелких производителей, помимо этого важного преимущества, предоставляет возможность организации технологического процесса на основе разделения труда и его частичной механизации.

После кризиса 60–80х годов прошлого века кооперация переживает бурный подъем во всем мире. По мере сокращения, в связи с кризисными явлениями в экономике, социальных благ, предоставляемых государствами, развитие кооперативного сектора приобретает особенный размах и глубину.

На кооперативных предприятиях занято 250 млн. человек, оборот которых достиг 2,2 триллионов долларов США. В целом кооперация объединяет более миллиарда пайщиков. В странах G20 в кооперативном секторе занято 12% всего работоспособного населения. [31] Особое место кооперативный сектор занимает в слаборазвитых социумах. Например, в Кении кооперировано 50% населения. [32] В Колумбии кооперативы обеспечивают до полумиллиона рабочих мест. [28]

Кооперативная организация востребована в аграрном секторе, в котором наемный труд имеет ограниченное функциональное пространство. Например, в Японии кооперировано 91% всех фермеров. Почти 50% сахарного тростника Маврикии производят сельскохозяйственные кооперативы. В Новой Зеландии кооперативы объединяют 95% молочного рынка, в Уругвае – 90% производства мяса. [31]

Кооперация обладает большим потенциалом в решении социальных проблем. Так, в Дании общества потребителей занимают 36,4% розничного товарооборота. В Скандинавских странах за счет участия кооперативных организаций удалось добиться высокого уровня дошкольного воспитания. [27] В Кот-д’Ивуаре только за один 2002 год кооперативы вложили 26 млн. долларов в создание школ для одаренных детей и создание материнских клиник. [31]

Кооперативное движение стало повсеместно существенной составляющей гражданского общества, которое успешно восполняет идею и практику государства всеобщего благоденствия, испытывающие депривацию в связи с системным финансовым кризисом.

Гражданское общество, составляющее необходимое условие российского демократического транзита, в силу специфики формирования находится на начальном этапе становления. [10] Несмотря на социальную востребованность, развитие кооперативного сектора России сопряжено со значительными трудностями. С 2008 по 2011 г. количество потребительских кооперативов уменьшилось с 86632 до 86625. На 1831 уменьшилось число жилищно-строительных кооперативов, на 1738 – садоводческих товариществ. За этот же период количество производственных кооперативов уменьшилось вдвое с 44027 до 20698. [7, с. 324]

Развитие кооперации, как и других форм экономической самоорганизации населения, помимо социально-экономической целесообразности, имеет позитивный потенциал социальной стратегии движения от общества потребителей, в значительной степени утратившей смысл ценностного ориентира к экономике, позволяющей вернуть активную роль творческой личности, раскрывающей свой внутренний потенциал за счет особой мотивации, обусловленной гармонизацией в кооперации труда и собственности.

Важную роль в развитии экономической самозанятости населения могут сыграть и другие традиционные формы организации граждан. Например, артельные объединения, которые во второй половине XIX века объединяли крестьян целых сел и даже волостей. Селяне, специализируясь на определенной профессии, как правило, строительной, посвящали внеземледельческой деятельности все свободное от полевых работ время. Так, крестьяне Страмиловской и смежной Алексеевской волости Серпуховского уезда Московской губернии практически поголовно занимались стекольным промыслом, а к концу 1870-х годов это мастерство охватило три волости Подольского уезда. Владимирские каменщики, плотники, кирпичники, кровельщики обеспечивали потребности сезонных

строительных работ в Санкт-Петербурге, Москве, территории Войска Донского, Кубани и т.д. [9, с. 140–155]

Историческая обусловленность и ментальная предрасположенность народа к коллективному труду и быту позволили народникам, и думается не без основания, увидеть в нем важный элемент самобытного развития России. Однако верно замеченная особенность русской действительности привела в абстрактном теоретизировании к необоснованной идеализации ее социальных возможностей.

Коллективные формы труда уходят корнями в глубокую древность. Вплоть до настоящего времени народная память донесла сведения о патриархальной, но до сих пор присутствующей в сельской жизни, форме взаимодействия «помочи».

Так, например, вплоть до конца XIX столетия изготовление санных полозьев, тележных колес, дуг и т.д. в трех из шести промысловых районов Нижегородской губернии (Арзамасском, Сергачском и Ардатовском уездах) осуществлялось в виде «помочи». «Помочане» в количестве 8–10 человек участвовали в совместной работе за «угощение». «Помочь» оказывалась попеременно то одному, то другому мастеру так, что наиболее трудоемкие операции производственного цикла были обобществлены и фактически представляли собой зачаточные формы кооперативной организации. [14, с. 86, 121]

В хлопчатобумажном ткачестве Медынского уезда Калужской губернии приготовлением основ занимались 4–5 ткачих: «одна баба удерживала основу в натянутом положении, держа за клубок, две другие держали рядку и две последние вертели навой». Помощницы работали бесплатно, так как сами нуждались в аналогичных услугах. [20, с. 291] «Можно сказать без преувеличения, что чужими руками пользуются если не все, то большинство гончаров сл. Котельны Ахтырского уезда (Харьковской губернии – авт.), пи-

сал В.П. Воронцов, – но не за плату, а в виде взаимных услуг: тот, у кого нет спешной работы, помогает тому, кто ею завален за харчи или за магарыч». Гончары г. Ахтырки, как правило, не прибегали к найму рабочей силы, а обходились взаимопомощью: «сосед помогает соседу, приятель приятелю». Без найма рабочих трудились ахтырские кузнецы, «заменяя их, в случае надобности, заказчиками или своими же товарищами – кузнецами, квитаясь в обоих случаях магарычем». [6, с. 11] Веревочники с. Фокина Васильского уезда Нижегородской губернии для скручивания толстых канатов на маховом колесе собирали «помочи» до 100 человек. [15, с. 627; 16, с. 330–331]

Особенностью культурного опыта является глубокая укорененность в социальную организацию общинных устоев, определявших жизнь сельского населения страны вплоть до начала Великой Отечественной войны [22] и существенно повлиявших на формирование ментальных качеств народа. Опора на общинную традицию может явиться и сегодня важнейшим фактором экономической самоорганизации населения. Положительным примером, иллюстрирующим возможности общинного начала в решении проблемы занятости населения, может служить распространившаяся в пределах Ярославского села Вятское инициатива создания на основе этого населенного пункта туристического комплекса, обеспечивающего работой значительное количество жителей. [33]

Особое место в ряду организационных форм занятости населения принадлежит народным художественным промыслам. Традиционные, сохраняющие преемственность культурного богатства народа промыслы: Абрамцево-Кудринская резьба, Богородская резьба, Великоустюжское чернение по серебру, Вологодское кружево, Гжельская керамика, Городецкая роспись, Дымковская игрушка, Елецкое кружево, Жостовская роспись, Кировский капо-корешок, Кре-

стецкая вышивка, Мстерская вышивка, Мстерская миниатюра, Палехская миниатюра, Скопинская керамика, Тобольская резная кость, Торжокское золотое шитье, Федоскинская миниатюра, Холмогорская резная кость, Холуйская миниатюра, Хотьковская резная кость, Хохломская роспись, Чукотская резная кость, Шемогодская прорезная береста составляют национальное достояние и, безусловно, заслуживают особого внимания со стороны государства.

Разрушение советской системы регулирования этой отрасли, приносящей значительные валютные поступления, привело к ее деградации. В начале 90-х годов были ликвидированы институты, осуществляющие государственное управление народными художественными промыслами: соответствующие структуры при Госплане, главк при министерстве местной промышленности, региональные управления этого ведомства, курирующие производство художественных изделий и даже НИИ художественной промышленности.

Деинституализация государственного управления отраслью и непрофильная приватизация привели к ликвидации большого количества предприятий художественной промышленности. Конечно, в ряду закрывшихся производств были и такие, продукция которых не отличалась художественностью и не составляла никакой ценности, а крушение административно-плановой системы, далеко не всегда способствующей развитию художественного мастерства, не может являться аргументом в пользу ее регенерации. Однако само по себе ослабление государственного влияния на положение дел в отрасли художественных промыслов имело деструктивные последствия, заключающиеся не только в сокращении выпуска «шедевров» народного творчества, но и в наводнении рынка откровенно безыскусными поделками и продуктами китайского массового производства. Большинство специалистов оценивают сегодняшнее состояние народных худо-

жественных промыслов как кризисное. К концу 90-х годов, например, количество производимых матрешек за десятилетие сократилось в 3 раза; шкатулок, сувениров, кружев, строчевышитых изделий – в 10 раз. На протяжении двухтысячных годов ежегодное падение производства продукции народных художественных промыслов составило от 15% до 40%. В связи с неудовлетворительным экономическим состоянием отрасль теряет высококвалифицированных мастеров. Резкое снижение численности занятых наблюдается в 80% предприятий. [18]

Со второй половины 90-х годов начался процесс восстановления системы государственной поддержки народных художественных промыслов. В октябре 1994 года был опубликован Указ Президента РФ № 1987 «О мерах государственной поддержки народных художественных промыслов». Конкретная система мер по реализации президентского указа содержалась в Постановлении правительства от 22 марта 1995 г. «О дополнительных мерах государственной поддержки народных художественных промыслов Российской Федерации». В 1999 году был принят Федеральный Закон № 7-ФЗ «О народных художественных промыслах». Специальным приказом Минпромнауки России от 8 августа 2002 года № 226 был утвержден перечень видов производств и групп изделий народных художественных промыслов, в соответствии с которым осуществляется отнесение того или иного продукта ручного труда к изделию народных художественных промыслов.

Согласно пункта 2 статьи 5 Федерального Закона «К организациям народных художественных промыслов относятся организации (юридические лица) любых организационно-правовых форм собственности, в выпуске товаров и услуг которых изделия народных художественных промыслов, по данным федерального государственного статистического наблюдения за предыдущий год, составляют не менее 50%» [29],

однако, учитывая народную природу художественных промыслов, предпочтительным направлением их развития необходимо считать также формы, рожденные самодеятельной инициативой населения. При этом роль государства в поддержке художественных промыслов состоит в создании максимально благоприятных условий их развития. Предоставляемые согласно ст. 395, ст. 241 и ст. 149 НК РФ льготы по земельному, социальному налогам и налогу на добавленную стоимость льготы явно недостаточны для восстановления и полноценного функционирования отрасли.

Свою лепту в регенерацию народных художественных промыслов вносят институты гражданского общества. Ассоциацией «Народные художественные промыслы России» осуществляется большая работа по разъяснению важности их сохранения и преумножения, организуются ежегодные выставки в ЦВК «Экспоцентр» (14 декабря 2016 года откроется XXI ярмарка-выставка). Однако заглавная роль в развитии художественных промыслов, естественно, принадлежит инициативе, идущей из глубин народной жизни. Поэтому самоорганизация населения и в этом важном деле остается востребованной и актуальной.

Таким образом, потребность в повышении темпов экономического развития, как и совершенствование механизма хозяйственности, не может быть реализовано вне формирования условий для рекрутирования в хозяйственную деятельность широких масс населения. На наш взгляд, успех в решении этой проблемы является важнейшим в ряду мер, направленных на ускорение экономического роста страны. В контексте задачи эффективного использования форм организации экономики, инициированных гражданами «снизу», вновь актуализируется общественная дискуссия, смысл которой вложен в уста вересаевских персонажей, рассуждающих о востребованности или, напротив, рудиментарности кустарной промышленности в связи

с наступающей эпохой промышленного переворота. По словам одного из них: «Что спорить? Сама по себе артель, разумеется, дело хорошее... Я не сомневаюсь, что этим путем вам удастся поднять на некоторое время благосостояние нескольких десятков кустарей. Но все силы, всю свою душу положить на такое безнадежное дело, как поддержка кустарной промышленности, – по-моему, пустая трата сил и времени». Скептически относившийся к этой точке зрения второй собеседник «был знаком с этим недавно народившимся у нас доктринерским учением, приветствующим развитие в России капитализма и на место живой, деятельной личности кладущим в основу истории слепую экономическую необходимость» [5, с. 103–104]. За осознание правоты в решении этого политэкономического спора мы заплатили слишком большую цену – годы забвения форм организации экономики, основанной на самостоятельной инициативе населения.

Библиографический список

1. Белая книга по мелким и средним предприятиям. Токио, 1997.
2. Ведомости № 199 (4188). 2016. С.5.
3. Ведомости. № 211 (4200). 2016, С.1.
4. Ведомости. № 211 (4200). 2016, С.20.
5. *Вересаев, В.В.* Живая жизнь. Киев. 1988.
6. *Воронцов, В.П.* Артель в кустарном промысле. СПб., 1895.
7. *Егоров, В.Г.* Кооперация в современной России. СПб., 2013. с.324.
8. *Егоров, В.Г., Зозуля, О.А.* Трансформация кустарных промыслов России во второй половине XIX в. // Вопросы истории. № 6. 2015.
9. *Егоров, В.Г., Зозуля, О.А., Палеолог, М.В.* Кустарные промыслы нечерноземной деревни второй половины XIX – начала XX вв. (на материалах Московской губернии). М., 2011.

10. *Егоров, В.Г., Мамадов, М.М., Штоль, В.В.* Консервативная модернизация постсоветских политических режимов СПб., 2016.

11. *Егорова, М.Г.* Преемственность и семейные традиции в становлении и развитии кустарных крестьянских промыслов центрального региона России в конце XIX – начале XX веков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Иваново. 2005.

12. *Кондратик, Л.* Концептуализация понятий «моральная экономика» и «экономическая мораль» // Социология: теория, методы, маркетинг. № 2. 2008.

13. *Нефедова, Т.* Многоукладность сельской экономики и хозяйственная самоорганизация сельских обществ // Отечественные записки. № 1. 2006.

14. Нижегородский сборник. Изд. Нижегородским губ. стат. Комитетом под ред. А.С. Гациского. – Т. VIII. Н.-Новгород, 1871.

15. Нижегородский сборник. – Т. IX. – 1879. – С.17. Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. – Вып. VI (Нижегородская и Ярославская губ.) СПб. 1880.

16. Нижегородский сборник. – Т. IX. – 1879. – С.17. Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. V (Черниговская, Тверская, Московская и Нижегородская губернии). – 1880.

17. Парламентская газета. № 37 (2759). 2016.

18. *Сучкова, С.Ю.* Развитие потенциала конкурентоспособности товаров народных художественных промыслов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. СПб., 2011.

19. *Тоффлер, Э.* Метаморфозы власти: Знание, богатство и сила на пороге XXI века: пер. с англ. М.: АСТ Москва, 2009.

20. Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. II (Калужская и Нижегородская губернии) СПб. 1979.

21. *Фурсов, А.И.* Крестьянство: проблемы социальной философии и социальной теории // Обозреватель-Observer. № 6. 2012.

22. Холмс, Л. Социальная история России: 1917–1941. Ростов-на-Дону. 1994.

23. Художественные промыслы России: Проблемы сохранения и развития традиционных народных художественных промыслов России в условиях рыночной экономики. Вологда, 1994.

24. Япония-2000: Консерватизм и традиционализм. – М.: «Восточная литература» РАН, 2000.

25. *Becattini, G.* Icalabrone Italia. Bologna, Mullno, 2008.

26. *Becattini, G.* The Marshallian industrial district as a socio-economic notion // Pyie F., Becattini G., Sengenberger W. (eds.) Industrial districts and inter0firm cooperation in Italy. Geneva: International Institute for Labour Studies, 1990.

27. Coop Norden AB Annual Reports.2007

28. www.confecoop.

29. docs.cntd.ru/document/901723815

30. <http://delonovosti.ru/business/3130-kustarnoe-proizvodstvo>

31. <http://ica.coop>

32. www.ilo.org

33. <http://krasaderevni.ru/villages/vyatskoe/?yclid=7380066122365144143>

С.Я. Лавренов,

доктор политических наук,

профессор секции (СГН-1) МГТУ им. Н.Э. Баумана

Февральская революция 1917 года: закономерность или случайность?

Ключевые слова: Февральская революция, царская администрация, Манифест 17 октября 1905 г., выкупные платежи, РСДРП, эсеры, черносотенцы

Keywords: The February Revolution, the tsarist administration, the Manifesto of October 17, 1905, redemption payments, the RSDLP, the Socialist Revolutionaries, the Black Hundreds

Вступление на престол Николая II в 1894 г. сопровождалось обостренным ожиданием общества перемен к лучшему, прежде всего либерализации политической жизни в России и поворота к социальной справедливости. Однако Николай II, с первых же шагов в качестве самодержца, провозгласил приверженность курсу своего предшественника, Александра III. Это означало, что в стране, по-прежнему, будут отсутствовать реальные гражданские и политические свободы, а рычагам власти будут допущены представители лишь привилегированных сословий, оставляя для основной части населения одно право – право на нищенское существование. Нежеланием реформировать систему государственного управления император оттолкнул от себя не только буржуазию, стремившуюся к большему влиянию на политический процесс, но и либерально настроенное земство и интеллигенцию. Что касается простого народа, то он, до поры до времени, пребывал

в иллюзиях относительно того, что молодой царь будет добрым.

Отличительной особенностью аппарата управления Российской империи в конце XIX в. являлась его крайняя бюрократизация: в начале XX в. в системе государственных учреждений разных уровней служило свыше полумиллиона чиновников, на содержание которых ежегодно расходовалось до 15% госбюджета [8; с. 265]. Заинтересованное в высоком казенном жаловании и сохранении привилегий, бюрократия, до поры до времени, являлась опорой самодержавия.

В наследство Николаю II достался не до конца, «полукрепостнически» решенный крестьянский вопрос. В русской деревне сложилась противоречивая ситуация. В России к началу XX в. сохранялось общинное землепользование, при котором крестьяне не имели права отказаться от полученных в 1861 г. наделов, но были обязаны компенсировать помещикам за выделенную землю выкупными платежами в течение 49 лет¹. Только после этого крестьянин становился полноправным собственником земли, которую мог продать, подарить или передать по наследству. Проблема заключалась в том, что более половине крестьянских дворов платить было нечем, в качестве платы за землю они могли предложить помещику лишь свои рабочие руки для отработок [9; с.22]. Постоянно раздражителем для крестьян был и сам факт помещичьего землевладения, в состав которого, по итогам реформы 1861 г., были отведены сами лучшие земли.

В деревне, естественно, бедствовали не все. Из сельской среды выделились оборотистые, ставшие состоятельными крестьяне («кулаки», таких было около 3%), которые могли себе позволить нанять сезонных работников, около 15% занимаясь не только сельским трудом, но и ростовщицеством, а также мелкой торговлей, смогли стать зажиточными, но большинство в сельской общине было откровенной беднотой, которой

зачастую ничего не оставалось, как почти задаром сдать свою землю в аренду и податься в город на заработки [13; с. 208]. Таких «лишних» рабочих рук в русской деревне насчитывалось почти 23 млн, которые, в силу безысходности и озлобленности, представляли собой готовый «горючий» материал для будущих социальных волнений [6; с. 160]. Нельзя сказать, что власть не осознавала этого.

Параллельно с царским манифестом 6 февраля 1903 г. подтверждавшим неприкосновенность общинного землевладения (в чем были заинтересованы помещики), крестьянам было разрешено переселяться на казенные земли, они были также уравнены в правах с другими сословиями. Однако крестьянский мир эти полумеры уже не устраивало, они были (причем независимо от разницы в местном социальном статусе) были настроены резко против помещиков-мироедов.

В растущей оппозиции к самодержавию находился и рабочий класс, несмотря на то, что еще при Александре III был принят ряд мер, облегчивших положение рабочих. В частности, в 1886 г. был принят закон о порядке найма и увольнения, упорядочении штрафов и выплаты заработной платы. Положительным моментом стало введение института фабричных инспекторов, обязанных следить за выполнением законов, однако эти шаги лишь на время смягчили остроту рабочего вопроса в России [9; с. 31].

К началу века пролетариат России представлял собой внушительную силу, насчитывая около 14 млн. чел (19% населения), из них около 3 млн относились к фабрично-заводским рабочим, наиболее квалифицированным и сплоченным. При этом, в отличие от европейских стран, среди российских рабочих фактически отсутствовал феномен рабочей аристократии, все они подвергались жесткой эксплуатации [6; с. 160]. При этом, заработная плата рабочих России была гораздо ниже, чем в развитых европейских странах. В 1900 г.

рабочий в России получал в среднем 25 руб. в месяц при недельных 65 рабочих часа, а чернорабочий в США – 71 рубль при часовой недельной нагрузке в 56 часов [9; с. 26]. На производстве практически отсутствовала охрана труда. Повсеместно эксплуатировался труд женщин и детей. Масса рабочих умирала от истощения, эпидемических болезней и профессиональных заболеваний. «Если...под голодом разуместь недоедание, не такое, от которого тотчас умирают люди, а такое при котором люди живут, но живут плохо, преждевременно умирают, уродуясь, не плодясь и вырождаясь, то такой голод уже двадцать лет существует для большинства нечерноземного центра» [9; с. 28], отмечал в свое время Л.Н. Толстой. Рабочий вопрос, как и крестьянский, требовал принципиального решения.

Наиболее дальновидные из российских чиновников понимали это. В частности, начальник московского охранного отделения С.В. Зубатов попытался взять под контроль рабочее движение через создание легальных рабочих организаций (политика «полицейского социализма»²). По мнению Зубатова, «рабочий класс – коллектив такой мощности, каким, в качестве боевого средства, революционеры не располагали ни во времена декабристов, ни в период хождения в народ, ни в момент массовых студенческих выступлений... Будучи разъярен социалистической пропагандой и революционной агитацией в направлении уничтожения существующего государственного и общественного строя, коллектив этот неминуемо мог оказаться серьезнейшей угрозой для существующего порядка вещей» [7; с. 157–158].

В Москве было создано «Общество взаимопомощи рабочих механического производства», аналогичные организации появились у ткачей, булочников, табачников и представителей других профессий. В частности, священнику Г. Гапону было позволено организовать «общество русских фабричных и заводских рабочих г. Петербурга». Проблема, однако, заключалась в том,

что зубатовские организации под давлением рабочих были вынуждены вмешиваться в конфликты с рабочей администрацией, что вызвало недовольство промышленников, требовавших покончить с «полицейским социализмом». Их петиция, в отличие от требований рабочих, нашли поддержку у царской администрации, не желавшей терпеть даже такую «управляемую» оппозицию в рабочей среде. Зубатов был вынужден уйти в отставку [9; с. 36].

Нежелание царской администрации своевременно разрешать углубляющиеся социально-политические противоречия привело к нарастанию брожения в обществе, что сопровождалось возникновением нелегальных революционных организаций и движений. В конце 1895 г. возник петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» (одним из руководителей был В.И. Ульянов (Ленин), избравшего своей тактикой действий не только экономическую и политическую агитацию среди рабочих, распространение марксизма как учения, но и организацию забастовочного движения. В 1898 г. сформировалась Российская социал-демократическая партия (РСДРП), в 1903 г. расколовшаяся на фракции большевиков во главе с В.И. Лениным и меньшевиков (лидер – Ю. Мартов).

Программой-минимумом большевиков являлось свержение самодержавия, установление демократической республики, введение 8-часового рабочего дня, государственного социального страхования, возвращение отрезков³ и ликвидация остатков крепостничества, демократизация всей общественной жизни, право наций на самоопределение. Программа-максимум предполагала подготовку и осуществление социалистической революции, свержение власти буржуазии, установление диктатуры пролетариата и последующее построение социалистического общества. Программа меньшевиков была скромнее, суть ее заключалась в приходе к власти, при поддержке пролетариата, бур-

жуазии с последующим интенсивным развитием капиталистических отношений в стране [6; с. 164].

Как бы там ни было, деятельность РСДРП, уже с первых шагов, привела к активизации забастовочного движения в стране. В мае 1901 г. крупная забастовка на Обуховском заводе в Петербурге вылилась в столкновения с полицией. На следующий год состоялась массовая демонстрация в Нижнем Новгороде, в том же году всеобщая стачка охватила предприятия Юга России. Пробуждалось крестьянское движение. Весной 1902 г. массовые выступления крестьян произошли в Полтавской и Харьковской губерниях, летом и осенью того же года крестьянские волнения охватили ряд уездов центральной части России, сопровождаясь поджогом или захватом помещичьих усадеб. Весной 1903 г. произошла так называемая «златоустовская бойня»: в результате расстрела демонстрации рабочих в этом уральском городе было убито несколько десятков человек, в том числе женщины и дети.

Что касается крестьянства, то на роль главного выразителя их интересов претендовала партия социалистов-революционеров (эсеров) во главе с В.М. Черновым, созданная в 1902 г. на основе различных народных кружков и организаций и сделавшая ставку на подготовку крестьянской революции в России. Стремясь внести активный революционный фермент в общественную жизнь, боевая организация этой партии приступила к осуществлению террористических актов против представителей власти.

Свои организации имели и либеральные круги: созданные в 1903 г. «Союз освобождения» и «Союз земцев-конституционалистов» позднее слились в партию конституционных демократов (кадетов), главной задачей которых являлось введение в стране полноценной конституционной монархии.

То, что страна нуждалась в безотлагательных политических преобразованиях, в полной мере проявилось

в ходе юбилейных торжеств, связанных с 40-летием судебной реформы (1904 г.), когда либеральная оппозиция, в предчувствии революционных событий, попыталась убедить царя в необходимости участия выборных представителей земств и органов городского самоуправления в деятельности Государственного совета. Ответом стало заявление царя (декабрь 1904 г.), рекомендовавшего «оставить бессмысленные мечтания» об этом. [6; с. 164].

Вместе с тем, нельзя утверждать, что Николай II был закоснелым ретроградом, противником любых реформ, но он предпочитал, чтобы они осуществлялись осторожно, а, значит, запоздало, когда уже не могли удовлетворить запросы основных сословий. В частности, была проведена трудовая реформа, по которой официальный рабочий день был ограничен до одиннадцати с половиной часов и введен обязательный выходной день, в 1901 г. учреждены пенсии рабочим казенных предприятий, потерявшим трудоспособность на производстве; в 1903 г. появился первый рабочий профсоюз и др. Николай II одобрил также уменьшение размера выкупных платежей, манифестами 13 мая 1896 г. и 11 августа 1904 г. сначала продлил срок их выплаты, а затем закрыл недоимки по ним на сумму в 500 тыс. руб. [10; с. 49]. Что касается аграрного сектора, то он был сторонником постепенного создания условий, которые способствовали бы переходу земельных наделов в собственность крестьянами. В первую очередь, это предполагало упразднение крестьянской общины и налаживание деятельности Крестьянского банка. В 1903 г. он упразднил принцип круговой поруки в сельской общине, что привело к быстрому расслоению крестьянства, в 1904 г. были отменены телесные наказания для солдат и крестьян.

Для разработки проекта совершенствования системы государственного управления, по распоряжению Николая II в 1902–1904 гг. был привлечен министр

внутренних дел В.К. Плеве, рассматривавший, в числе прочих мер, и возможность создания Государственной думы [10; с. 45]. Однако, в конечном счете, в стремлении сбить нарастающую революционную волну в стране, царское правительство увидело (в том числе, по рекомендации В.К. Плеве) более надежный выход в кратковременной и победоносной, как ожидалось, войне с маленькой Японией, тем более что это позволяло, в случае успеха, расширить влияние России на Дальнем Востоке. Российские революционеры придерживались иного мнения, сам Плеве погиб в июле 1904 г. от пули эсера Е.С. Созонова [8; с. 265].

Русско-японская война, вместо легкой победы, ускорила потрясения в Российской империи. С первых же дней войны выяснилось, что страна не подготовлена к ней ни в военном, ни в военно-техническом отношении. В декабре 1904 г., несмотря на мужество и героизм гарнизона, японцам был сдан форпост русского флота на Тихом океане – Порт-Артур. В феврале 1905 г. крупной неудачей для русских войск окончилось Мукденское сражение. Вместо того, что отсрочит революцию, «победоносная война», по констатации С.Ю. Витте, приблизила ее «на десятки лет» [6; с. 163].

Неудачный ход войны привел к резкому нарастанию революционных настроений в стране. Крестьяне требовали возвращения отрезков⁴ и отмену выкупных платежей; рабочие настаивали на принятии рабочего законодательства, гарантирующего его права; студенты – за возвращение университетской автономии и отмены практики отдачи «непокорных» студентов в солдаты; национальные меньшинства – за право учиться на родном языке и отказа от любой дискриминации по национальному признаку; буржуазия и либеральная оппозиция – за привлечение ее представителей к управлению делами общества.

3 января 1905 г. в Петербурге началась забастовка рабочих Путиловского завода, к 8 января охватившая

всю столицу. События быстро вышли из-под контроля царской администрации. Взрывной эффект в обществе имел расстрел 9 января мирного шествия к Зимнему дворцу с петицией на имя царя, содержавшая требования, главными из которых были: являлись учреждение народного представительства, объявление свободы совести, слова, печати, собраний, равенство всех граждан перед законом и др. Инициатором шествия являлся уже упомянутый Г.А. Гапон. При неоправданно жестком разгоне демонстрации были убиты и ранены свыше 450 человек. К вечеру в городе появились первые баррикады, занятые отрядами рабочих. Из столицы волнения перекинулись в Поволжье, Прибалтику, Польшу, Украину и Закавказье.

Известия об очередных неудачах на русско-японском фронте вызвали новый всплеск революционной волны. В ходе стачки рабочих-текстильщиков Иваново-Вознесенска в мае 1905 г. впервые в стране был создан Совет уполномоченных депутатов, сосредоточивший в своих руках реальную власть в городе. Советы, в качестве новых органов власти, появились и в других российских городах.

Начиная с февраля 1905 г., в революционную борьбу активно вовлеклось крестьянство, к лету крестьянским движением были охвачены практически все черноземные районы России. В отличие от предыдущих выступлений, крестьянство, наряду с аграрными требованиями, выдвинуло, на этот раз, лозунги политического характера, требуя либерализации политической жизни в стране. В конце июля – начале августа 1905 г. в стране появилась первая общенациональная организация крестьянства – Всероссийский крестьянский союз, где ключевую роль играли эсеры.

Разгром эскадры адмирала З.П. Рожественского в ходе Цусимского сражения 15 мая 1905 г. стал толчком для революционных волнений уже в армии и на флоте. 14 июня вспыхнуло восстание матросов на броненосце

«Князь Потемкин-Таврический», вставшем на рейде бастовавшей Одессы. В октябре – ноябре 1905 г. солдатские волнения произошли в Харькове, Киеве, Ташкенте, Варшаве и т.д. Затем вспыхнули восстания матросов в Кронштадте, 11 ноября 1905 г. в Севастополе во время митинга матросы разоружили офицеров и избрали новых командиров. Руководителем восставших стал капитан II ранга в отставке П.П. Шмидт, избранный в октябре 1905 г. в Севастопольский совет депутатов. Главной базой восставших стал крейсер «Очаков», на котором был поднят красный флаг. 15–16 ноября восстание в Севастополе было с трудом подавлено.

Несмотря на то, что революция 1905–1907 гг. нацеленная, прежде всего, на ликвидацию пережитков феодального строя, носила буржуазно-демократический, ее особенностью являлось то, что основной политической и боевой силой в революции выступала не российская буржуазия (в силу своих эгоистических расчетов и несплоченности), а пролетариат и крестьянство.

Лавируя в сложнейшей политической обстановке, правительство Николая II, до последнего, пыталось ограничиться полумерами. 6 августа 1905 г. был издан манифест об учреждении Думы, получившей название «булыгинской»⁵. Этот манифест, учреждавший дискриминационно-цензовый принцип выборности в Думу, уже не мог успокоить общество, следствием чего стал новый подъем революционного движения осенью 1905 г. Вспыхнувшая в начале октября забастовка железнодорожников переросла во Всероссийскую политическую стачку, в которой участвовали свыше 2 млн чел. В подобной ситуации, Николаю II ничего не оставалось как издать 17 октября 1905 г. манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», в котором содержались положения о предоставлении населению политических и гражданских свобод, а также о предоставлении Государственной думе реальных законодательных функций. 3 ноября 1905 г.

правительство, стремясь успокоить крестьянские массы, объявило о полной отмене с 1907 г. выкупных крестьянских платежей.

Принятием 23 апреля 1906 г. Основных законов Российской империи, воспринятых в кругах либеральной общественности в качестве первой российской конституции, царскому режиму удалось склонить на свою сторону либеральную оппозицию. Этому способствовало также легализация политических партий. 23 августа 1905 г., на базе земцев-конституционалистов и «Союза освобождения», оформилась Конституционно-демократическая партия (кадеты) во главе с известным историком П.Н. Милюковым. Программа кадетов предусматривала установление в России конституционной монархии, введение в стране всеобщего, равного и прямого избирательного права. Аграрный вопрос кадеты предполагали решить на основе образования специального земельного фонда для обеспечения наделами малоземельных крестьян.

В конце октября 1905 г. в кругах праволиберальной оппозиции была учреждена партия «Союз 17 октября» (октябристы), лидерами которой стали крупный заводчик А.И. Гучков и лидер земского движения Д.Н. Шипов. В партию вошли, в основном, представители крупных помещиков и предпринимателей, придерживавшихся умеренно-конституционных и антиреволюционных взглядов.

На правом, консервативно-охранительном фланге оформились черносотенные⁶ партии: Русская монархическая, «Союз русского народа», «Союз Михаила Архангела» и др. Разнородные по своему составу, они выступали за сохранение незыблемости самодержавия на основе традиционной идеологемы «Православие, самодержавие, народность».

Царская власть, однако, не торопилась с практическим воплощением объявленного Манифеста, что вызвало новый революционный всплеск, переросший

в декабрьское вооруженное восстание (7–18 декабря 1905 г.). При помощи лояльных воинских частей восстание было подавлено, однако, Николай II, под впечатлением драматических событий, был вынужден принять закон о выборах в Государственную думу, сохранявший сословный принцип их проведения, но увеличивший представительство крестьян.

В ходе выборов в Государственную думу победы добились кадеты (153 места), которые вместе со 107 крестьянскими депутатами, образовали самую многочисленную фракцию трудовиков. Эсеры и социал-демократы бойкотировали выборы. Но даже в таком составе Дума стала настаивать на своем праве формировать подотчетное ей правительство, а также принудительном отчуждении частновладельческих земель, что стало поводом для ее роспуска в июле 1906 г., после всего лишь двух месяцев работы.

Революционное движение в стране, по инерции, еще продолжалось, но было очевидным, что, после подавления восстания солдат и матросов в Свеаборге, Кронштадте и Ревеле в июле 1906 г., оно прошло свою высшую фазу. Снижению революционной борьбы способствовало ужесточение репрессивных мер царского правительства. В августе 1906 г., по инициативе нового премьер-министра П.А. Столыпина, начали действовать военно-полевые суды, выносившие скорые и жестокие переговоры во внесудебном порядке.

Несмотря на гнетущую атмосферу в обществе, Государственная дума второго созыва оказалась еще более левой по своему составу, чем прежняя: большинство мест в ней получили социал-демократы, эсеры, трудовики и представители других левых партий. Отказ Думы сотрудничать с правительством предопределил ее недолговечность, 3 июня 1907 г. она была распущена. Одновременно был изменен избирательный закон, существенно сокративший представительство рабочих и крестьян, что нарушало «Основные законы Россий-

ской империи» (согласно которым ни один закон не мог быть принят без одобрения Думы) и было, соответственно, воспринято в обществе как «третьеиюньский» переворот. Новая избирательная система позволила сформировать в III, а затем в IV Думах лояльное, как казалось, проправительственное депутатское большинство. Премьер-министр П.А. Столыпин, деятельность которого пришлась на период работы III Госдумы, стремясь укрепить социальную базу самодержавия за счет формирования класса мелких собственников, инициировал аграрную реформу, целью которой являлась замена общинного землевладения частным. 9 ноября 1906 г. был принят указ, предоставлявший крестьянам право свободного выхода из общины с передачей земли в частную собственность. Разрешалась также продажа крестьянам части удельных казенных земель при посредническом участии Крестьянского банка. Ликвидировалась чересполосица⁷, желавшие выйти из общины крестьяне переселялись на хутора.

Реформа также предполагала перемещение крестьян из европейской части России на свободные земли Сибири и Средней Азии. В период реализации столыпинской реформы из крестьянской общины вышли около 2,5 млн человек (свыше 25% домохозяев), около 400 тыс. из них выделились на хутора, на новые земли переселились около 3,3 млн человек (из них около 500 тыс. вернулись назад). Подобный ход реформы трудно было назвать успешным. Еще меньше удалось сделать Столыпину в рамках социальной реформы, нацеленной на улучшение положения рабочих и перестройку системы образования.

Тем не менее, даже то, что удалось сделать при Столыпине, привело к оживлению экономической жизни. С 1909 г. в России наблюдался экономический подъем. Среднегодовой прирост промышленной продукции к 1913 г. составил 8,9%. По уровню промышленного производства Россия вплотную приблизилась к таким ве-

душим странам как США, Германия, Великобритания и Франция. Именно это отвечало намерениям Николая II: превратить Россию в развитую в экономическом отношении страну, ограничиваясь косметическими изменениями самодержавной формы правления. Проблема, однако, заключалась в том, что, несмотря на очевидные экономические успехи, подушевой доход в России был значительно ниже, чем в ведущих странах, а норма эксплуатации рабочих выше, что создавало благоприятную основу для протестных настроений. Относительно вопроса об улучшении положения рабочих Николай II занимал пассивную позицию, считая, что инициатива должна исходить от предпринимателей, а не правительства [10; с. 49]. Но торгово-промышленные круги инициативу проявлять не торопились.

Как следствие, в 1910 г. в России оживилось забастовочное движение. В свою очередь, игнорирование царской администрацией требований Госдумы о формировании подотчетного правительства, возобновило брожение среди либерально настроенных кругов общества, активизировалось студенческое движение. Переломным событием, заметно усилившим протестный потенциал в стране, стал расстрел мирного шествия рабочих на Ленских золотых приисках в 1912 г., выступавших против непосильных условий труда. В том же, 1912 г., вновь начались волнения в армии и на флоте. Самым серьезным из них стало восстание солдат, обозленных плохим питанием и бесчеловечной муштрой, в Троицких лагерях под Ташкентом. Политизированный характер принимало национальное движение на окраинах империи – в Закавказье, Прибалтике, Царстве Польском, Малороссии. Страна, в очередной раз, втягивалась в общенациональный кризис.

Вступление России в августе 1914 г. в Первую мировую войну оказалось своевременным для властей в том смысле, что оно сбilo революционную волну, на время сплотив общество. Прилив ура-патриотическо-

го чувства, охватившего страну с ее началом, носил, однако, неустойчивый характер. Наиболее прозорливые государственные деятели, предвидя возможность катастрофического развития событий, предупреждали об этом царское правительство. Премьер-министр П.А. Столыпин еще летом 1911 г. в письме бывшему министру иностранных дел А.П. Извольскому писал: «...нам нужен мир: война в ближайшие годы, особенно по непонятным для народа поводу, будет губительна для России и династии» [12; с. 359].

Дальновидное предупреждение содержалось и в записке бывшего министра внутренних дел П.Н. Дурново Николаю II, поданной в феврале 1914 г.: «Начнется с того, что все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него, в результате которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги, которые могут поднять и сгруппировать широкие слои населения: сначала черный передел, а за ним и общий раздел всех ценностей и имуществ... В результате Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается предвидению» [15; с. 6]. Примерно через год, когда война была в полном разгаре, алармистский прогноз дал и бывший премьер-министр С.Ю. Витте [1; с. 419].

Однако в первые месяцы войны в России, казалось, ничто не предвещало трагического исхода. В российском обществе доминировала одно настроение – «война до победного конца». Резко снизилось забастовочное движение. В августе 1914 г. численность стачечников, по официальным данным, составила примерно 25 тыс. человек, почти в 40 раз меньше, чем накануне войны, в июле. Политических требований в ходе забастовок практически не выдвигалось [14; с. 302].

Из влиятельных оппозиционных сил лишь большевики, по-прежнему, занимали принципиально анти-

военную позицию. Однако в новых условиях подобная позиция, без труда интерпретировалась властями как измена национально-государственным интересам. Тем не менее, Русское бюро ЦК большевистской партии, находившееся в тесном контакте с заграничным центром, выпуская нелегальные периодические издания и листовки, стремилось наладить революционную пропаганду в армию и на флот и возглавить стачечное движение [5; с. 162].

Радикализации атмосферы в обществе способствовал неудачный для России ход войны. Уже в начале 1915 г. русская армия в полной мере столкнулась с кризисом боевого снабжения. Действующая армия испытывала острую нехватку артиллерии, снарядов к ним, винтовок и патронов, не говоря уже о вещевом и продовольственном снабжении. Достоинством широкой гласности, благодаря думской активности и газетам, стали очевидная техническая отсталость, плохая организация и слабость командования в русской армии.

Ответственность за сложившуюся ситуацию на фронтах возлагался, естественно, на царский режим. Поползли слухи об измене в высших кругах общества. Растущее недоверие в обществе вызывала фигура императрицы Александры Федоровны, не только благодаря немецкому происхождению, но и приближению ко двору старца Г.Е. Распутина, одиозной фигуры, сумевшей в короткое время приобрести невиданное политическое влияние

После относительного затишья вновь возобновилось забастовочное движение. Этому уже не могли помешать ни аресты ряда руководителей социалистических партий, ни мобилизация в армию части ядра рабочего движения. С осени 1915 г. не только большевики, но и меньшевики-«оборонцы» заговорили о приближении новой революции в России, которая должна была стать составной частью всемирной антиимпериалистической и антивоенной революции. Центр легальной политиче-

ской оппозиции царскому правительству постепенно переместился в Государственную думу, где большинство принадлежало депутатским фракциям от партий «Союз 17 октября» и Конституционно-демократической партии, до этого лояльных царскому режиму. От словесной критики правительства значительная часть депутатского корпуса перешла к политическим требованиям. В, частности, депутаты от Прогрессивной и Трудовой партий настаивали на формировании правительства «общественного доверия», ответственного перед Думой, а не царем. Данное предложение было проголосовано Думой, не получив, однако, дальнейшего развития. Тем не менее, принципиальный для политической жизни в России вопрос о подотчетности правительства Думе стал причиной формирования блока депутатских фракций, получившего название Прогрессивного. Оформившись 25 августа 1915 г., Прогрессивный блок охватил депутатов всех фракций (прогрессистов, кадетов, левых октябристов, октябристов-земцев, «прогрессивных русских националистов»), за исключением крайне правых и ультралевых [4; с. 500]. Фактический лидер Прогрессивного блока конституционный демократ П.Н. Милюков намеревался силами депутатов коалиции оказывать постоянное давление на правительство, принуждая последнее к реформам. Программа Прогрессивного блока основывалась на требованиях создания «правительства доверия», проведения политики, направленной на «сохранение внутреннего мира», частичной амнистии осужденных по политическим и религиозным делам, отмены некоторых ограничений в правах крестьян («уравнение крестьян в правах») и национальных меньшинств («вступление на путь отмены ограничительных в отношении евреев законов», «автономия Польши», прекращение репрессий против «малороссийской печати»), предоставление больших возможностей для местного самоуправления («пересмотр земского положения»,

«волостное земство»), восстановления деятельности профсоюзов [16; с. 116]. Главной целью Прогрессивного блока являлось доведение войны до «победного конца». Это была последняя организованная попытка думского большинства, за счет минимума либеральных реформ, избежать широкого недовольства в обществе и тем самым предотвратить надвигающуюся революцию в условиях мировой войны. В диалоге с властью Прогрессивный блок был готов на компромиссы – в частности, предложить новый состав правительства, которое было бы подотчетно не Думе, а царю. Ответом Николая II стал роспуск Думы 3 сентября на каникулы, которые затянулись на целых пять месяцев.

Император проигнорировал мнение большинства Государственной думы, несмотря на то, что ряд из его, наиболее дальновидных министров, в частности министр иностранных дел С.Д. Сазонов, министр земледелия Н.И. Кривошеин, военный министр А.А. Поливанов, оценили программу Прогрессивного блока как реалистичный выход из нарастающего в стране кризиса. Однако Николай II не желал делиться с Государственной Думой властью, опасаясь, что любой компромисс с ней, рано или поздно, приведет к установлению конституционно-монархической формы правления.

Вместо прагматичного, учитывающего интересы различных социальных и политических сил в обществе, государственного курса, Николай II искал выход в смене министров. Правительственная «чехарда» не только не способствовала решению общенациональных задач, но, напротив, вызывала растущее раздражение в обществе.

С осени 1915 г. и особенно в 1916 г., когда Николай II был вынужден значительную часть времени проводить в Ставке, роль Г. Распутина в решении многих политических вопросов, прежде всего кадровых назначений, возросла. Политические проходимцы и

просто корыстолюбцы всех мастей, которыми окружил себя Г. Распутин, способствовали появлению такого уродливого общественно-политического явления как «распутинщина». Она выражалась в торговле должностями, проталкивании «своих» людей на высшие государственные посты, разворовывании бюджета, вмешательстве в вопросы государственного и даже военного управления. В конечном счете, «распутинщина» вела к еще большей дезорганизации политического процесса в стране.

Не менее пагубной для царского режима была отсрочка, под любыми предлогами, созыва Государственной думы. Драгоценное время для налаживания конструктивного диалога между царским правительством и обществом, выразителем интересов которого, в определенной степени, являлась Дума, было упущено. С первых же заседаний возобновившей работу Думы началось острое противостояние между думским Прогрессивным блоком и правительством.

Последняя надежда на благополучный исход внутреннего кризиса, была связана с успешным наступлением Юго-Западного фронта под командованием А.А. Брусилова, начавшегося 4 июня 1916 г. Положение Дунайской монархии оказалось настолько серьезным, что командование австро-венгерской армии в конце июля приняли на себя немецкие фельдмаршалы Гинденбург и Людендорф. Переброшенные на южный фланг немецкие соединения сначала остановили продвижение войск Брусилова, а затем нанесли ряд мощных ударов по Юго-Западному фронту, который, из-за неразвитости железнодорожных сообщений, не успел вовремя получить подкрепления с севера [14; с. 307].

Поражение Юго-Западного фронта усугубило сложную ситуацию в стране, которая с осени стала быстро ухудшаться. Нарастанию напряженности в обществе способствовали, носящие вынужденный, но непопулярный характер правительственные меры. В ноябре 1916

г. по предложению министра земледелия А.А. Риттиха была введена принудительная разверстка хлебных поставок государству по установленным ранее твердым ценам, которые были значительно ниже рыночных. Крестьяне всячески уклонялись от продажи хлеба государственным продовольственным органам, предпочитая придерживать его для продажи спекулянтам. Подвоз продовольствия в Петроград и Москву в январе – феврале 1917 г. составлял лишь 25% от запланированного.

В условиях предельной усталости широких слоев населения от тягот войны и падения авторитета власти любые, даже временные, перебои в снабжении могли породить социальный взрыв. Кризис «верхов» в России неумолимо накладывался на растущее массовое недовольство.

На открывшейся 14 ноября 1916 г. очередной сессии Думы Прогрессивный блок потребовал отставки главы правительства Б.В. Штюрмера [3; с. 32–33]. Еще дальше пошел лидер кадетов П.Н. Милюков, публично связавший действия «темных сил» в России, включая Распутина, с императрицей Александрой Федоровной. Его риторический вопрос – «Что это? Глупость или измена?» – облетел всю Россию [11; с. 445]. Обличающие выступления думских ораторов, произнесенные 14 ноября, были запрещены к печати, но нелегально получили широкое хождение.

Более чем тревожным симптомом для правящих кругов являлось то, что к либералам в нелицеприятной критике правительств (А.Ф. Трепова, Н.Д. Голицына) примкнули крайне правые, не входившие в думский Прогрессивный блок. 16 декабря 1916 г. Дума, в очередной раз, была распущена на каникулы. В ночь с 17 декабря 1916 г. в результате заговора, в состав которого входили В.М. Пуришкевич, князь Ф. Юсупов, князь Дмитрий Павлович и другие Г. Распутин был убит.

Однако устранение Г. Распутина с политической сцены уже не могло изменить ситуацию. Страна неу-

держимо двигалась к катастрофе. Неотвратимость ее была обусловлена одновременным наложением ряда разрушительных факторов, которое общество уже не могло выдержать: перенапряжением экономики, не выдерживавшей бремени военного времени, несправедливым распределением тягот войны между различными слоями общества, «распутинщиной», распространением шпиономании, некомпетентностью правительств, сменяющих друг друга, подрывом легитимности царской семьи. Экономический и политический кризис общенационального масштаба угрожал самим его основам самодержавия. Значительная часть правящей элиты единственный выход видела в замене на престоле Николая II, либеральная интеллигенция жаждала установления демократических институтов и свобод, смутно представляя себе возможные последствия переходного периода, рабочие добивались достойной зарплаты и приемлемых условий труда, крестьяне – ликвидации выкупных платежей и возвращения отрезков, национальные меньшинства – как минимум, отмены дискриминационных законов. Запас прочности царского режима и терпения в обществе был исчерпан.

Антимонархические настроения распространились не только среди солдатских масс, но и среди части офицерства. Как позже признал генерал А.А. Брусилов, «к февралю 1917 года вся армия – на одном фронте больше, на другом меньше – была подготовлена к революции» [2; с. 236].

В сложившихся условиях достаточно было малейшего повода, чтобы из искры разгорелось революционное пламя. Этот повод возник 23 февраля, когда в Петрограде начались перебои с доставкой в город хлеба. В ответ прокатилась волна забастовок и стихийных демонстраций, переросших в уличные беспорядки. В них участвовали представители практически всех слоев общества – рабочие, студенты, интеллигенция, служащие, простые обыватели. Демонстранты, охва-

ченные стихийным порывом, сметая на пути полицейские заслоны, прорвались в центр города.

На следующий день, 24 февраля 1917 г., в Петрограде бастовало уже около 200 тыс. человек. Профессиональные революционеры развернули среди бастующих революционную пропаганду, призывая к свержению монархии. 25 февраля экономические забастовки переросли во всеобщую политическую стачку. Власть предрержащие вначале не восприняли происходящее всерьез, рассчитывая, в случае необходимости, подавить выступления силой, как это было уже не раз. Император, подозревая депутатов в причастности к организации беспорядков, издал указ о роспуске Государственной думы, чем окончательно оттолкнул ее от себя.

Решающим днем стало 26 февраля. В этот день в столице произошли вооруженные столкновения митинговавших с полицией и войсками. Применение последними оружия лишь усилило всеобщее возбуждение. Начались стихийные нападения на полицейских и жандармов, из тюрем выпускались заключенные. Под влиянием событий, развернувшихся в столице, произошла радикализация солдатских масс. Разгитированная рота Павловского полка, перешла на сторону народа, положив начало слиянию рабочего и солдатского революционных потоков. К исходу дня на стороне революции оказалось большинство запасных батальонов и резервных полков, размещенных в Петрограде (около 70 тыс. солдат). Это привело к перерастанию всеобщей политической стачки в вооруженное восстание, завершившегося отречением императора и переходом власти к Временному правительству.

Скоротечный характер Февральской революции был неожиданным не только для подавляющей части общества, но и для основных политических сил. Известный философ Н. Бердяев следующим образом высказался по этому поводу: «Вспоминаю, как приблизительно за ме-

сяц до Февральской революции у нас в доме сидели один меньшевик и один большевик, старые знакомые, и мы беседовали о том, когда возможна в России революция и свержение самодержавной монархии. Меньшевик сказал, что это возможно, вероятно, не раньше чем через 25 лет, а большевик сказал, что не раньше чем через 50 лет...» [14; с. 315]. Действительно, то, что Февральская революция произошла так стремительно, во многом было случайностью (мало ли до этого, было стихийных выступлений и восстаний в истории страны), но, при этом, она была подготовлена предшествующим правлением династии Романовых, характеризующегося бесправным положением подавляющей части населения страны, крестьянства и рабочего класса, произволом со стороны власть имущих, нежеланием царского режима, вплоть до последнего, самореформироваться. И в этом отношении революция была закономерной, нуждаясь только в таком мощном ускорителе как затянувшаяся война, тяготы и бедствия которой до предела обострили социальные противоречия.

Библиографический список

1. *Ананьич, Б.В., Ганелин, Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. Спб., 2000.
2. *Брусилов, А.А.* Мои воспоминания. М., 1946.
3. Государственная дума. 1906–1917: Стенографические отчеты. М., 1915. Т.IV.
4. Государственная дума Российской империи 1906–1917: Энциклопедия. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.
5. *Дажина, И.М.* Большевистские листовки в России периода первой мировой войны и Февральской революции. М., 1981.
6. *Данилов, А.А.* История России с древнейших времен до наших дней. М., Проспект, 2008.
7. *Зубатов, С.В.* Зубатовщина//Былое. СПб., 1917. № 4.

8. *Зуев, М.Н., Лавренов, С.Я.* История России. М.: Юрайт, 2015.
9. *Красиков, С.И.* Россия – СССР в первой половине XX века. М., МГУЛ, 2008.
10. *Куликов, С.В.* Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы //Российская история. 2009. №4.
11. *Милюков, П.Н.* Воспоминания. М., 1991.
12. Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. М., Наука, 2005.
13. *Орлов, А.С., Георгиев, В.А., Георгиева, Н.Г., Сивохина, Т.А.* История России. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004.
14. Первая мировая война в 6 томах. Т. 1. Происхождение и основные события войны. М., 2014.
15. Родина. 1993. № 8–9.
16. *Шульгин, В.В.* Дни. 1920: Записки. М.: Современник, 1989.

Е.Г. Падерина,

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник ИМЛИ
им. А.М. Горького РАН

Беллетризация памяти: образ Гоголя в «литературных воспоминаниях» И. Панаева

Ключевые слова: Панаев, Гоголь, мемуары, достоверность

Keywords: Panaev, Gogol, memories, reliability

Воспоминания современников являются одним из традиционных источников сведений о биографии писателя. Столь же традиционной является и проблема доверия к мемуарным данным, «размытым» временной дистанцией, психологическими и/или идеологическими и прочими установками авторов⁸. Особенно сложно отделить зерна от плевел в воспоминаниях о таких писателях, как Гоголь. То, что он при жизни достиг всенародной славы и, по сути, уже был признан классиком отечественной словесности, и то, что попал после выхода «Переписки с друзьями» в центр скандального, по сути и по форме, обсуждения вопроса, достоин ли он этого пьедестала, несомненно, влияло на большинство современников (особенно – на оказавшихся вблизи Гоголя по случаю), которые его воспринимали как «гения» или «не гения», а себя – волей-неволей – ощущали будущими мемуаристами.

Воспоминания о Гоголе посыпались в журналы сразу же после его смерти, и уже через год, в марте 1853 г., С.Т. Аксаков счел необходимым призвать современников не спекулировать на гоголевском имени

и тем более не торопиться с обнародованием не вполне корректных, неточных данных и тем более псевдосвидетельств [1, с. 360–361; см. то же: 6, т. 2, с. 627–629]. Чуть позднее (в № 6 «Современника» за 1855 г) об ответственности журналистов и литературной стратегии мемуаристов высказался И.И. Панаев, в одном из своих фельетонов («Заметки и размышления Нового поэта по поводу русской журналистики») посмеиваясь над спекулятивным отношением журналов к имени Гоголя и над публикациями самых разных воспоминаний «с его (Гоголя. – Е.П.) незначительным словом, произнесенным когда-то и где-то, или с трехстрочной запиской, вымоленной у кого-то из его приятелей» [6, т. 3, с. 274].

При внешней солидарности позиции Аксакова и Панаева близки к противоположным и в указанных печатных высказываниях о мемуарном «мусоре», и в оставленных обоими воспоминаниях.

В отличие от тревоги Аксакова, ратующего за достоверность и ответственность перед потомками, для которых нужно было сохранить память о великом современнике, Панаеву ситуация показалась прежде всего смешной, и он, с присущим ему остроумием и адресуясь не к потомкам, а к современникам – к читателям журнала, привел в своем фельетоне пример того, какие воспоминания о Гоголе имеют хотя бы какое-то значение для читателя. «Если бы я вздумал идти за так называемыми собирателями материалов для биографии Гоголя, если бы я захотел похвастать перед моими читателями моим знакомством с ним, – я мог бы напечатать и мои воспоминания о нем. В этих воспоминаниях я, конечно, уже не позволил бы себе увлекаться фантазией», – начал Панаев от лица Нового поэта и следом привел в деталях рассказ о встрече Гоголя (им же инициированной) с «молодыми литераторами» в 1849 г. Среди деталей есть точное время (в котором часу собрались литераторы, а в котором – приехал Гоголь), описание внешности («волосы его падали длинными

тесьюмами спереди и сзади», «усики и борода» и т.п.) и поведения («равнодушно поздоровался» с хозяином, «окинул быстрым, но едва заметным взглядом всех присутствующих», «уселся на диване, посматривая на все и на всех как-то вяло, флегматически» и пр.), беглое упоминание о разговоре с литературной молодежью («с любопытством и видимым участием расспрашивал их о их будущих трудах, отзываясь о некоторых напечатанных их произведениях с большою похвалою») и весьма подробное изложение того, что произнес Гоголь, – по бытовому поводу (ужин, чай, выбор вина) [6, т. 3, с. 274–275]. А после этой, правдоподобной на вид, истории Новый поэт, совершенно не скрывая смешливого и, можно сказать, игривого отношения к «фактам из жизни гения», резюмировал «значение» своего мемуарного вклада: «Из этого отрывка, заимствованного из моих воспоминаний о Гоголе, биографы его могут, по крайней мере, вывести заключение, что Гоголь любил малагу, а из иных воспоминаний об нем не выжмешь даже и такого факта» [6, т. 3, с. 275]. Учитывая упомянутые подробности и в то же время некоторую размытость описания (не назван ни хозяин дома, ни кто-нибудь из гостей – писателей, только Гоголь и сам мемуарист), – эта авторская ремарка, акцентирующая выбор малаги в описании встречи маститого писателя с молодежью, провоцирует воспринять сообщение как стилизацию мемуарного жанра.

Между тем, встреча, действительно, была, хотя и не в указанном Панаевым 1849 г. (когда Гоголь не бывал в Петербурге⁹), и запомнилась она не только Панаеву, но и Некрасову, Панаевой и Анненкову¹⁰; а тому, что, согласно всем мемуаристам, инициатива исходила от Гоголя, комментаторы и биографы придают особое значение¹¹. Весьма любопытно, но не удивительно, что запомнилось всем разное (включая дату и участников) и по-разному. Например, А.Я. Панаева и Некрасов указали на присутствие Белинского: первая приурочила

встречу к 1847 г., когда критик был жив, но Гоголя не было в Петербурге, и даже описала рождение, «на другой день» после встречи, знаменитого письма Белинского (написанного критиком, действительно, в том году, но в Зальцбрунне); второй не вспомнил дату, взволнованный и в конце 1870-х, когда рассказал о разговоре с Гоголем А. Суворину, отношением «значимости» к молодым как «начальника к подчиненным» и сдержанной реакцией на прочитанное поэтом стихотворение «Родина» [6, т. 3, с. 643]. «Забывчивость» Панаевой в датах и фактах, отмеченную уже современниками¹², можно объяснить большой временной дистанцией (она составляла мемуары в конце 1880-х гг.), ее неточности многократно и более или менее последовательно исправляются комментаторами; впрочем, даже К. Чуковский, совершенно определенно охарактеризовавший литературную ориентацию ее вольного отношения к фактам¹³, считал, что в целом она отразила эпоху верно, а кроме того верно передала суть тех или иных суждений и высказываний, даже когда «вульгаризировала» их стиль и тон¹⁴. Доверчивость редактора можно понять, но трудно с ней солидаризироваться; во всяком случае, по поводу эпизода о Гоголе, где мемуаристка «заставила» встретиться в 1847 г. петербургском доме Панаева Гоголя, бывшего тогда в Святой Земле, и Белинского, бывшего в Саксонии, Чуковский сам признает, что это одна из «ошибок чудовищных», которую, однако, редактор легко может исправить [31, с. 102]. Между тем Панаева как раз «дословно» приводит «пламенное» высказывание Белинского: «Не хотел выслушать правды – убежал!.. еще лучше. Я в письме изложу ему все!.. Нет, с Гоголем что-то творится... И что за тон он принял на себя, точно директор департамента, которому представляют его подчиненных чиновников... Зачем приезжал?» [24, с. 277; 6, т. 3, с. 289]. Ю.В. Манн в новейшей биографии Гоголя справедливо называет это сообщение Панаевой

о Белинском – «совершенно фантастичным» [14, с. 151]. Весьма интересно при этом, что источником для такой «мемуарной» фантазии могло послужить упомянутое выше воспоминание Некрасова – устное или уже обнародованное (его рассказ о том же эпизоде, записанный А. Сувориным, был напечатан последним в 1878 г. в «Новом времени»): именно Некрасов, Панаевой не упомянутый в числе участников встречи с Гоголем, «припомнил», что шел на нее с Белинским, а Гоголь вел себя как «начальник» (см. выше). Другим источником влияния, на этот раз стиливого, сформировавшего свободу Панаевой как автора «живописного», по выражению Чуковского, мемуарного повествования, явились, как можно полагать, мемуары ее первого мужа (в 1876 г. она подготовила к печати отдельной книгой «Литературные воспоминания» Панаева, и текст этого издания заметно отредактирован).

Прибавим к этому, что Анненкова, в отличие от остальных, в той же беседе заинтересовали суждения Гоголя о цензуре [27, с. 515; 14, с. 151], и вернемся к тому, что вспомнилось об этой встрече Панаеву.

Точнее сказать – что ему вспоминалось по этому поводу. Дело в том, что Панаев включил эпизод, описанный им в 1855 г. под псевдонимом Нового поэта, в свое «Воспоминание о Белинском», опубликованное, уже с собственной подписью, в «Современнике» в 1860 г. (№ 1, с. 364–366). Именно тот же эпизод, но не тот же текст. Обычно составителями сборников высказываний и воспоминаний о Гоголе и его биографами используется именно эта, последняя, публикация, но в новейшем своде таких документов [6] напечатаны обе редакции, и разночтения производят особое впечатление.

Стиль стал как будто бы сдержаннее, содержание – насыщеннее фактическими подробностями: прямо назван хозяин дома, прежде – «один из старинных знакомых Гоголя», теперь – А.А. Комаров, появились фамилии прежде «молодых литераторов», а теперь

«новых», что точнее, – Гончаров, Григорович, Некрасов, Дружинин; в первой редакции свое присутствие на такой встрече мемуарист, родившийся в 1812 г. и начавший печататься в 1828 [7, с. 516], объяснил тем, что был приглашен «не в качестве литератора, а так просто» – «как приятель приятеля Гоголя», а во второй – констатировал, что был «в числе приглашенных, хотя был давно уже знаком с Гоголем», сославшись на встречу в доме С.Т. Аксакова летом 1839 г. (хотя Гоголь в тот год приехал из-за границы в Москву в конце сентября, о чем см. ниже)...

Особенно любопытно, что Панаев изменил при «повторе» сохранившегося в памяти образа встречи с Гоголем ссылки на точное время дня, сместив их на полчаса ближе к ночи: 1) «собрались часам к восьми», в девять ждали с нетерпением, «Гоголь явился в 10 часов»; 2) собрались «часу в девятом вечера», «не пили чаю до десяти часов», «Гоголь приехал в половине одиннадцатого». Зачем и почему – вопрос, наводящий на размышления. Не исключено, что припоминал историю заново и вспомнилось все несколько иначе. Во второй редакции у него и Гоголь ведет себя не совсем так, как в первой, и мемуарист оценивает его жестче: «...взглянул бегло на всех, подал руку знакомым, отправился в другую комнату и разлегся на диване. Он говорил мало, вяло, нехотя, распространяя вокруг себя какую-то неловкость, что-то принужденное» [6, т. 3, с. 277]. Но если память подсказывала Панаеву вариации на тему, как на его сообщения опираться? Если же детали в памяти не сохранились, почему он не миновал их, сохранив при этом определенность запомнившегося, – например, долгое ожидание не знаменитыми и поздний приезд знаменитости? В то же время перечень мелочей и их последовательность воспроизведена и в первый, и во второй раз, так что есть основания предполагать, что и за подписью Панаева стоит ироничное отношение Нового поэта к мемуарному жанру. Тогда

под вопросом оказываются и те дополнения, которые поданы как именно «значительные» подробности встречи: «Хозяин представил ему Гончарова, Григоровича, Некрасова и Дружинина. Гоголь несколько оживился, говорил с каждым из них об их произведениях, хотя было очень заметно, что не читал их. Потом он заговорил о себе и всем нам дал почувствовать, что его знаменитые «Письма» писаны им были в болезненном состоянии, что их не следовало издавать, что он очень сожалеет, что они изданы. Он как будто оправдывался перед нами» [6, т. 3, с. 277].

При этом в любом случае возникает вопрос: зачем в воспоминания о Белинском включать событие, которое «уже было года два или три после смерти» критика [6, т. 3, с. 277] и не имеет к нему никакого отношения? Логичный ответ не имеет отношения к сообщенному о самих деятелях литературы: Панаев формировал свой образ соратника Белинского, близкого к нему по духу и чутью. «Открытый и искренний по натуре Белинский не терпел никакой напыщенности и натянутости и признавался, что ему всегда было немного тяжело в присутствии Гоголя» [6, т. 3, с. 277], а Панаев, объяснив свое «небольшое отступление» предшествующим упоминанием «о неприступности Гоголя и его странном обращении с его старыми приятелями»¹⁵, меняет концовку «гоголевской» истории, убирая смешливый комментарий Нового поэта к выбору Гоголем малаги («Слова эти были решительным ударом для хозяина дома... О малаге ему и в голову не приходило. Кто же пьес малагу?» [6, т. 3, с. 274]) и последнюю ироничную ремарку о ней, а в конце эпизода прибавляет: «Не знаю, как другим, – мне стало как-то легче дышать после его отъезда...» [6, т. 3, с. 278].

Но вопрос о смене модальности при снятии литературной маски Нового поэта не единственный, возникающий при сравнении частично, как минимум, стилизованного фельетонистом рассказа с как будто

бы достоверным свидетельством Панаева о Гоголе в каноническом жанровом выражении «воспоминаний» о Белинском. Этому вопросу сопутствуют другие: только ли психология мемуариста изменила текст первой редакции эпизода из биографии позднего Гоголя и не является и вторая редакция в большой степени стилизацией жанра?..

* * *

Вернемся к сопоставлению позиции Панаева-мемуариста и его образа Гоголя с аксаковской. Надо сказать, что под пером обоих родились новые в мемуаристике жанровые образования.

Начнем с Аксакова, чья хроника общения с Гоголем составляет резкий контраст мемуарной беллетристике Панаева. Сергей Тимофеевич работал над мемуарами с осторожностью и чрезвычайной ответственностью – перед памятью о великом современнике и перед потомками, для которых он хотел сохранить известные ему факты¹⁶. 28 марта 1852 г. он писал А.О. Смирновой о том, что 21 февраля начал писать и диктовать «о Гоголе», вначале без плана, а потом «Историю знакомства и переписки с Гоголем». «Всего труднее сохранить хронологический порядок до начала постоянной переписки, т. е. до 1840 года», – сообщал при этом мемуарист [8, с. 152]. Принципиальный документализм отражен и в названии («История моего знакомства с Гоголем»), и в повествовании, в которое инкрустированы гоголевские и аксаковские письма и постоянные ссылки на данные семейного архива (письма дочери и старшего сына), в том числе в качестве оправдания отсутствия точных данных о времени того или иного эпизода)¹⁷.

Совершенно другие установки руководили пером Панаева-мемуариста при создании гоголевского образа. В его «Литературных воспоминаниях», написанных в 1861 г. для «Современника», Гоголь – лишь одно из

многих лиц, очерченных мемуаристом. Ободренный успешным результатом «Воспоминания о Белинском» и взявшись за более обширные в хронологическом плане и по числу общеизвестных персонажей литературного процесса мемуары, Панаев поступательно писал и тут же публиковал их от номера к номеру, сколько успел¹⁸. Жанровая специфика этого сочинения Панаева чрезвычайно любопытна.

Само название – «Литературные воспоминания» – приняло позднее понятийный статус по характеру отбора запомнившихся событий, минующему частную сферу жизни мемуариста и сосредоточенному на литературном процессе и сопутствующих обстоятельствах. В то же время есть основания полагать, что Панаев вложил в это название и другой смысл, а определение «литературный» близко к каламбуру, означая одновременно и сегментацию того что сохранилось в памяти, и жанровую принадлежность к литературе с точки зрения превалирования вымысла над фактом или, другими словами, литературной обработки не столько повествовательного стиля, сколько содержания.

Что касается стиля, то в целом он выдержан соответственно жанру, идеологические акценты соответствуют прогрессивным веяниям эпохи и легко корректируются. В науке определенного отношения к «Литературным воспоминаниям» не установилось; согласно одному авторитетному изданию, они являются «одним из самых ярких и объективных (курсив наш. – Е.П.) источников о литературно-театральной жизни Петербурга и Москвы 1830–1850-х гг.» [7, с. 519], в то же время биографы Гоголя или Белинского пользуются этим источником с осторожностью, а комментаторы панаевских мемуаров постоянно исправляют «забывчивость» автора (см., напр.: [18, с. 392; 5, с. 621; 3, с. 635–638]).

По нашему мнению, «Литературные воспоминания» Панаева отличает высокая степень беллетриза-

ции, частью, по-видимому, бессознательной, но в целом соответствующей авторской установке. Характерно в этом плане отношение Панаева к упрекам во лжи, которые появились в печати сразу по выходу из печати соответствующих номеров «Современника». Так, после опубликования в 10-м номере за 1861 г. последних глав, в московской газете «Русская речь» появилась заметка (за подписью «Т») с упреками в искажении человеческого облика Грановского – передергиванием слов, ситуаций, сопровождением всего «игривым слогом» повествователя и, наконец, просто враньем, в частности, по поводу оценки Грановским «Семейной хроники и воспоминаний» С.Т. Аксакова: «...спрашивается: как мог Грановский, скончавшийся в 55 г., говорить о книге, вышедшей в 56, да еще через два года после ее появления? Желательно, чтоб г. Панаев объяснил нам такой странный факт, и это ему вероятно будет легко потому, что он так ясно помнит все подробности вечера у Арапетова» (курсив в оригинале – Е.П.) [13, с. 671]. На что Панаев добродушно ответил, хотя и в третьем лице (включив ответ в «Заметки Нового поэта») в последнем за 1861 г. номере «Современника», приведя полную цитату обвинения во лжи (включая саркастический пассаж, процитированный выше), добродушно поблагодарил за «справедливое замечание» и извинился за «непростительный недосмотр» [21, с. 249–250].

Присмотримся к тому, как Панаев формирует литературную основу события из прошлого на примере одного примечательного в гоголевской биографии эпизода, относящегося ко времени первого приезда писателя из-за границы и происшедшего в доме Аксаковых.

Речь идет о чтении Гоголем своей пьесы «Тяжба», которое сопровождалось своеобразной мистификации слушателей. Пьеса открывается монологом сенатского секретаря Пролетова, просматривающего после сытного обеда «Северную пчелу» и постоянно икающего, и «литературная» икота Гоголя, не сообщившего о

начале чтения, была со смущением воспринята присутствующими как бытовая.

Казус известен в гоголеведении тем, кроме прочего, что приурочен Паневым и С.Т. Аксаковым, в чьем доме Гоголь читал пьесу, к разному времени, а разница составляет почти полгода. Достоверно известно, что Гоголь приехал тогда в Москву с Погодным в конце сентября 1839 г., а уехал опять за границу в мае 1840 г. Но когда именно в рамках этого периода произошел примечательный эпизод, неизвестно, вопрос о датировке обсуждается, оставаясь открытым¹⁹. Впервые о чтении Гоголем «начала» «Тяжбы» 14 октября 1839 г. написал С.Т. Аксаков сыновьям в Петербург (17 октября того года): «Гоголь читал у нас начало комедии “Тяжба” и большую главу из романа (вероятно “Мертвые души”). И то и другое – чудные созданыя! Особенно глава из романа! И к этому надо прибавить, что он так читает или, лучше, играет, как никто! Лучшие актеры, мне известные, пред ним – ученики в театральном искусстве. Восхищение было всеобщее» [12, с. 566]. Однако ничего в этом сообщении не указывает на то, что тогда же драматург и разыграл слушателей. В воспоминаниях Панаева чтение-мистификация приурочено к лету 1839 г. и выглядит следующим образом:

«Гоголь встал с дивана, взглянув на меня не совсем приятным и пытливым глазом (он не любил, как я узнал после, присутствия мало знакомых ему лиц при его чтениях) и направил шаги в гостиную. Все последовали за ним. В гостиной дамы уже давно ожидали его.

Он нехотя подошел к большому овальному столу перед диваном, сел на диван, бросил беглый взгляд на всех, опять начал уверять, что он не знает, что прочесть, что у него нет ничего обделанного и оконченного... и вдруг икнул раз, другой, третий...

Дамы переглянулись между собою, мы не смели обнаружить при этом никакого движения и только смотрели на него в тупом недоумении.

– Что это у меня? Точно отрывок? – сказал Гоголь и остановился. Хозяин и хозяйка дома даже несколько смутились... Им, вероятно, пришло в голову, что обед их не понравился Гоголю, что он расстроил желудок...

Гоголь продолжал:

– Вчерашний обед засел в горле, эти грибки да ботвиньи! Ешь, ешь, просто чорт знает, чего не ешь...

И заикал снова, вынув рукопись из заднего кармана и кладя ее перед собою... “Прочитать еще «Северную пчелу», что там такое?..” – говорил он, уже следя глазами свою рукопись.

Тут только мы догадались, что эта икота и эти слова были началом чтения драматического отрывка, напечатанного впоследствии под именем “Тяжбы”. Лица всех озарились смехом, но громко смеяться никто не смел... Все только посматривали друг на друга, как бы говоря: “Каково? каково читает?” Щепкин заморгал глазами, полными слез.

Чтение отрывка продолжалось не более получаса. Восторг был всеобщий; он подействовал на автора.

– Теперь я вам прочту, – сказал он, – первую главу моих “Мертвых душ”, хоть она еще не обделана...» [19].

На первый взгляд эпизод выглядит весьма правдоподобно. Петербуржец Панаев был в Москве летом по дороге в Казань (по делам наследства) и осенью, на обратном пути, и в доме С.Т. Аксакова, соученика и хорошего друга отца, была принят с радушием и летом, и осенью. Отличие панаевской версии от аксаковского письма только в том, что прочитана была, согласно Панаеву, вся пьеса. Так что нет ничего удивительного в том, что рассказ последнего показался комментаторам достоверным свидетельством с ошибкой в дате (в более ранних научных публикациях – дата исправлена на март 1840 г., по мемуарному указанию С.Т. Аксакова [17, с. 191; 18, с. 393; 5, с. 621], в более поздних – исправлено только число, на этот раз – по вышеприведенному эпистолярному свидетельству Аксакова [2, с. 257; 6, т. 3, с. 287]).

Но при ближайшем рассмотрении видно, что исправить следовало бы не только дату: описание эпизода конца 1830-х сформировано по позднейшей модели «уверенный в своем величии гений среди обожающих его поклонников», а под этот «образ» Гоголя Панаев «подогнал», в частности, событийный контекст той осени. В частности, предшествующие розыгрышу события в его подаче явно относятся к числу сугубо фантазийных.

Панаев начинает подводить читателей к гоголевскому чтению с описания того, как они с Белинским поехали в гости к М.С. Щепкину на дачу, там общались, гуляли и:

«Перед отъездом нашим Михайло Семеныч объявил мне, что он на днях будет обедать у Сергея Тимофеича с Гоголем (который только что приехал в Москву), и с таинственным тоном прибавил умиленным и дрожавшим голосом:

– Ведь он, кажется, намерен прочесть там что-то новенькое!..

Действительно, через несколько дней после этого Сергей Тимофеич пригласил меня обедать, сказав, что у него будет Гоголь и что он обещал прочесть первую главу “Мертвых душ”» [5, с. 212; 6, т. 3, с. 282].

Начнем с того, что Щепкин – по всем данным – не покидал Москву после появления в ней Гоголя²⁰. Очень вероятно, однако, что актер привечал друзей еще летом до отъезда Панаева в Казань, тогда это всего лишь наложение летних и осенних впечатлений мемуариста. Можно объяснить и «таинственное» сообщение Щепкина о приезде Гоголя, в реальности просившего актера никому об этом не говорить²¹. Но приглашения Щепкина к Аксаковым на чтение «чего-то новенького», а тем более приглашения Панаева на обед по случаю того, что Гоголь «обещал прочесть первую главу “Мертвых душ”» – быть не могло. Как известно, двери аксаковского дома были открыты Гоголю в любое время, и он

бывал у них после 2 октября «почти каждый день и очень часто обедал» [2, с. 20; 6, т. 2, с. 672], но вопросы о привезенных произведениях «всегда ему были очень неприятны», и «он особенно любил держать в секрете то, чем он занимался» [2, с. 19; 6, т. 2, с. 671]. И «хотя слух о “Мертвых душах” обежал уже всю Россию» [2, с. 20], в письме Константина Сергеевича братьям в Петербург, написанном в двадцатых числах октября 1839 г., прямо указывается на полную неожиданность давно и терпеливо ожидаемого чтения, состоявшегося в вечер 14 октября [12, с. 570]. Напомним также о неуверенности С.Т. Аксакова (в вышеприведенном эпистолярном сообщении) по поводу чтения кроме начала «Тяжбы» именно поэмы (была прочитана глава из «романа», «вероятно из “Мертвых душ”»).

Очевидно, что дело не в частых ошибках Панаева в датах, отмечаемых комментаторами. Перед нами типичный литературный анекдот, набросанный легким пером и, повторяем, с фантазией. А дальнейшее развертывание сюжета «из памяти» Панаева напоминает даже о тридцати пяти тысячах курьеров.

«В исходе четвертого прибыл Гоголь... Он встретился со мною, как с старым знакомым, и сказал, пожав мне руку:

– А, и вы здесь... Каким образом?» [5, с. 212; 6, т. 3, с. 282]. В наиболее смелых предположениях Панаев был представлен Гоголю впервые 2 октября [6, т. 3, с. 287], т.е. только что, а в более осторожных – в ноябре того года в Петербурге [5, 623]. Далее следуют хорошо узнаваемые читателями 1860-х гг.²² и, по-видимому, позднейшими комментаторами «типичные» черты гоголевского образа: любовь к макаронам, реальный или притворный сон как способ уйти от назойливого общения, благоговейное и робкое отношение к Гоголю всего аксаковского семейства. Всему этому есть соответствия и в воспоминаниях Аксакова, только относятся они к другому времени и другим встречам. В число узнава-

емых деталей входит и то, что «об обещанном чтении Гоголь перед обедом не говорил ни слова» [5, с. 212; 6, т. 3, с. 283], только к 1839 г. это не имеет отношения, поскольку «обещаний» Гоголь в тот приезд еще не давал. И категорически не соответствует характеру хозяина дома и его отношению к Гоголю в тот период [2, с. 20] (и все последующие) описание реакции старшего Аксакова на отказ Гоголя от якобы данного «обещания»:

«Все томились от этой неизвестности, и Сергей Тимофеич первый решился вывести всех из такого неприятного положения.

– А вы, кажется, Николай Васильич, дали нам обещание?.. вы не забыли его? – спросил он осторожно...

Гоголя подернуло несколько.

– Какое обещание?.. Ах, да! Но я сегодня, право, не имею расположения к чтению и буду читать дурно, вы меня лучше уж избавьте от этого...

При этих словах мы все приуныли; но Сергей Тимофеич не потерял духа и с большою тонкостью и ловкостью стал упрашивать его... Гоголь отговаривался более получаса, переменяя беспрестанно разговор. Потом потянулся и сказал:

– Ну, так и быть, я, пожалуй, что-нибудь прочту вам... Не знаю только, что прочесть?.. – И приподнялся с дивана» [19, с. 22].

Заметим, что Панаев, формируя описание по канве «гений среди обожателей», следует литературному (беллетристическому) принципу: раз Гоголь вынуждает упрашивать себя, кто-то должен эту роль исполнить. К 1860-м гг. это воспринималось читателями как узнаваемая и типичная черта, сформированная, к слову сказать, одиозной ситуацией с «Выбранными местами...», но в любом случае в конце 1830-х это не было приметой гоголевского общения с друзьями. При этом известно, что он сторонился стороннего любопытства к его персоне и многолюдных собраний.

Очевидно, что Панаев не только спутал даты и частично совместил впечатления разного времени, но и

определенно приукрасил рассказываемое – для большей занимательности, видимо, но в большой степени потому, что свою задачу видел в верной характерологии, в психологической точности обрисовки портретов замечательных деятелей той эпохи. Открытым, однако, остается вопрос, как хорошо он эти характеры понимал и настолько точно трактовал поведение этих людей, зачастую интересовавших читателей больше, чем мемуариста.

На наш взгляд, он вовсе не склонен был врать, а просто воспринимал жизнь, в том числе свою, со стороны ее типичности и соответствовал этому в любом своем рассказе (не только литературном, но буквально бытовом, в письмах, например [22; 25]. В 1839 г. К.С. Аксаков, несмотря на дружеские отношения с Панаевым, в одном из разговоров с отцом назвал его Хлестаковым [11, с. 134], и с этим сравнением мы вполне солидарны не только по части легкости в мыслях, но в отношении совершенного добродушия Ивана Ивановича, с такой же легкостью соглашавшегося признать «ошибки памяти» в случае упреков в передергивании фактов (см. выше). От природы наблюдательный, он легко подмечал в людях и событиях разные характерные черты, только конфигурации этих черт были известны ему заранее из тех или иных авторитетных для него источников (из литературы, под влиянием идейных убеждений «соратников»²³ и т.п.). В частности, на отношение Панаева к Гоголю в 1839 г. сильное влияние имело восхищение Гоголем Белинского, но священного трепета, в котором признается мемуарист, конечно, не было²⁴. Хотя в 1839 г. «имя Гоголя уже начинало греметь» [4, № 9, с. 469–470], сам И.И. Панаев все еще был увлечен Кукольником, в «больших талантах» которого он пытался убедить своего дядю, А.И. Панаева, в Казани [4, № 9, с. 470]. Отношение к Гоголю Панаева-мемуариста соответствовало убеждению Белинского в «переломе» гоголевского творчества и, так сказать, в

порче таланта проповедничеством. Но отметим: рисуя близкими к гротесковым красками «благоговейное» отношение к писателю аксаковской семьи, т.е. позднейшую типичную картинку, Панаев со свойственной ему самоиронией включил и себя в число обожателей, соблюдая таким образом правдоподобие.

Так или иначе фантазийный контекст подробностей, которыми оснащено панаевское описание чтения «Тяжбы», конечно, порождает недоверие, которое усугубляется тем, что начальный монолог Пролетова мемуарист процитировал по изданию «Сочинений Гоголя» (1842 г. или 1855 г.), оснастив ремарками о поведении читающего и реакции слушателей [19, с. 31].

В целом, в отличие от литературного слога Аксакова в его «Истории моего знакомства с Гоголем», литературный характер панаевских «воспоминаний» заключается в том, что это литература, инкрустированная отдельными воспоминаниями и в случае с Гоголем, как есть основания полагать, не всегда своими.

Так, лето и осень 1839 г. описаны также и в воспоминаниях жены и двоюродного брата Панаева. Оба были радушно приняты в аксаковском доме, но на интересующем нас обеде их, разумеется, могло и не быть, так что не удивительно, что там нет упоминаний о присутствии на гоголевском чтении, однако странно, что нет ни слова и о впечатлениях Панаева об этом. Авдотья Яковлевна, как мы уже говорили, так же мало, как и ее первый муж, заботилась о фактической или «исторической» точности. А вот В.А. Панаев, который со вниманием прислушивался к литературным обсуждениям в Казани и Москве [4, № 9, с. 469–470], литературной деятельностью в период составления воспоминаний (инженер не только по профессии, но и по характеру мысли) не занимался и относился к прошедшему сообразно традиционным представлениям о мемуарном жанре. И примечательно, что при полном, повторяем, отсутствии в воспоминаниях обоих

упоминаний о гоголевском чтении, в этих – разных по типу – повествованиях о былом есть один совпадающий эпизод, который примыкает к эпизоду с «Тяжбой» по воле случая, так что его непреднамеренный характер позволяет довериться сообщению.

В Казань (точнее в близлежащее село Нармонка) Панаев поехал для оформления наследства, составлявшего часть имения деда по отцовской линии – А.В. Страхова. В деле на равных правах участвовало несколько родственников. И жена с братом в подробностях описали казусный дележ наследства, при котором не судебная, но тяжба за справедливый раздел имущества к концу второго месяца привела к тому, что «резали, рвали и разбивали пополам все, что только могло подлежать такому дележу», а серебряную посуду рубили топором [4, № 8, с. 339; 24, с. 121]. Совершенно очевидно, что именно гоголевская «Тяжба», будь она услышана И.И. Панаевым целиком, в любой редакции – с розыгрышем или без, давала ему, любившему анекдотическую сторону жизни светскому остроумцу, серьезный повод к тому или иному упоминанию ее в разговоре с родными в связи с житейским семейным анекдотом. Но – нет.

Между тем, Панаев тоже не оставил без внимания перипетии наследственного раздела и к концу 1839 г. написал небольшую повесть «Раздел имения», напечатав ее во втором номере «Отечественных записок» за 1840 г. [23]. «Закорючки», пользуясь пушкинским выражением о гоголевском «Владимире...», в повести нет ни по поводу наследства, ни в рамках центральной фабульной линии – истории женитьбы повествователя на милейшей молодой вдове, которую после нескольких идиллических месяцев он застал с другим. Обстоятельства раздела имущества, наблюдаемые повествователем «по случаю», стали фабульным поводом знакомства с будущей избранницей – не похожей на других наследников, влюбленности и женитьбы. Детали раздела, известные по мемуарам жены и брата,

мелькают по ходу рассказа, поданные с добродушной иронией, – никаких ассоциаций и намеков на гоголевский гротескный сюжет²⁵. Любопытно в этом «случайном» примыкании биографического и мемуарного сюжетов Панаева, что в противоположность гоголевской, в частности, способности из любого, расхожего, анекдота создать глубокий образ реальности, наш беллетрист, наполнивший анекдотическими историями свои «литературные» воспоминания, в прозе (во всяком случае до середины 1840-х гг.) был скован стереотипами формообразования и сюжетосложения.

В вопросе о том, по своим ли впечатлениям Панаев описал гоголевский розыгрыш, примечательно, что о Гоголе октябрьской осени 1839 г. сохранился еще один отзыв, в котором тоже можно было бы предполагать отголоски впечатлений от розыгрыша с «Тяжкой», но их там нет. Н.Ф. Павлов писал в Баварию С.П. Шевыреву 30 октября того года о московских новостях, в том числе подробно об известном инциденте с вызовом автора «Ревизора» во время спектакля 17 октября. Не очень понятно из писем Аксаковых, был ли Павлов у них в тот именно вечер, когда Гоголь в первый раз читал (сам Павлов весьма лаконичен: «Гоголь здесь, и он немножко гримасничает» [26, с. 557]), но на следующем, близком по времени, вечере с Гоголем – точно был, причем одновременно с Панаевым и Белинским; об этом упоминает в письме к братьям К.С. Аксаков [12, с. 570]. По впечатлением Константина Сергеевича, Павлов чувствовал себя рядом с Гоголем не в своей тарелке («жалок и смешон и не знает, какую роль принять ему в присутствии Гоголя, который его давит и подавляет» [12, с. 570]), и тем больше оснований он имел съязвить в письме к Шевыреву по поводу гоголевской мистификации, о которой непременно узнал бы от Панаева²⁶, от Сергея Тимофеевича или от М.С. Щепкина, если бы она случилась.

При невозможности довериться «свидетельству» Панаева о том, что гоголевский розыгрыш с чтением

«Тяжбы» случился в 1839 г., нет оснований и к предположительному смещению розыгрыша на позднюю осень, когда Гоголь и Аксаковы были в Петербурге, поскольку это отразилось бы в упомянутой повести или в письмах того времени, по которым известно, кстати, что с Гоголем Панаев (и Белинский) виделись у Одоевского, а не у Аксаковых [11, с. 135]. Нельзя исправить Панаева-мемуариста и по данным С.Т. Аксакова, более точного «в изложении фактов», по справедливому мнению С.С. Машинского [5, с. 621]. То есть мы не можем приурочить описание Панаева к названному Аксаковым 8 марта 1840 г., как сделали редакторы полного и выборочного издания «Литературных мемуаров» И. Ямпольский [18, с. 392] и С. Машинский [5, с. 621]. Дело в том, что сохранилось письмо И.И. Панаева к К.С. Аксакову от 2 марта 1840 г. из Петербурга, свидетельствующее о том, что в Москву мемуарист в эти дни даже не собирался [25, с. 213]. Никаких намеков на поездку весной 1840 г. в Москву нет и в других данных о его биографии. Следовательно, ни 8 марта 1840 г., ни в близком времени (если С.Т. Аксаков ошибся числом), Панаева в Москве не было.

В итоге создается устойчивое впечатление, что эпизод с гоголевским розыгрышем запомнился Панаеву с чужих слов, и такая вероятность не исключена (среди устных рассказов о гоголевских шутках и чудачествах, особенно распространившихся по смерти писателя, вполне мог бытовать и этот эпизод). Для вящего контраста приведенного выше и, как мы считаем, сочиненного Панаевым-мемуаристом по той или иной канве описания шутки гения приведем рассказ об этом событии хозяина дома С.Т. Аксакова: «Восьмого марта, при многих гостях, совершенно неожиданно для нас, Гоголь объявил, что хочет читать. Разумеется, все пришли в восхищение от такого известия, и все соединились в гостиной. Гоголь сел за боковой круглый стол, вынул какую-то тетрадку, вдруг икнул

и, опустив бумагу, сказал, *как он обѣлся грибков*. Это было начало комической сцены, которую он нам прочел. Он начал чтение до такой степени натурально, что ни один из присутствующих не догадался, что слышит сочинение. Впрочем, не только начало, но и вся сцена была точно также читана естественно и превосходно» (курсив автора. *Е.П.*) [2, с. 37].

* * *

Напоследок присмотримся к автору «Литературных воспоминаний» и к тем литературным жанрам, на которые он при их написании ориентировался.

В меньшей степени Панаев известен теперь как беллетрист, и это вполне справедливо. В его небольших рассказах и повестях есть живость слога, наблюдательность, но нет индивидуальности и художественной зоркости, а в то же время это не вполне очерки и, в отличие от представителей натуральной школы, в них нет достоинств даггеротипического снимка пусть частной ситуации. В большей степени известна журналистская деятельность Панаева – сотрудника «Отечественных записок», привлечшего к работе в журнале Белинского, а позднее – одного из издателей и редакторов «Современника». События, с этим связанные, усиливают интерес к его мемуарам, полным отзывами о разных замечательных знакомцах, среди которых первой место занимал Белинский, по ходу дела – Гоголь, но было и много других – Н. Кукольник, М. Щепкин, К. Аксаков, М. Бакунин, Н. Станкевич и проч., проч. Мемуарный образ литературной деятельности Панаева заслонял остальное уже в конце XIX в. С.С. Трубачев по выходе Полного собрания сочинений Панаева в 1889 г. начинает свою статью так: «С именем И.И. Панаева связывается воспоминание о некогда знаменитом и влиятельном журнале “Современник”, редактором-издателем которого был Панаев вместе

с Некрасовым с 1847 по 1862 г., т.е. в течение 15-ти самых цветущих лет существования этого журнала. Современная читающая публика знает Панаева также, как автора очень любопытных “Литературных воспоминаний” и “Воспоминаний о Белинском”. Но многим ли, – кроме записных любителей литературы, специалистов и стариков-современников Панаева, – известно, что последний в течение почти тридцати лет (с 1834 по 1862 г.) подвизался в роли беллетриста, оставив потомкам пять объемистых томов разных очерков, повестей и романов?» (выделено в оригинале. – *Е.П.*) [30, с. 160]. Так вот очерки, вошедшие в это издание сочинений Панаева, первоначально издал сам автор в 1860 г. [20], несколько их переработав и раскрыв свой постоянный псевдоним «Новый поэт», под которым он писал в «Современнике» об актуальных литературных и культурных событиях, несколько варьируя названия – «Заметки Нового поэта», «Заметки и размышления Нового поэта» и т.п.

В журнальном виде это были не совсем очерки, а скорее литературные фельетоны, – наиболее удававшийся, кстати, беллетристу жанр. И «Новый поэт» – это не только псевдоним, но и своеобразная литературная маска²⁷. Это была смесь рассуждений, наблюдений, оценок тех или иных явлений – без жесткой жанровой матрицы. Речь от лица несколько олитературенного «автора» вместе с маской Нового поэта получила свободу от жанровой однородности и простор для разнообразных стилизаций, пародий, насмешки и прочих форм врожденного остроумия и благоприобретенной от рождения светскости, а также – для разных форм выражения агрессии по отношению к литературным противникам и журнальным конкурентам. Панаев принадлежал к родовой и богатой дворянской фамилии, но по условиям времени и индивидуальной психологии, как можно полагать, всячески подчеркивал свою приверженность к разночинной идеологии и ан-

типатию к родной среде. Это находило свое выражение и в очерках Нового поэта, придавая им «соли» и привлекательности в глазах массового читателя 1860-х. Примечательно, что именно в одной из таких заметок Нового поэта в 1855 г. Панаев и высказался о никчемности опубликованных воспоминаний о Гоголе, предложив, как уже было сказано, в качестве примера свой вариант подбора «фактов» в духе текущего ажиотажа.

Жанр не был в русской литературе новым, подобным образом уже в 1820-е заполнял страницы «Северной пчелы» Ф. Булгарин, придумывая разные подписи или обходясь вообще без них. Но Панаев внес свою специфику. Между тем, не только личное (в том числе и солидарное с общественным) оказывало влияние на его отношение к памяти и к формам ее обнародования, но и изменения в характере литературного процесса. Так называемая «эпоха толстых журналов» существенно отличалась от предшествующей не только и не столько объемом периодических изданий, сколько изменением читательского контингента, конкуренцией не только литературного, но и экономического порядка, в конечном итоге – ориентацией на массовый вкус. Беллетристика, в частности, прежде не достигавшая художественного уровня и оттого попадавшая во второй и третий ряд литературного процесса, стала все более и более уверенно ощущать свое право высказываться о жизни в литературном духе, так сказать, не заботясь об истине жизни, но описывая ее «натуру», доступную взгляду наблюдателя. С. Трубачев, назвавший свою статью о Панаеве «Фельетонный беллетрист», перечисляет ряд его удачных и вполне добротных повестей, рассказов и стихотворных пародий, тонущих в посредственной массе «балласта» [30, 162–163].

Так вот если воспринимать и оценивать «Литературные воспоминания» Панаева как беллетристику, а не документальную прозу, мы можем констатировать, что это – занимательное чтение, что повествователь

живо и с остроумием рисует литературную атмосферу эпохи, что в этой прозе есть характеры, что многие черты узнаваемы как типичные для времени и для героев; при этом автор использовал многочисленные реальные источники, отразив действительность в своем, разумеется, восприятии, и именно оно и составляет содержательную основу этого повествования для всякого, знающего фактологию или следящего за ней по примечаниям, читателя.

Библиографический список

1. <Аксаков С.Т.> С. А—в. Несколько слов о биографии Гоголя // Московские ведомости. – 1853. – № 35. 21 марта. – С. 360–361.

2. Аксаков, С.Т. История моего знакомства с Гоголем / Подгот. текста и примеч. Е.П. Населенко и Е.А. Смирновой. – М.: Изд. АН СССР, 1960. [Сер. «Литературные памятники»]. – 294 с.

3. В.Г. Белинский в воспоминаниях современников. – М.: «Худ. лит.», 1977. – 733 с.

4. Воспоминания В.А. Панаева // Русская Старина. – 1893. – № 8. – С. 320–355; – № 9. – С. 461–502.

5. Гоголь в воспоминаниях современников / Ред. текста, предисл. и комм. С. И. Машинского. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952. – 718 с.

6. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств: В 3 т. / Изд. подготовил И.А. Виноградов. Т. 2–3. – М.: ИМЛИ РАН, 2012–2013.

7. Гучкова, Л.Ф. Панаев Иван Иванович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4. – М.: «Большая Российская энциклопедия», 1999. – С. 516–520.

8. Из переписки А.О. Смирновой с Аксаковыми // Русский Архив. – 1896. – Кн. 1. – С. 142–160.

9. История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1842 по 1852 год. Сочинение С.Т. Аксакова / Под ред. Н.М. Павлова. – М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1890. – IV, 246 с.

10. *Кошелев, А.В.* Пушкин в воспоминаниях: проблемы изучения литературных мемуаров: диссертация ... доктора филологических наук: 10.01.01. – Великий Новгород, 2011. – 399 с.
11. Литературное наследство. Т. 56. В.Г. Белинский. Кн. II. – М., 1952. – III, 625 с.
12. Литературное наследство. Т. 58. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М.: Наука, 1952. – 1059 с.
13. Литературные воспоминания г. Панаева. Грановский и Московский кружок. Современник № X // Русская речь и Московский вестник. – 1861. – № 94. 23 ноября. – Отд. «Смесь». – С. 669–671.
14. *Мани, Ю.В.* Гоголь. Завершение пути: 1845–1852. – М: Аспект Пресс, 2009. – 304 с.
15. *Маргулис, Ю.Э.* Встреча Достоевского и Гоголя (начало осени 1848 г.) // Байкал. (Улан-Уде). – 1977. – № 4. – С. 144.
16. Михаил Семенович Щепкин: Жизнь и творчество: В 2 т. – М.: «Искусство», 1984. – Т. 1. – 431 с.
17. Н.В. Гоголь в письмах и воспоминаниях / Сост. В. Гиппиус. – М.: «Федерация», 1931. – 496 с.
18. *Панаев, И.И.* Литературные воспоминания / Ред. текста, вступ. ст. и примеч. И. Ямпольского. – [М.; Л.]: Гос. изд-во худож. лит., 1950. – 472 с.
19. *Панаев, И.И.* Литературные воспоминания // Современник. – 1861. – № 9. – С. 30–31.
20. *Панаев, И.И.* Очерки из петербургской жизни Нового поэта. Ч. 1–2. – СПб., 1860. – Ч. 2. – С. 39–46.
21. *Панаев, И.И.* Петербургская жизнь. Заметки Нового Поэта // Современник. – 1861. – № 12. – С. 249–250.
22. *Панаев, И.И.* Письма // Панаев И.И. Сочинения. – Л.: «Худ. лит.», 1987. – С. 511–543.
23. *Панаев, И.И.* Раздел имения (Из записок помещика) // Отечественные записки. – 1840. – Т. VIII. – № 2. – Отд. III. Словесность. – С. 158–190.
24. *Панаева, А.Я.* Воспоминания. 1824–1870. Изд. 4-е / Под ред. и с прим. Корнея Чуковского. – М.; Л.: Academia, 1933. – 582 с.
25. Письма И.И. Панаева к К.С. Аксакову // А.С. Пушкин. А.Н. Островский. Западники и славянофилы. Труды Всесоюзной Биб-ки им. В.И. Ленина. Сб. IV. – М., 1939; публикация Е.Н. Коншиной.

26. Письма Н.Ф. Павлова к С.П. Шевыреву // Русский Архив. – 1897. – № 4. – С. 556–578.

27. Последняя встреча с Гоголем (Из воспоминаний П.В. Анненкова о Москве осенью 1851 года) // П.В. Анненков и его друзья: Лит. воспоминания и переписка 1835–1885 годов. – СПб.: Издание А.С. Суворина, 1892. – С. 515–516.

28. *Тартаковский, А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. – М., 1980. – 312 с.

29. *Тартаковский, А.Г.* Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. – М.: Археогр. центр, 1997. – 356 с.

30. *Трубачев С.С.* Фельетонный беллетрист. (По поводу полного собрания сочинений И.И. Панаева) // Исторический вестник. – 1889. – Т. 36. – № 4. – С. 160–173.

31. *Чуковский К.* Панаева // Чуковский К. Некрасов. – Л: Изд-в «Кубуч», 1926. – С. 62–105.

32. *Шенрок, В. К* воспоминаниям А.Я. Головачевой // Исторический Вестник. – 1889. – Т. 36. – № 5. – С. 477–478.

Э.А. Дурманова,

кандидат исторических наук,

доцент кафедры истории и культурологии МГУЛ

Дмитрий Алексеевич Милютин – выдающийся военный реформатор России XIX века

Ключевые слова: Кавказская война, князь А.И. Барятинский, Крымская война, Великие реформы, военная реформа

Keywords: The Caucasian War, Prince A.I. Baryatinsky, Crimean War, Great reforms, military reform

28 июня 2016 года Д.А. Милютину исполнилось 200 лет со дня рождения. Он – последний генерал-фельдмаршал царской России. Неоценим его вклад в историю страны. Это подписанный им закон о воинской повинности, а сократил срок службы с 25 лет до шести в сухопутных войсках и семи на – флоте. Это Милютин учредил институт «запаса», действующий поныне, и ввел обязательное обучение солдат грамоте (80 процентов не умели ни читать, ни писать). Это он отменил в армии телесные наказания – шпицрутены, клеймение, кандалы. И Шамиля пленил тоже он [2. с. 15]. Выдающийся военный, принимавший участие в Кавказских войнах и Русско-турецкой войне 70-х – 80-х годов, крупный ученый, член Академии наук, выдающийся мемуарист, друживший с И.С. Тургеневым, Т.Н. Грановским, К.Д. Кавелиным, А.Ф. Кони [2. с. 15].

Дмитрий Алексеевич Милютин родился в 1816 г. в Москве в семье небогатого помещика. Начальное обра-

зование он получил в семье, продолжил – в Московском университетском пансионе, который закончил с серебряной медалью. Здесь же в Благородном пансионе при Московском университете учились и братья – Николай Милютин, фактически ставший творцом земельной реформы, Владимир – профессор, юрист, преподавал в Петербургском университете [14. с. 7].

В 1832 г. Д.А. Милютин после окончания Благородного пансиона тотчас, переехав в Петербург, поступил на военную службу в 1-ю артиллерийскую гвардейскую бригаду фейерверкером, а через шесть месяцев в 17 лет получил первый офицерский чин, который открыл ему дорогу, благодаря блестяще сданному экзамену, сразу в старший класс Императорской военной академии. Благодаря целеустремленности и трудоспособности он в конце 1835 года поступает прямо в практический класс (на 2-й курс) Военной академии, оканчивает ее в 1836 году и причисляется к Генеральному штабу с назначением в штаб гвардейского корпуса.

В 1839 г. началась служба Д.А. Милютина в штабе Чеченского отряда на Кавказе, которым руководил командующий войсками Кавказской линии и Черноморья известный боевой генерал П.Х Граббе. Д.А. Милютин принимал участие в военных операциях против горцев, в том числе в экспедиции в Ахульго – столице имамата Шамиля, которая после нескольких штурмов, ценой больших потерь, была взята отрядом и разрушена. В одном из боев Д.А. Милютин был ранен пулей в плечо с повреждением кости. Последствия этого ранения еще долго вызывали необходимость серьезного лечения. И все же он продолжал оставаться в отряде. За участие в боевых действиях Д.А. Милютин был награжден орденами Св. Станислава 3-й степени и Св. Владимира 4-й степени. Вернувшись в Петербург в чине капитана, Д.А. Милютин вступил в должность квартирмейстера 3-й гвардейской пехотной дивизии. С 1843 г. он – обер-квартирмейстер войск Кавказской линии и Черноморья.

Им изданы «Первые опыты военной статистики», исследования о швейцарском походе Суворова и даже «Опыт литературного словаря». Удостоен престижнейшей Демидовской премии, звания члена-корреспондента Академии наук.

Он был быстрым, подвижным. Ему завидовали. По собственному желанию Н.А. Милютин в 23 года отправился на Кавказ, был тяжело ранен. За год практически объехал всю Европу.

Д.А. Милютин, служа на посту начальника Главного штаба Кавказской армии, уже в 50-е годы не только лучше кого-либо осознает необходимость реорганизации российских вооруженных сил, но и имеет конкретный план этих мероприятий. С назначением в ноябре 1861 года на пост военного министра начинается его медленная, упорная двадцатилетняя борьба за реформу в армии. Вдохновляемый убеждением в том, что «реформа у нас может быть проведена только властью» [13. с.14], Милютин, однако, с сожалением признавал, что при тогдашнем раскладе общественных сил «мысли о конституционных проектах должны быть отложены на многие лета» [13. с.14]. А вот с архаическими сословными привилегиями – основным тормозом демократизации военной службы, экономической деятельности и общественного развития должно быть покончено уже теперь. Поистине выстраданный Милютиным устав о воинской повинности (1 января 1874 г.) будет иметь в основе принцип всеобщности.

Интересны замечания Д.А. Милютина по ряду проблем. Шли бои с горцами. Милютин признавался: «Мы должны всеми силами стараться согласовывать наше владычество с интересами самих горцев. Горцы должны быть убеждены, что Россия так могущественна, что не имеет никаких притязаний на их ничтожное достояние» [13. с.14].

«Я простой человек, и мне нужны умные люди», – говорил Александр II. От реального участия в воен-

ных действиях Милютин отстранен, и после начала Крымской войны лишь дневнику доверял мысли об очевидном: «Мы приняли вызов Западной Европы неподготовленными к предстоящей борьбе... Не было у нас военачальников, способных гением своим возместить скудость боевых сил... Прав был будущий автор «Войны и мира»: «Туда умного не надо»... Надо было не умного, не рассуждающего, а исполнительного и лично преданного». А «вертикаль власти», которая на протяжении 30 лет выстраивалась, совала свой нос решительно во все стороны жизни подданных» [13. с. 14].

«Мой папа был гений и мог позволить себе роскошь окружать свой трон остолопами, – честно признался новый император Александр II. – А я – простой человек, и мне нужны умные люди» [13. с. 14]. Поэтому через шесть лет после Крымской войны с военного министерства был убран вояка николаевской закалки И.О. Сухожанет (1788–1861) и назначен 45-летний Д. Милютин, который был в это время начальником штаба Кавказского корпуса.

Протекцию Милютину составил его сослуживец, будущий фельдмаршал и победитель Шамиля, близкий друг Александра II А.И. Бястинский. В конце 1870-х годов судьба далеко разведет их. Однако вот характеристика, данная в 1860 году Бястинским Милютину, весьма обширная в письме царю: «Вы найдете в нем человека, склонного ко всему доброму, это человек честный, неумного рвения, усидчивости, ни с чем не сравнимой и чрезвычайно чувствительный к доверию и хорошему обхождению, всегда осторожный, деловитый, благородно-нравственный, безо всякого педантизма, далекий от всяких личных видов, совершенно бескорыстный и чуждый всякой зависти» [13. с. 14]. Верно. Но вместе с тем он пишет «...его характер недоверчив, он мало знаком с людьми вообще, и бесчестные люди могут всегда вкрасться в его доверие... Он имеет особую склонность к литераторам и вообще ко всем

окончившим высшие учебные заведения. Он враждебно относится ко всему аристократическому и в особенности ко всему титулованному... со временем, может быть, полезно будет дать титул ему самому. Он разделяет, к несчастью, общий недостаток всех русских – ненавидит все, что не Великорусского происхождения» [13. с. 14].

В России в связи с общим обновлением в общественной жизни была произведена реформа воинской повинности. По освобождении дворянства от обязательной службы в 1812 году воинская повинность легла всей тяжестью на низшие сословия. Солдатская служба продолжалась 25 лет и была связана не только с военными опасностями, но и с жестокой муштрой, плохим медицинским обслуживанием, жестокими телесными наказаниями. В такой форме рекрутская повинность стала тяжелым и ненавистным бременем для населения.

Крымская война обнажила проблемы русской армии. Еще во время войны молодой офицер Лев Толстой в рапорте по команде вскрыл вопиющие проблемы в боевой выучке артиллеристов, слабость артиллерийского оружия. Сохраняя при всех обстоятельствах умеренность либеральных взглядов, стараясь уберечь страну от крайностей деспотизма и революционного нетерпения, призывая «проститься с правами одной касты над другой», Милютин четко высказывает свои политические убеждения в том, что «сильная власть не исключает ни личной свободы, ни самоуправления, а устранение старинных привилегий – далеко от инвентаризации и социализма» [13. с. 14].

В январе 1862 г. император Александр II утвердил без каких-либо серьезных изменений доклад военного министра, тем самым признав разумными и осуществимыми намеченные Милютиным серьезные преобразования в военном управлении и армии.

Отныне рационализация и модернизация военного дела по наиболее пригодным и эффективным для

России европейским примерам была поставлена во главу угла реформы. Главной задачей ее стало создание массовой армии буржуазного типа. Реорганизация системы центрального управления и создание местных территориальных органов в виде военных округов (их стало 15) призваны были упростить командование вооруженными силами, сделать более оперативным руководство войсками и обеспечить в случае необходимости быструю мобилизацию.

Самая поздняя из либеральных реформ – военная (1874) – заменила многолетнюю рекрутчину всеобщей воинской повинностью, значительно сократила сроки службы, гуманизировала и интеллигентизировала характер подготовки офицерства [4. с.72–74]. Были предоставлены льготы по семейному положению и образованию. Освобождались от призыва на действительную службу люди, которые были единственными кормильцами в семье, а для получивших образование срок службы сокращался. Воинской повинности не подлежали мусульмане, иудеи и старообрядцы [6. с. 23].

Удалось значительно улучшить подготовку офицерского состава, для них были учреждены специальные военные училища, контингент для которых готовили в военных гимназиях, сменивших старые кадетские корпуса. Были открыты юнкерские училища, окончив которые молодежь производилась в офицеры. Для подготовки более квалифицированного состава военных специалистов были учреждены военные академии и морское училище. В соответствии с новыми требованиями было реорганизовано военное министерство. Осуществлялось также перевооружение армии новыми военно-техническими средствами [5. 6. с. 24].

Таким образом, святая святых самодержавия – его вооруженные силы – отныне начали жить по нормам буржуазного права. Военная реформа облегчила тяготы податных сословий и воинской повинности. Введение нового воинского устава позволили государству иметь

в мирное время уменьшенную кадровую армию, а в случае войны, призвав запасных, ополчение. Создать массовую армию, располагающую необходимыми резервами. Реформа открыла лазейку для повышения грамотности народа (солдат обучали грамоте). Появилась возможность проникновения в офицерскую среду недворян, что уничтожило кастовость офицерского корпуса. Преображающаяся армия, несмотря на незавершенность военной реформы и бездарность высшего командования, победила в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., освободил балканские народы от многовекового ига Османской империи.

В 1845 г. Д.А. Милютин был назначен на должность профессора Императорской военной академии по кафедре военной географии. Через некоторое время он пришел к выводу о научной несостоятельности курса военной географии в программе академии вообще: «Чем больше я читал и обдумывал, тем более убеждался в том, что составлять специальную военную “науку” из одних чисто географических знаний – немыслимо». И Дмитрий Алексеевич становится основоположником новой дисциплины – военной статистики, которая учитывала с военной точки зрения все многообразие различных сведений о государстве, его территории, населении, государственном устройстве, финансах, вооруженных силах и т. д. [1. с.10].

Появлению нового курса предшествовала публикация двух обстоятельных статей: «Критическое исследование значения военной географии и статистики» и «Первые опыты военной статистики». Обращаясь сегодня к военно-научному наследию Д.А. Милютина, следует отметить, что по существу, он принял эстафету от Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева, поддержал военную школу, в том числе Василия Никитича Татищева, досконально изучившего древние истоки русской истории. Военная география и военная статистика составляли в интерпретации

Д.А. Милютин начал геополитику. Имя Милютина неотделимо от истории русской военной геополитической школы. Среди офицеров Генерального штаба его последователями стали: Николай Михайлович Пржевальский (1839–1888) – исследователь Центральной Азии и Тибета; Алексей Николаевич Куропаткин (1848–1925) – исследователь Туркестана; Лавр Георгиевич Корнилов (1870–1919) – активный исследователь Восточной Персии, погиб при штурме Екатеринодара в гражданской войне; Андрей Евгеньевич Снесарев (1865–1937) завершил после Д.А. Милютина работу по формированию русской геополитической методики исследования и умер 4 декабря 1937 г. Все они – ученики Д.А. Милютина по своему духу и по делам.

С 1853 года Милютин являлся «научным консультантом» при военном министре, а в 1856 году направляется на Кавказ, где участвует в военных операциях. В 1861 году он становится военным министром и находится на этом посту до 1881 года, т.е. до конца царствования Александра II.

За свою военную деятельность Д.А. Милютин был награжден всеми российскими орденами, включая орден Св. Апостола Андрея Первозванного, и многих зарубежных наград. Он состоял почетным президентом Академии Генштаба и Военно-юридической академии, почетным членом Академии наук, Артиллерийской, Инженерной и Медико-хирургической академий [13. с.14].

Покушение на Александра II в 1881 г. стало причиной перехода правительства Александра III к открытой реакции. Манифест о «Незыблемости самодержавия» предопределил переход к контрреформам. Просвещенный ум Д.А. Милютина понимал, что интересы отечества требуют преодоления отсталости России от Запада, а, с другой стороны, он же противился революционным преобразованиям. Д.А. Милютин был

вынужден уйти в отставку. В этом же году он покинул Петербург и поселился в своем имении – в Симеизе. Однако, в 1880–90-е гг. он встречался с Александром III и Николаем II, великим князем Константином Николаевичем. Его посещали министр финансов С.Ю. Витте, министры иностранных дел Н.К. Гирс и В.Н. Ламздорф, дипломаты А.Г. Жомини, А.И. Нелидов, П.А. Шувалов. О его заслугах в 1898 г. вспомнил Николай II и в дни торжеств по случаю открытия памятника Александру II в Москве Д.А. Милютин был произведен в генерал-фельдмаршалы. За эти годы он побывал практически во всех европейских странах, живо интересовался военным воздухоплаванием, проводил время среди книг.

Скончался Дмитрий Алексеевич 25 января 1912 г. и был похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве. Дневники и воспоминания по его завещанию были переданы на хранение в Императорскую академию Генерального штаба.

В условиях современного развития цивилизаций на земле, все большее преимущество финансирования получают направление по разработкам энергетического сырья и электронного управления процессами. Вытесняя некоторые весьма важные для выживания государства стратегические отрасли. До настоящего времени в СССР (во время перестройки), особенно в 90-е годы, была упущена и более того, подвергнута разрушению стратегия укрепления и развития военного комплекса страны. Это ослабило государство в военном отношении и снизило его авторитет на мировой арене. Такое положение значительно изменилось в начале XX века, благодаря политике руководства страны по укреплению обороноспособности, решению геополитических проблем в мире. Для понимания указанной линии укрепления и защиты государства большое познавательное значение имеют труды ученых XIX–XX вв., положивших начало науки о геополитике

государства и, в частности, о геостратегии для России. Ныне следует отметить роль российских военно-исторического и географического обществ в пропаганде изучения наследия Д.А. Милютина.

Библиографический список

1. *Арбатов, А.Г.* Национальная безопасность России в многополярном мире // Вестник Российской академии наук. М., 2000. – Т. 70. № 11.
2. *Басинский, Павел.* Господин военный министр // Российская газета. 27 июня 2016. – С. 15.
3. Великие реформы в России. 1856–1874 гг. – М.: Издательство МГУ, 1992. – 333 с.
4. *Дурманова, Э.А.* История России XIX века. Хрестоматия: учебное пособие для студентов всех специальностей. – МГУЛ, 1994. – Гл. 2, с. 72–74.
5. *Захарова, Л.Г.* Россия на переломе. Самодержавие и реформы 1861 – 1874 гг. / История отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XIX вв. – М.: Политиздат, 1991. – С. 293–325.
6. *Зозуля, О.А.* Отмена крепостного права и буржуазные реформы / Модернизация России на рубеже XIX–XX вв. – М.: МГУЛ. 1994, с. 9–26.
7. *Ляшенко, Л.М.* Александр II / Л.М. Ляшенко. – М., 2002.
8. *Мединский, В.* Из всех искусств для нас важнейшим является история // Российская газета. 27 августа 2016. – С. 1, 6.
9. *Милютин, Д.А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала Д.А. Милютин. 1870–1881. – М.: РОССПЭН, 2010.
10. *Милютин, Д.А.* Критическое исследование значения военной географии и военной статистики // Русский географический сборник, 1996. № 2.
11. *Морозов, Е.Ф.* Последний фельдмаршал // Русский географический сборник, 1996. № 2.
12. Наше Отечество. Часть I / Кулешов С.В., Волобуев О.В., Пивовар Е.И. и др. Гл.6. – М.: 1991. – С. 201–259.
13. *Осинов, Г.* Фельдмаршал либеральной закваски. Две сказки жизни великого реформатора русской армии // Культура. 2008. 21–28 февраля. № 7. С. 14.

14. *Пономарева, В.В., Хорошилова, Л.Б.* Университетский Благородный пансион. – М., 2006. С. 7.

15. *Скоробогатов, Игорь.* «Защитите генерал-фельдмаршала!» // Российская газета. 20 февраля 2016. – С. 9.

16. *Шеваров, Д.Г.* Двенадцать поэтов 1812 года / Дмитрий Шеваров. – М., 2014. – С. 342.

В.А. Захаров,

кандидат исторических наук,
доцент

Пушкин об английской разведке в Персии

Ключевые слова: А.С. Пушкин, А.И. Дельвиг, «Литературная газета», «Письмена вавилонские», «Обман зрения в Персии», Вильям Прайс

Keywords: A.S. Pushkin, A.I. Delvig, «Literary newspaper», «Writing Babel», «The illusion in Persia», William Price

Существуют две анонимные заметки, опубликованные в 1830 г., в первом январском номере «Литературной газеты», которую начал издавать А.И. Дельвиг совместно с А.С. Пушкиным. Они имеют непосредственное отношение к тем закулисным делам, которые активно, но тайно проводила Англия против России в Персии.

Заметки были напечатаны в «Литературной газете» в разделе «Ученые известия» и назывались – первая – «Письмена вавилонские», вторая «Обман зрения в Персии». На первый взгляд, кажется, какое отношение эти небольшие заметки имеют к обозначенной нами теме – рассказе о деятельности английской разведки. Но, оказывается, не все так просто, как это видится. Для начала познакомимся с текстом первой заметки:

«**Письмена вавилонские.** Английский ориенталист г. Прайс (Price), во время своего путешествия в Персии, приобрел рукопись, которой буквы соответствуют буквам копьеобразного почерка. После такого открытия г. Прайс продолжал свои исследования; и 2-е издание

путешествия его включает в себе новые пояснения по сему предмету. Он разобрал несколько надписей персепольских; и если мы примем в соображение, каким быстрым изменениям подверглись языки европейские в течение нескольких веков, то не можем без удивления видеть сходства между некоторыми словами древнего языка персепольского и подобнозначащими словами нового персидского языка. Что касается до глиняных цилиндров, покрытых персепольскими письменами и бывших для антиквариев предметом многих исследований, то г. Прайс почитает их тогдашним способом печатания, служившим к размножению списков какого-либо текста. Вот первый текст сего рода, переведенный на европейский язык: «Счастлив человек, который под домашним кровом своим может являть сердце чистое и не оскверненное пороком: ибо грехи, им творимые, будут сочтены в обители небесной. Истина и чистосердечие суть наши опоры. О Боже! в день разрушения нашего бытия удали от нас гнев твой! Молитвы тиранов будут им не в пользу при смерти: не должны ли они будут дать ответ за свои преступления?»

И дальше автор заметки приводит справку из области описания растений:

«Ботаника. Исчислено, что на острове Шпицбергене, лежащем около 20-го градуса северной широты, находится только 30 видов разных растений. В Лапландии, лежащей под 60 градусом, видов сих 534; на Исландии (под 65°) оных 553; в Швеции, на протяжении от южных оконечностей Лапландии до 55°, видов растений 1300; в Бранденбурге, между 52 и 54°, – 2000; в Пьемонте, между 43 и 46°, – 2800; на Ямайке, между 17 и 19°, – 4000, а на Мадагаскаре, лежащем между 13 и 14°, под тропиком Козерога, оных более 5000». [11]

Казалось бы, каким образом приведенная выше информация имеет к нашей теме? Не будем утомлять уважаемых слушателей подробным анализом разысканий, скажем сразу, что автором этой публикации, как

удалось установить Н.Е. Мясоедовой, был А.С. Пушкин. [15, с. 82–102]

Еще в 1966 г., комментируя первую заметку, М. Еремин отметил, что «обличение тиранов – само по себе достаточно выразительное – конкретизировано тем, что оно было помещено непосредственно перед заметкой Пушкина «О некрологии генерала Раевского». [7, с. 37] «Действительно, такая переключка материалов существует. Однако помимо нее есть более значимая связь материалов внутри рассматриваемого раздела, которую без определения политического содержания заметки установить практически невозможно. О какой же информации идет речь? – Оказывается, о дипломатической...

В первой небольшой «а-ля научной» заметке, скорее рецензии, ее автор, а как мы теперь знаем, что им был Пушкин, ссылаясь на книгу Прайса, сообщил читателю, способному читать между строк очень много интересного.

Дело в том, что упомянутый в заметке «ориенталист Прайс» – это Вильям Прайс (*William Price*) (1780 – июнь 1830) – английский дипломат, совмещавший свою деятельность с разведкой. Точнее свою шпионскую деятельность он мастерски прикрывал своим дипломатическим статусом, как это существует до сих пор. Прайс начал свою карьеру в 1810 г., когда был назначен секретарем и переводчиком к сэру Гору Оусли – известному английскому предпринимателю, лингвисту и дипломату. Сам Оусли еще в 1809 году, прекрасно владея фарси и зная обычаи Персии, а также по рекомендации лорда Уэлси, бывшего в это время министра иностранных дел Великобритании, был прикомандирован переводчиком к персидскому послу в Англии Мирзе-Абуль-Хассану. Но уже 10 марта 1810 г., Гор Оусли был назначен экстраординарным послом и полномочным министром Англии при Персидском дворе. 18 июня 1810 г. с женой, братом Вильямом,

английской миссией и Мирзой-Абуль-Хассаном он покинул Англию и в апреле 1811 г. достиг Шираза. Главной задачей английской миссии было создание политического блока против русско-французского влияния на Востоке.

В ноябре 1811 г. сэр Гор Оусли прибыл в Тегеран и был представлен Фетх-Али-шаху. 14 марта 1812 г. после долгой дискуссии с Фетх-Али-шахом ему удалось подписать договор, за что персидский шах наградил его орденом Льва и Солнца с алмазами. В июне 1812 г. сэр Гор Оусли встретился в Тавризе с Аббас-Мирзой – наследным принцем Персии, отвечавшим за внешнюю политику страны. Иными словами, он нашел подходы не только к правителю страны и его наследнику, но и ко всем важным чиновникам Персии.

Пушкину было много чего известно, но он не мог выдавать публично многие дипломатические секреты, и он вот таким эзоповским языком рассказал о деятельности английских агентов в Персии, не называя их таковыми.

После завершения англо-русской войны и подписания в июле 1812 г. мирного договора России с Англией британский дипломат, посол и полномочный министр Англии при Персидском дворе сэр Гор Оусли получил тайное задание – стать посредником в переговорах между Россией и Персией. Именно ему принадлежит идея подписать Гюлистанский договор «в целом» (*Status quo ad praesentem*), оставив уточнение спорных территориальных вопросов для решения последующих комиссий. При заключении Гюлистанского мира русский главнокомандующий генерал Н.Ф. Ртищев в соответствии с указаниями Петербурга старался «самым ласкательным образом» отстранить от участия в переговорах британского поверенного в делах в Иране, но не вполне успел в этом. Английские резиденты так упорно навязывали и русским и иранцам свою «медиацию», так настойчиво вмешивались в переговоры, что

сумели превратить мирный трактат России и Ирана в источник постоянных конфликтов между этими державами. [8]

Гор Оусли великолепно справился с поставленной перед ним задачей. Он вошел в доверие к российским дипломатам и используя свои связи, приложил немало усилий доказать свою лояльность России, чему поверили и в Коллегии иностранных дел и при Дворе.

Иранский уполномоченный Абул-Хасан хан, действуя по указке английского посланника Гор Оусли, сумел, затягивая заключение мира, вырвать у Ртищева подписание, помимо самого договора, и другого документа – «сепаратного акта». Этот акт предоставлял шаху право обратиться к русскому императору с просьбой об уступке Ирану части земель, отошедших к России по Гюлистанскому договору. Какого-либо обязательства этот акт на Россию не налагал, так как император единственно по своему усмотрению мог иди отказать, или удовлетворить ходатайство шаха. [9] Но Ртищев упустил из виду стремление английских резидентов придать русско-иранскому договору характер предварительного соглашения. Английские политики убеждали иранцев, что «сепаратный акт» превратил Гюлистанский трактат в соглашение неокончательное, что границы России с Ираном определены трактатом не точно. Их устраивало, чтобы и после заключения мира сохранились основания к новым и постоянным трениям между Россией и Ираном, так как это позволило бы английской дипломатии в нужный момент спровоцировать столкновение между этими державами.

Покинув Тегеран 22 апреля 1814 г., в августе сэра Оусли, по пути в Англию, прибыл в Петербург, где его «заслуги» были высоко оценены. Он получил благодарность от Государственной коллегии Министерства иностранных дел. Больше того, по ходатайству графа Нессельроде был представлен Александру I, который наградил его орденом Александра Невского и табакер-

кой с портретом императора, украшенной бриллиантами. Только в июле 1815 г. сэр Гор Оусли вернулся в Англию²⁸. [23, р. 1255–1256] Как отмечает Н.Е. Мясоедова, хотя глава английской миссии и покинул Персию, но резиденты, прибывшие с ним, остались и продолжали успешно работать. Правда, подписанный Оусли англо-персидский договор не был ратифицирован в Лондоне.

Несмотря на показную помощь в подписании Гюлистанского договора, Англия не оставила устремлений не только отодвинуть Россию, но и вообще убрать ее с территории Персии и Закавказья. Договор Г. Оусли не устроил британское правительство. А Гюлистанский мир все-таки нанес сильный удар по агрессивным планам Англии, стремившейся подчинить Иран и установить свой политический и военный контроль над областями Среднего Востока. С целью укрепления английских позиций в Иране, в частности для заключения нового англо-иранского договора, в Иран было направлено посольство Генри Эллиса. Временно исполняющий обязанности полномочного министра в Персии Джеймс Юстиниан Мориер и прибывший в Персию в должности полномочного министра сэр Генри Эллис 25 ноября 1814 г. смогли подписать в Тегеране был подписан так называемый «Окончательный трактат» между Англией и Ираном, составленный английскими дипломатами на базе предшествовавших англо-иранских договоров. [19, с. 20] Он действовал вплоть до 1857 г.

Договор 1814 г. был весьма примечательный, он обязывал шаха аннулировать все соглашения и союзы, заключенные им с враждебными Англии европейскими государствами. Договор ставил Иран в положение привратника, охранявшего британские владения в Индии. Шах обязался не пропускать в Индию через иранскую территорию войска какой-либо европейской державы. Если бы эта держава постаралась использовать для этой цели территории Хорезма, Бухары и

Самарканда, то на шаха падала обязанность принудить правителей последних воспрепятствовать прохождению через их земли войск этой державы.

Договор 1814 г. так же обязывал англичан добиться пересмотра русско-иранской границы, установленной Гюлистанским трактатом. В деле столь большой политической важности, как определение границ между Ираном и Россией, в вопросе, касавшемся суверенных прав этих держав и требовавшем от государственных деятелей, причастных к его разрешению, особого дипломатического такта, английские политики бесцеремонно навязывали свое «посредничество» обеим сторонам. Англо-иранский договор, не считаясь с суверенитетом России и Ирана, предполагал прямое вмешательство английской дипломатии в дела этих государств, с целью воспрепятствовать возможному их сближению. Но это установленное договором 1814 г. «право» англичан на посредничество (вернее вмешательство) при разрешении русско-иранских пограничных конфликтов было признано только Ираном. Россия подобных прав за Англией никогда не признавала.

То, что английские дипломаты уже не раз предлагали России помощь, видно из письма Государственного канцлера Румянцева, отправленного в 1810 г. Главнокомандующему в Грузии генералу-лейтенанту Тормасову. Позволю привести его полностью, учитывая, что оно публикуется впервые.

«Находящийся в Цареграде аглинский посланник Г<осподин>. Каннинг отнесся сюда с предложением о своей готовности примирить нас с портою, и в том договор включить наше замирение и с персидским правительством.

Мы сие Г<осподине>.Канингу объявлено, что его императорское величество всегда желая миру и с портою и с персианами охотно пример те добрые услуги, которые на сей конец будут оказаны со стороны аглинскаго министерства; но Его величество не находит

никакой нужды чтобы о двух войнах, между которыми нет ничего общаго, было сделано одно мирное постановление и никак не согласится чтобы замирение с персиянами совершилось, так сказать под сению порты оттоманской; но Его величество предоставляет ему Г<осподину>. Канингу поручить своему товарищу, находящемуся в Персии, сделать о том внушение персидскому правительству, что Его императорское величество искренно желая прекратить войну и возстановить доброе согласие с Бабаханом согласен будет оставя прежние свои требования на разныя земли и владения удержатъ за собою только то, что уже находится во власти российской империи, в каком смысле и дано уже предписание Главнокомандующему в Грузии.

А сообщаю о сем вашему прев<осходительст>ву в том предположении, что в следствие того вы сможете быть получите от аглинскаго министра в Персии по сему предмету отношение; и в таком случае Его Величеству угодно, чтоб вы приняли оное с учтивостию и отвечали ему что действительно по всегоднешнему Его велич<ест>ва к миру разположению вы имеете новые предписания и всегда готовы приступить к переговорам и заключить мир с персидскими полномочными на прописанном выше основании; и что всякое его содействие для сближения нас с персиянами и к ускорению мира послужит к совершенной благоугодности Его величества и будет принято доказательством того разположения к дружественным сношениям, которые между Россиею и Англиею приготавливаются.

Здесь в осторожность вашу заметить однакож должно, что содействие аглинскаго министра в сближении нашем с Персией должно быть ограничено только добрыми его на тот конец услугами и отнюдь не иметь вида министерства, котораго принимать не следует, по уважению что и другим державам в разных случаях было в том отказано, и потому вы не оставите иметь наблюдение, чтобы ни при переговорах ваших с пер-

сидскими полномочными аглинского Министра не было, ни в Договор который может последовать ни о каком участии аглинского правительства в сем давать не упоминалось.

Сообщая ваше пр<евосходительст>во точной воле Его величества, честь имею быть». [26]

Заклученный в Гюлистане договор привел в дальнейшем к бесконечным разногласиям по территориальным вопросам между Россией и Персией [15, с. 90–91], и в конечном итоге к новой войне и заключению Туркманчайского договора.

Время, проведенное в Персии, Прайс использовал для совершенствования своего персидского языка, изучения клинописей, которые были найдены в развалинах Персеполиса, и их расшифровки²⁹. [24, р. 343–344]

То, что книга Прайса была известна А.С. Пушкину видно из того, что цитата, приведенная в заметке «Письмена вавилонские», заимствована из книги Прайса «Журнал английского посольства в Персии»³⁰ и действительно является переводом надписи на глиняном цилиндре, найденном в Вавилоне. («Счастлив человек, сохранивший свою внутреннюю сущность в этом временном жилище: так как грехи, совершенные здесь, должны быть учтены в великой обители (на небесах). Правда и чистосердечие являются нашей опорой, и не должны ли мы, как временные обитатели приемной залы, которая превращается в смерть, быть обвинены в греховности за малейшее неблагоразумие? Господи! В момент смерти защити нас от гнева своего. Раз мольба тирана при кончине бесполезна, не будет ли он осужден за свои преступления?»). [20, р. 39]

Впервые публикуя перевод текста на вавилонском цилиндре на русский язык, Н.Е. Мясоедова обращает внимание на то, что при переводе надписи с английского на русский ее центральная часть («не должны ли мы, как временные обитатели приемной залы, которая превращается в смерть, быть обвинены в греховности

за малейшее неблагоразумие?») была опущена переводчиком. Основной акцент был сделан на неотвратимой расплате тирана за свои злодеяния. [15, с. 91]

Если внимательно просмотреть книгу Прайса, то оказывается, что только четвертая ее часть посвящена расшифровке клинописей, основное же место в ней уделено описанию деятельности английской миссии под начальством сэра Гора Оусли (Gore Ouseley) в Персии. Именно на это и намекал в своей рецензии А.С. Пушкин. В этой связи необходимо остановиться на фактах биографии сэра Гора Оусли подробнее. В 1809 году он, по знанию языка фарси и обычаев Персии, а также по рекомендации лорда Уэлси³¹ [25, р. 1122–1134], был прикомандирован переводчиком к персидскому послу в Англии Мирзе-Абуль-Хассану. Но уже 10 марта 1810 г., Оусли был назначен экстраординарным послом и полномочным министром Великобритании при Персидском дворе. 18 июня 1810 г. с женой, братом Вильямом, английской миссией и Мирзой-Абуль-Хассаном он покинул Англию и в апреле 1811 г. достиг Шираза. В задачу английской миссии входило создание политического блока против русско-французского влияния на Востоке.

В ноябре 1811 г. сэр Гор Оусли прибыл в Тегеран и был представлен Фетх-Али-Шаху, с которым 14 марта 1812 г. после долгой дискуссии ему удалось подписать договор, за что персидский шах наградил его орденом Льва и Солнца с алмазами. В июне 1812 г. сэр Гор Оусли встретился в Тавризе с Аббас-Мирзой – наследным принцем Персии, отвечавшим за внешнюю политику страны. После подписания мирного договора России с Англией сэр Гор Оусли получил прямо противоположное задание – стать посредником в переговорах между Россией и Персией. Именно ему принадлежит идея подписать Гюлистанский договор 12 октября 1813 г. «в целом» (*Status quo ad praesentem*), оставив уточнение спорных территориальных вопросов для решения последующих комиссий, что привело в дальнейшем

к бесконечным разногласиям по территориальному вопросу между Россией и Персией.

Британский дипломат был удостоен почестей в обеих странах континента. В 1812 г. Фатх Али-шах пожаловал ему орден Льва и Солнца, а также гербовые аугментации – подобные тем, которые ранее достались сэру Харфорду Джонс³².

Когда в апреле 1814 г. миссия сэра Гора в Персии завершилась, император Всероссийский пригласил его возвращаться домой через Россию, где его на всем пути от границы до столицы встречали с необычайным для его ранга почетом. 28 августа, по прибытии дипломата в Петербург, Александр лично встретился с сэром Гором, а 31 августа министр иностранных дел граф Нессельроде передал ему по поручению императора знаки ордена Св. Александра Невского с бриллиантами и драгоценную табакерку с портретом царя, усыпанную бриллиантами. В октябре 1814 г. супруга сэра Гора (он путешествовал по службе с семьей) Хэриет-Джорджиана родила в Петербурге дочь, крестной матерью которой стала лично императрица (в ее дворце в ноябре и проходило крещение; в двойном имени Александрина-Персеваль, которым нарекли девочку, первое – несомненно в честь русского царя).

Только в июле 1815 г. сэр Гор Оусли вернулся в Англию, и хотя глава английской миссии покинул Персию, но резиденты, прибывшие с ним, остались и продолжали успешно работать. Правда, подписанный Оусли англо-персидский договор не был ратифицирован в Англии, и только временно исполняющий обязанности полномочного министра в Персии Джеймс Юстиниан Мориер и прибывший в Персию в должности полномочного министра сэр Генри Еллис 25 ноября 1814 г. подписали новый англо-персидский договор, который действовал вплоть до 1857 г.

Пушкин специально привлек внимание сообразительных читателей не столько к книге Прайса, сколько

к разведывательной деятельности англичан в Персии. Таким образом, заметка «Письмена вавилонские» вводила тему влияния английских дипломатов на внешнюю политику России на Востоке и затрагивала вполне конкретное событие – подписание Гюлистанского мирного договора. Политический подтекст этой заметки оказался весьма широк³³. [15, с. 91] В то же время ее не следует отрывать от другой заметки, которая до недавних пор не привлекала внимания исследователей, хотя и была помещена в том же разделе. Вот ее текст:

«Обман зрения в Персии». Недавняя война России с Персией и восстановившиеся ныне тесные дружественные сношения сих двух держав дают нашим соотечественникам возможность лично делать поверки всего того, что иностранные путешественники рассказывают о Древней отчизне Зороастра. Между прочим, желательно, чтобы кто-либо из г.г. инженерных офицеров Отдельного Кавказского корпуса доставил в нашу газету подтверждение или опровержение того, что английские путешественники рассказывают о чудном действии оптического обмана в стране сей. Занимавшись военной съемкой в минувшую кампанию, упомянутые г.г. офицеры собственным опытом могли лучше всякого другого убедиться в истине тех показаний, кои мы переводим из одного английского журнала.

«Действие оптического обмана не менее удивительно в стране сей, как и в Египте, и еще разнообразнее. В продолжение дня, воздух беспрерывно находится в волнистом движении на пространных и голых равнинах Персии. Вид отдаленных предметов от сего изменяется: они как бы зыблются, переменяют образ свой и скрываются по произволу стихии, проникнутой лучами света. В промежуток одной минуты, какая-нибудь гора является в виде великолепного пика; видишь, что она еще подымается, доходит до чудной высоты, расширяется на вершине, кажется огромным грибом, коего стебель с каждым мигом становится тонее; вершина

расстиляется, и в одно мгновение видишь перед собою подобие стола. Если б инженер вздумал поставить вежи или другие знаки на вершинах гор, для съемки местностей, то крайне бы обманулся: направления, расстояния, высоты – все было бы изменено. Слой глины, по которому проведены борозды дождевыми потоками, представит собою, в некоторых обстоятельствах, вид пышного города, с круглыми крышами, обелисками и минаретами: с приближением человека все исчезнет; и даже, к большому его стыду, он увидит, что сей огромный предмет, который желал он рассмотреть поближе, был только небольшой бугорок земли, шагов на десять в длину. Здесь беспрестанно принимаешь издали детей за великанов, ослов за слонов, коз за верблюдов и кустарники за высокие деревья. Часто зрелище сие бывает приятно; иногда, однако ж, оно досадным образом разочаровывает путника. Расстояние в 12 миль английских так уменьшается сим оптическим обманом, что кажется не более двух миль. Предметы, коих нельзя б было видеть, когда бы воздух был спокоен, так поднимаются вверх и приближаются от преломления лучей, что, кажется, мигом их достигнешь, хотя они отдалены еще на 25 миль; и это весьма огорчает путешественника в таком краю, как Персия, где ничто не манит взоров, ничто не занимает по утомительной и скучной дороге». [11]

Информированный читатель сразу уловил явный иронический подтекст заметки. В первых же ее строках автор с напускной радостью сообщает о «восстановлении тесных дружественных отношений двух держав», России и Персии. Ирония состоит в том, что этот текст написан не после русско-персидской войны 1826–1828 гг. и подписания Туркманчайского мира, а в 1830 г., после гибели в январе 1829 г. русского посольства вместе с полномочным министром России при Тегеранском дворе А.С. Грибоедовым, после того, как генеральный консул России в Персии А.К. Амбур-

гер, получив сообщение о разгроме русской миссии в Тегеране, спешно покинул Персию и прибыл в Нахичевань. Отъезд Амбургера из Табриза был равноценен разрыву дипломатических отношений между Ираном и Россией. Несмотря на гнев Главноуправляющего Отдельным Кавказским корпусом И.Ф. Паскевича³⁴ [10, с. 153–154], настаивавшего на возвращении Амбургера в Персию, тот, напуганный участием Грибоедова, не только не остался в Нахичевани, но тут же выехал далее – в Тифлис. Так нескрываемая радость автора заметки на деле оказывается горькой иронией, которая, помимо названного, затрагивает также историю отправления «искупительной миссии» в Россию.

Как справедливо отметила Н.Е. Мясоедова, совершенно очевидно, что автору анализируемых заметок были хорошо известны обстоятельства «недавней войны России с Персией и восстановившихся ныне тесных дружественных сношений сих двух держав», из чего и проистекала его ирония. Так «Литературная газета» в первом же номере выступила против английского влияния на российскую внешнюю политику. Совершенно не случайно и упоминание в заметке Египта – сферы постоянных экономических интересов англичан.

Помимо перечисленных, особое место занимает здесь проблема территориального разделения России и Ирана, или так называемый пограничный вопрос. Я специально хочу обратить внимание на весьма примечательный факт. Н.Е. Мясоедова впервые ввела в научный оборот рукопись из архива И.Ф. Паскевича «Memoires historiques et secrets sur la querre des Russes centre les Persans en 1826, 1827 et 1828»³⁵ [1, Л. 5], содержание которой помогает уточнить многие детали заметки «Обман зрения в Персии». И в этой связи обращаю внимание, что многочисленные исследователи до сих пор не обратили внимание на эту публикацию, имеющую важное значение для изучения истории русско-персидских отношений.

Несмотря на тенденциозность³⁶ [1, Л. 3-3об.] рукописи, как считает Мясоедова, в ней можно найти детали, которые раскрывают представления той эпохи об интересующем нас предмете. Даже в определении причин войны анонимный автор рукописи расходится с официальной точкой зрения, выводя их из стремления персидской стороны пересмотреть границы с Россией, определенные Гюлистанским договором, подписанным 12 октября 1813 г.³⁷ [1, Л. 8-8об.]

По мнению анонима «Memoires historiques...», именно не решенные в Гюлистанском договоре территориальные вопросы подталкивали персидскую сторону к пересмотру подписанного трактата³⁸. [1, Л. 8] В Петербург с особой миссией был послан Абуль-Хассан-хан, ранее бывший послом в Лондоне, он дал понять, что шах тем более «почитает себя вправе надеяться, что в трактате поставлено условие, по коему сторона, коей причинен вред, имеет право делать представления чрез своих посланников, и которое обеспечивает удовлетворение ее справедливых жалоб. – Впрочем, посланник шаха, вкрадчивый и вместе осторожный в переговорах, никогда не называл провинций, уступки которых желал бы его двор; но по некоторым указаниям видно было, что дело шло преимущественно о ханстве Талышинском, Карабахе, Гандже или Елизаветпольском округе. – Владения сии составляли не менее 35 т. квадратных верст с 200 тысячами народонаселения, но в то время русское правительство не имело еще о них полных сведений. Для объяснения сего обстоятельства достаточно перенестись в эпоху между 1803 и 1816 гг., в которую Российская империя распространилась по обоим берегам реки Куры до Аракса и Каспийского моря. В промежутках сих 13 лет, полных столь великих событий, в которых Россия принимала деятельное участие, она два раза выдержала борьбу с Западным исполином и кончила совершенным его поражением. (...) Удивительно ли, что при столь важных обстоя-

тельстввах покорение нескольких ханств на берегах Куры или Аракса, хотя сопровождаемое делами столь блистательными, заслужило только второстепенное внимание русского правительства. Как бы то ни было, но когда участь Франции окончательно решена была под Ватерлоо, и Император Александр возвратился в Россию, то Санкт-Петербургский комитет не мог еще собрать необходимые сведения о новых своих завоеваниях по ту сторону Кавказа. – Итак, не зная до какой степени важны были земли сии для России, министерство с большою отговоркою приняло предложение персидского посланника и, не отказывая решительно в уступке провинций взамен денежного вознаграждения, дало ответ уклончивый. – Абуль-Хассан-хан при всех успехах не успел получить ничего положительного. Все ограничилось только уверением, что Император не менее шаха желал скрепить узы согласия и дружбы между обоими монархами, так счастливо начатые присылкою Абуль-Хассан-хана, не замедлит со своей стороны отправить в Тегеран посольство, что между тем все предложения посланника будут тщательно рассмотрены и решительный на них ответ дан будет через генерала Ермолова, на которого возложено важное поручение к персидскому монарху»³⁹. [1, Л. 8-9, 13об.]

«Император возложил на нового Главнокомандующего обязанность привести в известность действительную важность земель, вновь приобретенных к России со стороны Аракса. Генералу Ермолову было предписано до поездки в Персию осмотреть сии места и представить мнение о последствиях окончательного ли их присоединения к Империи или уступки их Персии, согласно желанию Персидского двора. – Через несколько месяцев по прибытии в Тифлис, Ермолов, осмотрев многие пункты предполагаемой границы, представил рапорт, в котором указал все выгоды для обеспечения Грузии от присоединения к Империи помянутых провинций. Он обращал внимание на расширение морального влияния

и материальных выгод, которые ее присоединение обеспечивали России по ту сторону Кавказа. – Наконец, он замечал, что, хотя новопокоренная земля без занятия Армении до Аракса представляет преграду неполную для защиты наших границ со стороны Персии, но что преграда сия будет еще слабее с уступкою Карабаха и Ширвани, что напротив, сохранение их вознаграждает невыгоды, до известной степени новой границы. – Вследствие объяснения таким образом последствий исполнения домогательств Персидского правительства Ермолову было предписано отклонить в переговорах с персидскими министрами даже мысль уступки земель Персии. Вместе с тем ему приказано было стараться убедить шаха в дружеском к нему расположении Императора...». [1, Л. 10–10об.]

В 1817 г. во время посольства А.П. Ермолова в Персию «вопрос о границах заключал в себе 4 главные пункта: 1. От стороны Эриванской провинции было захвачено нами пространство около 20 верст более против условий трактата. 2. Близ озера Гогча; по случаю неточности выражения, оставалась спорною часть земли на пространства 15 верст. 3. Между провинциями Карабах и Нахичевань сходство названий двух потоков Капанчай и Капанакчай давало повод к притязаниям. Каждая из двух сторон хотели, чтобы границе был придан тот из двух потоков, который был наидальше от внутренних владений. Три эти пункта так маловажны, что только одно явное нерасположение могло продлить о них спор в продолжение 14 лет. 4. Но требуемая нами уступка в ханстве Талышинском была столь значительна, сколько несправедлива.

Генерал Ермолов поручил полковнику Генерального штаба Энгольму снять план сего ханства и назначить границу. Полковник Энгольм включил в сию границу не только большую часть долины Муган, но еще почти половину ханства Мехкин, на которое Россия не имела никакого права. На основании сего произвольного

плана полковника Энгольма генерал Ермолов хотел кончить дело о границах». [1, Л. 7об.-8]

Это решение Ермолова послужило причиной взаимного недоверия двух сторон. Однако в 1820 году Ермолов получил указание из Санкт-Петербурга держаться в точности статей Гюлистанского трактата.

«В продолжение 1820 и 1821 гг., – сообщает автор записок, – нам угрожал разрыв с Портою. Граф Витгенштейн получил приказание быть готовым проникнуть в Молдавию с войсками, сосредоточенною под его командою, как только барон Строганов оставит Константинополь. Ответ его посланника должен был также служить генералу Ермолову сигналом для начатия военных действий против Турецких пашалыков в Азии. – Аббас-Мирза знал о всех сих распоряжениях из сведений, доставленных ему нашим двором, и когда в одно утро наш поверенный в делах Грибоедов, получив официальное известие об отъезде барона Строганова, пришел к принцу, чтобы сообщить ему о сем происшествии и вместе осведомиться, как он намерен поступить в сем случае. «Я завтра сажусь на коня, – отвечал принц, – и через три дня мои войска перейдут границу Турции». Он сдержал свое слово и напал на Оттоманскую Землю и был вовлечен в войну, продолжавшуюся два года между Персией и Портою. – Генерал Ермолов принужден был обратиться к нашему поверенному в делах в Тегеране, чтобы завести новые переговоры о назначении границ. [Дипломат сей] [Грибоедов]. [3, с. 9–36; 13, с. 122–140] Старанием сего дипломата послан был в Тифлис Тавризский Беглербек Фет-Али-Хан, один из главных сановников двора Аббас-Мирзы, которому дано было неограниченное полномочие кончить дело о разграничении по личному согласию с генералом Ермоловым». [1, Л. 11–11об.]

Убедившись, что путем дипломатических переговоров добиться территориальных уступок невозможно, персияне нашли иной способ – организацию согласи-

тельных комиссий по установлению демаркационной линии, при этом особую роль стали играть составленные английскими инженерами карты, от точности которых зависели последствия принятых решений. Особую известность получили карты Вильяма Монтиса (*William Monteith*, 1790–1864) – человека с весьма интересной биографией. Он попал в Персию вместе с посольством сэра Джона Малькольма⁴⁰ и остался в этой стране. Монтис принимал деятельное участие в походах Аббас-Мирзы на Эривань и Грузию, закончившихся для персиян неудачей. В течение четырех кампаний персиян против России, с 1810-го по 1813 г., он командовал передовым отрядом кавалерии, неоднократно был в сложных ситуациях и получил серьезное ранение. Война персиян против России поддерживалась английским правительством, в частности сэром Харфордом Джонсом Бриджесом⁴¹ [21, р. 161–162], покровителем Монтиса. Последний был секретарем английской миссии во время подписания Мориером и Еллисом англо-персидского договора. В 1819 г. он был в Персии в качестве «гида» сэра Вильяма Гранта Керра⁴². [21, р. 407–408] В 1821 году Монтис участвовал в войне Персии против Турции. После подписания мирного договора он вошел в комиссию по территориальному разделению. В 1826 году воевал на стороне Персии с Россией. После подписания мирного договора в Туркманчае Монтис был назначен ответственным со стороны Англии по выплате Персией контрибуции России. Часть ее была доставлена в русский лагерь возглавляемым им караваном. Это послужило поводом для знакомства Монтиса с И.Ф. Паскевичем, штаб-квартира которого находилась в Тифлисе. Позже он вошел в комиссию по определению границ между Россией и Персией со стороны последней⁴³. [22, р. 727–728] Сохранились воспоминания современников о том, что, работая в комиссии и занимаясь топографической съемкой местности, Монтис составлял два варианта карт: более

точный отправлялся им в Англию, а менее точный шел в согласительную комиссию по территориальному разграничению. При этом в последнем варианте менялся масштаб, название рек, их количество и т. п. Все это давало персидской стороне явные территориальные преимущества.

Поэтому российская сторона также уделяла большое значение топографической съемке местностей, над ней работали офицеры Отдельного Кавказского корпуса. В четвертой главе рукописи, озаглавленной «Военно-географическое описание театра войны», встречаем упоминания о невольных неточностях русских топографов: «Карта Грузии и части Персии, составленная в Санкт-Петербурге генерал-майором Хатовым, на которой мы основывали исчисления переходов, к несчастью весьма ошибочная, хотя, без сомнения, одна из лучших». [2, Л. 63об.-64] Далее сообщалось, что эта карта, составленная в 1826 году, значительно точнее английской карты Аврогусмита, появившейся в 1817 году. [2, Л. 77об.-78]

Помимо карты А.И. Хатова⁴⁴, существовала карта Персии от Султанеи до Тегерана, составленная в 1828 г. капитаном Генерального штаба М.А. Коцебу [2, Л. 62 об.], который славился своими астрономическими познаниями. Именно им в 1817 и 1818 гг. были определены «широта и долгота Тифлиса и еще 3-х других пунктов в Грузии, а в 1826 г. представлена начальнику Главного штаба особая записка о более удобных способах определения долгот посредством наблюдения прохождения луны через меридиан. Способ этот был заимствован им от английских астрономов и по рассмотрении в военно-ученом комитете признан наилучшим из всех тогда существовавших». [6, с. 347]

При посольстве А.П. Ермолова состояло семь офицеров квартирмейстерской части и два колонновожатых, в задачу которых входил сбор топографических материалов. В 1819 г. полковником Верховским по собранным

полковником Буцковским в 1810 г. материалам была составлена пятнадцативерстная карта Грузии с присоединенными к ней землями. Полковник Иванов собирал материал в Талышинском ханстве, пограничном с Персией, поручик Муравьев-5-ый (Михаил Павлович) составил карту «Описание кавказских народностей», материал для которой он собирал два года⁴⁵. [6, с. 347, 359] В этой же области работали поручик Генерального штаба (впоследствии полковник) Носков [2, Л. 75об.] и полковник Друваль. [2, Л. 79]

Становится понятным обращение автора заметки «Обман зрения в Персии» к «г.г. офицерам Отдельного Кавказского корпуса» с просьбой либо подтвердить, либо опровергнуть тот оптический обман, который возникает при обращении к различным картам Персии, так как, занимаясь «военною съемкой в минувшую кампанию, помянутые г.г. офицеры собственным опытом могли лучше всякого другого убедиться в истине тех показаний, кои мы переводим из одного английского журнала».

Но правомерно ли совмещать топографические работы с дипломатическими вопросами? Несомненно. Историк Генерального штаба Глиноецкий сообщает, что в 1824 г. была отправлена миссия из четырех офицеров-топографов к русскому посольству в Константинополь, а «флигель-адъютант полковник Бутурлин состоял в качестве военного агента в Париже и даже находился в 1823 г. при французской армии, действовавшей в Испании. Наконец, несколько высших чинов квартирмейстерской части (...) были прямо употребляемы по дипломатической части». [6, с. 359]

Связующим звеном между заметками «Письмена вавилонские» и «Обман зрения в Персии» является фраза о возмездии тирану. Причем если первая заметка целиком посвящена Персии и речь в ней, по всей видимости, идет о персидском шахе, то вторая заметка выводит на членов английской миссии и обращается не-

посредственно к господам офицерам Кавказского корпуса. При этом в сознании информированного читателя постоянно возникает имя Грибоедова. «Литературная газета» обращалась к памяти дипломата иначе, чем «Северная пчела», в которой Булгарин, прикрываясь именем Грибоедова, пытался вершить суд над русской культурой.

Исходя из сказанного, вполне закономерен вопрос об авторе заметок. До сих пор они предположительно приписывались В.Н. Щастному⁴⁶. [4, с. 50; 17, с. 482] Сомнения в правильности этой атрибуции возникают из-за специфики использованного материала и способа его подачи. Из всех сотрудников «Литературной газеты» только Пушкин посетил Отдельный Кавказский корпус и владел материалом в изложенном объеме. Получить сведения он мог от весьма информированных людей, с которыми встречался во время своего путешествия в Арзрум. Среди них был его однокашник по лицу, занимавший ответственный и высокий пост в Тифлисе – обер-квартирмейстер Отдельного Кавказского корпуса В.Д. Вольховский. [12, с. 172–187; 18, с. 42–45] Владимир Дмитриевич хорошо знал ситуацию в Персии, поскольку пробыл там почти два года в 1827–1828 гг., наблюдая за уплатой российскому правительству первой части назначенной контрибуции. [12, с. 173–174]

Первый номер «Литературной газеты» почти целиком составлен из пушкинских материалов: отрывок из VIII главы «Евгения Онегина» («Прекрасны вы, брега Тавриды...»), две заметки в разделе «Смесь» («В конце истекшего года вышла в свет Некрология генерала от кавалерии Н.Н. Раевского...», «Князь Вяземский перевел и скоро напечатает...») и предположительно приписываемые перу Пушкина «Сань-Цзы-Цзин, или Троесловие с литографированным китайским текстом. Переведено с китайского монахом Иакинфом». [4, с. 49–50]

В.В. Виноградов в свое время писал: «...не подлежит сомнению, что в первые два месяца существования «Литературной газеты» (до 4 марта 1830 года), когда с отъездом Дельвига и до появления в Петербурге Вяземского, Пушкин, исполняя обязанности главного редактора (совместно с О.М. Сомовым), не только больше всех поместил своих критических статей в газете, но и подверг многое из чужих литературных материалов редакторско-стилистической правке». [5, с. 423] Приведенные аргументы свидетельствуют о том, что заметки «Письмена Вавилонские» и «Обман зрения в Персии», принадлежат Пушкину.

Мясоедова проанализировала стиль приведенных выше заметок, который подтвердил ее предположение об авторстве Пушкина. Так, она сравнила два фрагмента:

1. «Действие оптического обмана не менее удивительно в стране сей, как и в Египте, и еще разнообразнее»;

2. «Водопроводы доказывают присутствие образованности. Один из них поразил меня совершенством оптического обмана: вода, кажется, имеет свое течение по горе снизу вверх».

Первый был взят из приведенной выше заметки, а второй – из Пушкинского «Путешествия в Арзрум».

Раздел «Ученые известия», в котором были опубликованы заметки, оказался чрезвычайно удобен для проведения через цензуру политической информации, так как цензурный устав в параграфе 23 (п. 6) гласил, что статьи ученого и литературного содержания, печатаемые во всех газетах и ведомостях, подчиняются общей цензуре», в то время как статьи политического содержания проходили особую цензуру. [16, с. 316–317, 326]

Политическая информация была введена в «Литературную газету» настолько умело, что рядовые читатели первого номера газеты не ощутили ее политического контекста. Даже Булгарин, рецензируя номер, не

увидел ничего предосудительного, основная его обида сводилась к тому, что, во-первых, его и Н.И. Греча исключили из числа сотрудников газеты под предлогом того, что они самостоятельные издатели, а, по сути, за их связь с III отделением, и, во-вторых, что в круг сотрудников «Литературной газеты» был включен бывший сотрудник «Северной пчелы» О. Сомов.

В отличие от рядовых читателей, люди, владеющие политической информацией, не только поняли, о чем шла речь в газете, но и санкционировали последующую травлю ее издателей. Выбранная ими тактика была проста и действенна. Они не стали раскрывать политический подтекст газеты, что означало бы предание гласности дипломатических интриг. Они начали говорить о политической неблагонадежности Пушкина, художественных недостатках его произведений и о полном падении его таланта. Кем это делалось и как — является темой самостоятельной работы.

Суммируя сказанное, следует подчеркнуть, что уже на данном этапе исследования необходимо изменить наше представление о «Литературной газете» как печатном органе, который только с определенного момента стал поднимать политические вопросы. Еще до появления первого номера «Литературная газета» мыслилась ее редакторами как газета политическая, способная сформировать общественное мнение и руководить им. К огромной досаде Пушкина его виртуозная работа по введению политического подтекста в газету была «сведена на нет» простодушием Дельвига, который опубликовал «конфетный билет» К. Делавиня. Этим он дал повод Бенкендорфу сменить редактора «Литературной газеты», а, следовательно, и ее направление. Очевидно, не только разговор с Бенкендорфом, но и осознание собственной оплошности послужили причиной душевной апатии и ранней смерти А. Дельвига, первой смерти, оплаканной Пушкиным.

Библиографический список

1. РГИА. Ф. 1018. Оп. 2. Д. 89.
2. РГИА. Ф. 1018. Оп. 2. Д. 93.
3. *Балаян, Б.П.* Кровь на алмазе «Шах»: трагедия А.С. Грибоедова. – Ереван, 1983.
4. *Блинова, Е.М.* Литературная газета А.А. Дельвига и А.С. Пушкина: Указатель содержания. М., 1966.
5. *Виноградов, В.В.* Проблемы авторства и теория стилей. – М., 1961.
6. *Глиноецкий, Н.П.* История русского Генерального штаба. – СПб., 1883. Т. 1.
7. *Еремин, М.* В борьбе за высокую гражданственность // Блинова Е.М. Литературная газета А.А. Дельвига и А.С. Пушкина: Указатель содержания. – М., 1966.
8. *Захаров, В.А., Иванов, В.А.* «Гюлистанский договор 12 (24) октября 1813 г. – М.: Пробел 2000, 2014. К сожалению, книга не вышла, она представлена в интернете на многих сайтах. Вот один из них: URL: http://fictionbook.ru/author/v_a_zaharov/gyuulistanskiyi_dogovor_12_24_oktyabrya_1813_g/
9. *Иоаннисян, А.Р.* Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. – Ереван, 1958.
10. Кавказский сборник. Тифлис, 1898. Т. XXX.
11. Литературная газета. 1830. Январь, № 1.
12. *Мясоедова, Н.Е.* Друг Пушкина – В.Д. Вольховский // Временник Пушкинской комиссии. – СПб., 1996. Вып. 27.
13. *Мясоедова, Н.Е.* Заметки о дипломатической деятельности А.С. Грибоедова // Мясоедова Н.Е. О Грибоедове и Пушкине. – СПб., 1997.
14. *Мясоедова, Н.Е.* О Грибоедове и Пушкине (статьи и заметки). СПб., 1997.
15. *Мясоедова, Н.Е.* «Обман зрения в Персии» (К истории «Литературной газеты» А.А. Дельвига и А.С. Пушкина) // Русская литература. 2001. № 2.
16. Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. – СПб., 1862.
17. *Черейский, Л.А.* Пушкин и его окружение. Л., 1976.

18. *Шадури, В.С.* Покровитель сосланных на Кавказ декабристов и опальных литераторов. Неизвестные материалы о лицейском друге Пушкина В.Д. Вольховском. – Тб., 1979.

19. *Шостакович, С.В.* Дипломатическая деятельность А.С. Грибоедова. – М., 1960.

20. *Price, W.* A Journal of the British Embassy to Persia, embellished with numerous Views taken in India and Persia; also a Dissertation upon the Antiquities of Persepolis. Vol. 2. – London, 1832.

21. The Dictionary of National Biography. London, 1921–1922. Vol. 8.

22. The Dictionary of National Biography. London, 1921–1922. Vol. 13.

23. The Dictionary of National Biography. London, 1921–1922. Vol. 14.

24. The Dictionary of National Biography. London, 1921–1922. Vol. 16.

25. The Dictionary of National Biography. London, 1921–1922. Vol. 20.

26. Равобитаи ирон ва руссия... № 237 (на фарси).

О.А. Зозуля,

кандидат исторических наук,
доцент кафедры политологии и права,
МГОУ,

С.М. Чистова,

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории,
МГТУ им. Баумана

Хозяйственная жизнь допетровской России (вторая половина XVI –XVII вв.): опыт описания

***Ключевые слова:** Хозяйственная жизнь России XVII в., натуральное хозяйство, народное хозяйство, Соборное уложение 1649 г., «Суд о крестьянах», артель*

***Keywords:** The economic life of Russia in the 17th century, subsistence economy, the national economy, the Sobornoye Code of 1649, the «Court of Peasants», the artel*

Представленная здесь статья является частью учебного пособия, одним из соавторов которого была Светлана Михайловна Чистова. Готовилось издание для студентов-бакалавров, дабы реализовать современный запрос общества к гуманитарной составляющей технического образования, в ходе освоения которой формируются компетенции, позволяющие анализировать социально значимые явления и процессы, в том числе политического и экономического характера, и применять основные положения и методы гуманитарных

наук при решении социетальных и профессиональных задач.

Знание исторического процесса является познавательным фундаментом, позволяющим актуализировать в постиндустриальную эпоху проблемы освоения социокультурных смыслов техники и инженерии, преодолевать односторонность технократического мышления, оценивать накопленный опыт в свете развития науки и изменяющейся социальной практики.

Россия вступила в XXI век, вновь осваивая правила рыночной экономики. В этих условиях одной из центральных задач высшей технической школы стал выпуск специалистов с уровнем подготовки, позволяющим выдерживать жесткую конкуренцию на рынке труда. Предлагаемое издание готовилось для того, чтобы студенты могли глубже освоить богатый и разносторонний хозяйственный опыт, накопленный населением нашей страны в прошлом, а также реалистично оценивать специфику национальной экономики, и уметь определять свое место в современном российском народно-хозяйственном комплексе.

В связи с уходом из жизни нашей коллеги работа по социально-экономической истории России XVI – начала XX вв. осталась не законченной, но отрывок из нее после некоторой обработки представляется возможным включить в настоящий сборник, который позволит сохранить добрую память о замечательном педагоге, светлом и отзывчивом товарище и друге.

Хозяйственная жизнь страны является понятием, которое современные российские исследователи считают гораздо более широким и всеобъемлющим, чем понятие «экономика». Как отмечает социолог Н.Н. Зарубина, оно включает «весь комплекс производственных, статусных, управленческих и других отношений и институтов как на современном этапе (народное хозяйство), так и в архаичных обществах (натуральное хозяйство)». [3; с. 12]

Располагаясь на стыке сфер материального производства и социальной жизни, данное понятие позволяет рассматривать явления общественной жизни не только с позиции рыночной целесообразности и рациональности, но и показать все многообразие связей, властных отношений, культурных ценностей, религиозных убеждений, общих ментальных характеристик, определяющих поведение человека в конкретно-исторических реалиях.

Хронологические рамки, закрепленные в названии статьи, не являются произвольными, а опосредуются целым рядом соображений, среди которых можно выделить главные. Прежде всего, в конце XV в. Россия окончательно освободилась от тяжелой экономической и политической ордынской зависимости и отстояла в борьбе с Западом свою конфессиональную свободу. Успешно шло освоение земель за пределами Руси, совершенствовалась техника сельского хозяйства и ремесел. Что касается второй половины XVI–XVII вв., то это время остались «в исторической памяти как период невиданного дотоле экономического кризиса, аграризации старинных городских центров, запустения центра и северо-запада, увеличения барщинных повинностей и крепостнических тенденций». [1; с. 286]

Результатирующей составляющей политического и экономического кризиса и основной отличительной чертой социального развития страны стало формирование особого российского типа феодализма с гипертрофированной ролью государства, самодержавием и крепостным правом.

Кроме того, следует обратить внимание на еще один немаловажный с точки зрения развития экономики факт – сковывающее влияние на развитие российской предпринимательской среды оказала потеря прибрежных северо-западных земель, отсутствие южных и западных портов, что резко ограничивало возможности успешной торговли, которая в западных странах к

тому времени стала двигателем буржуазных преобразований.

Хозяйственная жизнь страны определялась не только доминирующими природно-климатическими, демографическими и историческими факторами, сдерживавшими рост совокупного общественного продукта, но также колоссальным расширением неосвоенных территорий на востоке и оттоком населения на ее окраины.

Еще одно соображение надо иметь в виду, рассматривая данный период, – драматические события опричины второй половины XVI в. и смутного времени начала XVII в., которые значительно затормозили, однако не смогли остановить общую тенденцию развития социально-экономических отношений. Рост географии и масштабов общественного разделения труда, специализация сельскохозяйственного и мелко-товарного производства, углубление торговых связей между отдельными регионами и городами привели к тому, что традиционные натурально-хозяйственные отношения начали трансформироваться под влиянием складывающегося всероссийского рынка. Таким образом, развиваясь на самостоятельной автохтонной основе, хозяйственная жизнь страны, готовила материальную и социальную базу будущим петровским реформам рубежа XVII–XVIII вв., которые позволили России стать активным субъектом, а не раздираемым противоречиями, объектом международных отношений.

В XVI–XVII вв. экономика носила феодальный характер и основывалась на натуральном хозяйстве и феодальной форме собственности. Наряду с сохранением крупных наследственных земельных держаний – вотчин, все большее значение в Московском государстве приобретало поместное условное земельное владение, выдаваемое дворянам за службу. Территориальные границы поместного земельного владения

постоянно разрастались, поскольку численность армии увеличивалась, и, соответственно, росли земельные раздачи дворянам. Отчасти это объясняло активную внешнюю политику правительства Ивана Грозного, которое стремилось пополнить земельный фонд за счет присоединения населенных земель на востоке в районе Волги, и в ходе Ливонской войны на западе страны.

В середине XVI в. поместные земли составляли половину феодальных владений, а в конце века – подавляющее большинство. В первую очередь государство раздавало помещикам «черные земли» с сидящими на них «черносошными», т.е. свободными, крестьянами. Затем, по разным причинам и под разными предложениями, государство отбирало земли у вотчинников-бояр и передавало дворянам, что особенно практиковалось Иваном Грозным. И все же земли на дворянскую армию не хватало. В списках регистрации служилых дворян, встречаются такие записи: такой-то дворянин «худ, не служит, на службу ходит пеш», другой «худ, не служит, и поместья за ним нет, и служить нечем, живет в городе у церкви, стоит дьячком на клиросе», третий «обнищал, волочится меж двор».

В связи с тем, что дворянин владел незначительным количеством крестьян, мера эксплуатации работников в поместье была значительно выше, чем у боярина, владевшего многими деревнями, что объясняло многочисленные крестьянские «переходы» к вотчинникам. Стремясь повысить эффективность своих владений, дворяне расширяли за счет общинных земель барщинную запашку и требовали от государства принятия решительных мер по прикреплению крестьян к владельцам. Борьба за рабочие руки между вотчинниками и помещиками канализировалась по двум направлениям:

– государство стремилось стереть границы между поместьями и вотчинами, разрешая переоформление первых во вторые, предоставляя в качестве поощрения

жалованные вотчины дворянам, разрешая обменивать поместья на вотчины и т.д.;

– центральная власть в середине XVII в. завершила процесс юридического закрепощения крестьян в результате принятия на Земском соборе Уложения 1649 г.

В XI главе Соборного уложения 1649 г. «Суд о крестьянах» закреплялось право искать и возвращать крестьян феодалам бессрочно, определялись условия возврата крепостных прежним владельцам, мера ответственности за прием беглого и, по словам историка В.О. Ключевского, «молчаливо допускала» личную зависимость крестьянина от владельца, передавало его под юрисдикцию помещика. [6; с. 287] Процесс окончательного стирания границ в правовом положении различных категорий зависимого населения завершился принятием петровских указов XVIII в., когда холопы и крепостные крестьяне составили одну общую массу крепостных людей не только выплачивающих феодальную ренту в виде отработок, натуральных и денежных выплат, но и несущее бремя государственных податей и повинностей.

Дальнейшее закрепощение крестьян шло параллельно с ростом товарно-денежных отношений, в которые все больше втягивались феодалы, что вело к увеличению объемов отработочной ренты. Она широко применялась не только в имениях помещиков, но и в вотчинах церкви, монастырей, царского двора. Академик Л.В. Милов, оценивая комплекс мер по созданию крепостнической формы изъятия прибавочного продукта, отмечал, что они составили систему, предназначенную компенсировать исторически ниспосланные России неблагоприятные, а в ряде моментов просто ущербные условия природно-климатической и географической среды, в которых оказались восточные славяне и другие народы Европейской России.

В рассматриваемый период основной хозяйствующей единицей продолжала оставаться крестьянская

община. Именно крестьянское хозяйство (двор) составляло главный элемент сельского производства, крестьянская семья осваивала новые земли, основывая починки, деревни, села. Из отдельных крестьянских семейных дворов состояла община.

Община изначально была объединением естественным, исходившим из потребностей реальной крестьянской жизни. Ее существование определялось традицией и здравым смыслом. Общинная сходка была основным способом решения деревенских дел. На сходки собирались мужчины, главы семейств, представители каждого хозяйства. В некоторых местах активное участие в сходках принимали и женщины. Характерный тип поведения на общих собраниях крестьян описывает исследователь русского быта А. Павловская: «На сходках при обсуждении разного рода вопросов, волнующих крестьян, много спорили, обсуждали, даже ссорились и ругались. Решение принимали чаще по обоюдному согласию, реже – голосовали. Решение сходки считалось обязательным для всех, и все беспрекословно ему подчинись. Это удивляло сторонних наблюдателей: до хрипоты спорили, высказывали разные точки зрения, не соглашались, но как только решение принималось, все успокаивались, как будто оно было единым». [9; с. 248]

Община регулировала широкий круг различных вопросов от земельных, до семейных. В другом месте своей работы А. Павловская пишет: «Важное место в деятельности общины занимало решение разного рода хозяйственных проблем. Оно касалось, во-первых, проведения совместных работ, а во-вторых, вопросов взаимовыручки и помощь в экстренных случаях. В этих случаях как нельзя лучше раскрывались преимущества общинной жизни. Община всегда оказывала помощь погорельцам, семьям ратников во время войн, вдовам и сиротам. Она давала ощущение защиты, уверенности. Помощь оказывалась и из чувства ми-

лосердия, соседской выручки, и в каком-то смысле из практических соображений – ты поможешь, тебе помогут (дай Бог, не понадобится). Крестьяне отмечали, что легче организовать помощь погорельцам или осиротевшему семейству, поскольку чувство сострадания «заглушает всякий расчет и лень». При этом речь идет именно об из ряда вон выходящих ситуациях, если проблемы возникали из года в год, по нерадивости хозяина, помощи в этом случае ждать не приходилось». [9; с. 252]

Академик Милов, отмечая роль общины в организации хозяйственной жизни крестьянства, писал: «сельская община обладала феноменальной приспособляемостью к различным условиям и типам рент. Однако практически она всегда осуществляла социальные и производственные функции посредством регулирования и управления механизмом перераспределения и использования наделной земли и удержания хозяйственно бытового распорядка жизни». [8; с. 420]

Ведущей отраслью экономики и основным занятием большинства населения страны в XVI–XVII вв. являлось сельское хозяйство. История земледелия в России к этому времени насчитывала уже несколько столетий. Своеобразные природно-климатические условия страны обусловили многие результаты ее аграрного развития. Короткий сезон сельскохозяйственных работ (май – сентябрь), внезапные заморозки и долгие дожди, бедные почвы сыграли далеко не позитивную роль в формировании специфического российского хозяйственного быта. «История народов России, населявших Русскую равнину, – писал историк Милов, – это многовековая борьба за выживание». [8; с. 17]

В центральных районах или в так называемом «Замосковном крае», куда кроме Московской, входили Владимирские, Суздальские, Ростовская, Переяславские земли, закрепилась более прогрессивная трехпольная система пашенного земледелия с продуктив-

ным скотоводством. В южных районах по-прежнему сохранялась переложная система, а подсечное земледелие доминировало на севере.

Выращивали в основном «серые хлеба», рожь и овес. Урожай зерновых культур в хорошие годы доходили до уровня сам-3, сам-4. Орудия обработки земли были традиционными, деревянная соха с железным наконечником, для возделывания суглинистых почв применялись бороны, косы и серпы. Плуг в данный период применялся редко. Суглинистая почва и супесчаные почвы центрального района требовали регулярного удобрения, поэтому в земледелие сочеталось с продуктивным скотоводством. Стойловое содержание скота в течение долгого зимнего периода и необходимость заготовок кормов отрывали крестьянина от сельскохозяйственных работ в летнюю пору и создавали дополнительные трудности для земледельца. Малое плодородие почвы могло повышаться не только за счет внесения удобрений, но и в результате вторичной или третичной вспашки, однако у крестьянина просто не хватало на это времени. И как результат – низкий объем общественно необходимых совокупных средств и ресурсов. Малый прибавочный продукт из-за низких урожаев с трудом покрывал потребности государства и помещика. Все это обуславливало стремление феодалов закрепить систему внеэкономического изъятия прибавочного продукта крестьянского хозяйства, удержать работника в пределах своего поместья, инициировать законодательное закрепление поиска и возвращение крестьян, бежавших в чужие вотчины и поместья, и, в конечном итоге, определяло крепостнический вектор развития страны.

Начало XVII в. было крайне неудачным с точки зрения развития сельского хозяйства. Голодные 1601–1603 годы, смута и иностранная интервенция привели к запустению целых регионов. Сократилось количество населения, опустели многие места обитания, где пашни

зарастали лесом. Даже в 70-е гг. XVII в. в центральных уездах распаханная земля составляла 60% ранее возделываемых площадей. Меньше пострадали восточные районы, Понизовые волжские города.

Во второй половине XVII в. интенсифицировался процесс возвращения в хозяйственный оборот многих заброшенных земельных угодий, по мере упрочения безопасности южных районов крестьянская «народная колонизация» продвинулась из пограничных с центром уездов Калужской, Тульской, Каширской, Рязанской, Пронской, Рязжской в более южные регионы. Освоив территорию между Большой и Белгородской засечными чертами, население начало спускаться в Слободскую Украину, смыкаясь с малоросским (украинским) крестьянством. Восстановление сельского хозяйства за счет вовлечения в хозяйственный оборот юго-восточных земель свидетельствовало о продолжении экстенсивного пути развития сельского хозяйства.

Новым явлением становится более резкое разделение страны на хлебопроизводящие и хлебопотребляющие районы. Хлеб стал поставлять Черноземный центр и Среднее Поволжье. Западные и Северо-Западные районы специализировались на выращивание технических культур (лен, конопля. Особенно интенсивно выращивали лен в Смоленской, Псковской, Ярославской и Новгородской волостях. Многочисленные посты, характерные для православного населения страны, способствовали более резкому обозначению районов промыслового лова рыбы (побережье Белого моря, Ладожского, Чудского, Переяславского озер, нижнее течение Волги от Самары до Астрахани). На севере кроме рыболовства были широко распространены лесные промыслы (производили деготь, смолу, поташ, скипидар).

В связи с разорением монголо-татарами городов, аграризацией старинных городских центров и утратой многих видов ремесел, спрос на бытовые изделия

стали удовлетворять распространяющиеся сельские промыслы, которые по мере усиления налогового гнета государства служили еще и дополнительным источником доходов крестьян. Кустарное крестьянское производство надолго стало характерной особенностью российской традиционной экономики.

Во второй половине XVII в. значительно увеличились масштабы промысловой деятельности крестьянского населения и ее специализация. Рядом с Москвой и Ярославлем развивались текстильные промыслы, вокруг Тулы и в районе Онежского озера-металлургические, кожевенные – вокруг Ярославля, Вологды и Казани, выращивание льна на продажу распространилось в Ярославле и Костроме. Часто сами помещики инициировали развитие промыслов, например, взимая часть оброка холстами или отправляя своих крепостных на заработки в соседние волости.

Промысловая деятельность, особенно когда она была сопряжена с необходимостью сезонного отходничества, генерировала оригинальную российской форму самоорганизации и самоуправления – артель. [5; с. 24–30] Суровые природные условия, безбрежность расстояний, непростой хозяйственный быт инициировали инстинктивное стремление крестьян к объединению в трудовые ассоциации, [4; с. 71] товарищества равноправных работников. Артель «удивительным образом позволяла сочетать склонность русского человека к самостоятельному и даже обособленному труду с коллективными усилиями». [10; с. 29] Характерными чертами российских ассоциаций было равноправие, солидарная ответственность, круговая порука, отсутствие пооперационной расчлененности труда, выполнение распорядительных функций без повышенной оплаты, распределение дохода по труду или уравнительно. Артелью, по мнению историков XIX в., называлось братство, которое строилось для какого-либо общего дела. Товарищеская взаимопомощь и общее согласие были

главными характеристиками артели. Стоит отметить, что артельные и общинные формы народной жизни и хозяйствования были тесно переплетены, крестьяне одного поселения могли, например, организовывать артели по обслуживанию почты, перевозов. Артельные формы труда и общинное самоуправление, самоорганизации сохранялась и в городах. Например, артели ярославских каменщиков строителей работали не только в родном городе, но и строили здания в Москве, Вологде и далее по всей Волге, вплоть до Астрахани.

Возрождение старых и возникновение новых городских поселений в XVI в. шло параллельно с процессом углубления общественного разделения труда, развития ремесла, промыслов и торговли. Развитие ремесла отражали данные об увеличении числа и углублении специализации ремесленных занятий. Историки насчитывали в России около 220 видов ремесел. Значительно увеличилось и ремесленное население городов. В частности, в Москве и в Новгороде насчитывалось 2 тыс. ремесленников, в уездных городах – по несколько сот. Москва стала крупнейшим административным, торгово-промышленным центром. Ее население увеличивалось не только за счет естественного прироста, но и в связи организованными властью переселениями торговых людей и ремесленников из других городов и поселений. По подсчетам историка П.П. Смирнова в Москве проживало около 200 тыс. человек, что составляло почти одну треть городского населения страны.

Трагические события опричнины и Смуты начала XVII в. отрицательно сказались на экономическом и политическом состоянии русского города, но не остановило рост городов. В Европейской России в середине XVII в. насчитывалось 226 городов, а вместе с Сибирскими городскими поселениями и казачьими городками, как свидетельствовали источники, число городов увеличивалось до 360. В России понятие город в рассматриваемый период ассоциировалось с рядом

наименований: город, пригород, крепость, острог и посад. В XVII в. к городам стали причислять несколько дворцовых слобод, в которых появились посадские общины. В ходе подготовки и принятия Уложения 1649 г. усилилась борьба посада с беломестцами, живущими на освобожденных (обеленных) от налогов землях феодалов и монастырей. Государство в целях укрепления тяглоспособности посадского населения и в связи с необходимостью увеличения денежных доходов казны усилило наступление на частновладельческие посады, резко сократив число беломестцев, обложив их торги и промыслы оброком. [2; с. 108]

Российские города значительно отличались от западноевропейских, здесь не сложилось самоуправления городских коммун, ремесленник не объединялись в цеха с жестко регламентированными условиями производства и продажи своей продукции. По мнению академика Л. Милова преобладающий тип городского поселения оставался все еще аграрным, поскольку наряду с ремесленной деятельностью были широко распространены огородничество, садоводство и содержание скота.

В крупных городах торговцы и ремесленники одной специальности селились компактно. Так, в Москве сложились Гончарная, Кузнечная, Бронная, Хамовническая слободы. Здесь появились отрасли, связанные с производством редких, дорогих и новых товаров (ювелирные изделия, дорогое шитье, оружие, часы, книги). Ремесленники в основном работали на заказ или на государство. Московское правительство вело строгий учет наличных ремесленных сил страны и активно распоряжалось ими, привлекая к выполнению потребных государству работ. [2; с. 117]

В рассматриваемый период правительство стало активно приглашать иноземных мастеров, в которых было особо заинтересовано государство. В первой половине XVII в. это были, главным образом, мастера ювелирного

дела: золотого, серебряного и часового. В середине века к этим мастерам присоединились живописцы, ставшими жалованными мастерами Оружейной палаты. Иностранцы жили обособленно в Немецкой слободе, что не способствовало активным интегративным процессам в сфере производства. Чаще у иностранцев в учениках находились «люди» и «служители» русских дворян, а не случаев поступления в обучение жителей посадов было зафиксировано очень мало. [2; с. 113]

В XVII в. городское ремесло и кустарное мелкотоварное крестьянское производство перестало удовлетворять спрос на промышленную продукцию. Военные нужды государства вызвали рост потребности в селитре, порохе, оружии, пушках, амуниции. Интересы государства диктовали необходимость учреждения мануфактур – крупных предприятий, основанных на разделении ручного труда работников. Оформляющийся всероссийский рынок также инициировал развитие отечественной промышленности.

Две особенности отличали мануфактуры российские от западноевропейских образцов. Прежде всего, крупные предприятия возникали в стране не на базе перерастания мелкого товарного производства в мануфактуру, а путем перенесения в Россию готовых форм из стран Западной Европы, где мануфактура имела, как минимум, вековую историю формирования. Вторая особенность состояла в том, что инициатором создания мануфактур выступало государство, привлекая иностранных купцов к инвестированию капиталов в производство, правительство предоставляло денежные ссуды на продолжительные сроки, приписывало к предприятиям казенных крестьян.

Первые крупные предприятия финансировало государство. На казенном Пушечном дворе в Москве готовились артиллерийские орудия. Действовали Оружейная палата, где производили стрелковое и холодное оружие. В слободе Хамовники работала полотняная

мануфактура, созданная для производства тканей для царского двора. Тульская оружейная слобода специализировалась на стрелковом оружии. На казенных и дворцовых мануфактурах работали казенные или дворцовые люди из московских слобод.

Историческими предшественниками русской мануфактуры были и крупные вотчинные и монастырские промыслы: так, Соловецкий монастырь заготавливал соль и рыбу, Троице-Сергиев монастырь имел крупные соляные промыслы. Не отставали от государства и крупные вотчинники Морозовы и Милославские, которые открывали свои мануфактуры: полотняные, железоделательные, поташные, кожевенные, которые имели ярко выраженный крепостной характер.

После разрушений Смутного времени государство проводило политику привлечения в Россию иностранных специалистов и иностранных капиталов. В 1632–1637 гг. голландец Андрей Винниус построил под Тулой три крупные металлургические и металлообрабатывающие мануфактуры, из которых выросли тульские железоделательные заводы. Мануфактуры иностранцев были по существу, государственными. Они работали на казну, а не на рынок. [7; с. 68] Например, Винниус был обязан поставлять в казну все оружие и пушки; прочие товары он имел право продавать на рынке. Вскоре на тех же условиях другими иностранными предпринимателями были построены железные заводы на реках Волге, Костроме, Шексне. К началу XVIII в. в России насчитывалось более 30 мануфактур, среди них даже писчебумажная. Некоторые из них были довольно большими предприятиями, с числом занятых до нескольких сот человек. Однако в целом преодолеть промышленную отсталость от Запада России в это период не удалось.

Важным вопросом для мануфактурного производства был вопрос рабочей силы. В условиях крепостного хозяйства свободные наемные руки практически отсут-

ствовали. Значительную долю рабочих составляли крепостные крестьяне-оброчники, которые зарабатывали деньги для выплаты оброка или подати. Свободный труд использовался на купеческих мануфактурах.

В XVII в. начинает складываться всероссийский рынок. Об этом свидетельствует специализации районов, развитие торговли. Значительную торговлю вело не только столичное, но и крупное провинциальное купечество.

Например, родоначальником знаменитой династии Строгановых был новгородский купец Спиридон, живший там во время Дмитрия Донского. Строгановы стали одними из первых представителей торгово-промышленной буржуазии, которые вели торговлю по всей стране и за границей. Они торговали солью, хлебом, рыбой, железом, мехами, воском, кожей, пушниной, сукном и т.д. Купеческая фамилия по указу Ивана Грозного финансировала экспедиции Ермака с 1572 г. Имение Строгановых по площади вместило бы несколько европейских государств.

Благодаря деятельности крупных купцов-предпринимателей, устанавливались регулярные связи между отдельными регионами страны. Появились ярмарки всероссийского значения, такие как Макарьевская близ Нижнего Новгорода, Ирбитская на Урале, Свенская у Брянска, а также Архангельская, Тихвинская, Сольвычегодская. Они выросли в центры оптовой торговли. В торговом отношении стоит выделить Макарьевскую и Ирбитскую ярмарки, а среди торговых центров – Архангельск на севере, Астрахань на юге.

Внешняя торговля также значительно выросла, но, не имея собственных портов (кроме Архангельска) и торгового флота, Россия зависела от иностранных купцов, которые вели неэквивалентный обмен. Иностранные купцы имели свои дворы в большинстве крупных городов страны. Особо выделялась Немецкая слобода в Москве. Государство предпринимало усилия, чтобы защитить отечественных предпринимателей от конку-

ренции иностранных купцов. В Новоторговом уставе 1667 г., в работе над которым принимал активное участие глава Посольского приказа А.Л. Ордын-Нащокин, были закреплены меры, направленные на защиту интересов русского капитала. Вводились льготы для русских купцов в целях расширения экспорта российских товаров, запрещался вывоз из России золота и серебра, как мера по укреплению финансового положения страны и т.д. Идеи А.Л. Ордын-Нащокина о необходимости всемерного развития частной торговли и разумной европеизации России во много предопределяли вектор будущего развития страны, получивший реализацию в петровских реформах следующего века.

По мнению авторов, одного из наиболее удачных в свое время учебников по истории экономики М.В. Кнотопова и С.И. Сметанина: «Хозяйственная отсталость России, противоречие между централизованным устройством государства и феодальным хозяйством проявилось в государственных финансах». [7; с. 70] Расходы по содержанию армии и разрастающегося административного аппарата не покрывались за счет налогов. Поэтому финансовое ведомство – Приказ большой казны – прибегал не только к введению все более обременительных прямых и косвенных налогов, но и к пополнению казны за счет монополий и откупов. Тяжесть налогообложения вызывала недовольство и ропот, провоцируя народные бунты и восстания. Недаром XVII век получил название «бунташного».

Подводя итог общему направлению хозяйственного развития России во второй половине XVI–XVII вв. следует сказать, что раскинувшаяся на огромных территориях страна, располагающая многочисленными природными богатствами, тем не менее, все больше отставала от развитых западноевропейских государств. Причины отставания крылись в господстве крепостной системы, медленном процессе первоначального накопления капитала и усилении государственного авторитаризма во

всех сферах экономики и социальной жизни. Однако объективное поступательное развитие хозяйственной жизни, проявлявшееся в специализации экономических районов и формирование единого экономического пространства, вело к постепенному преодолению автаркии, позволило сделать государству первые шаги на пути к петровским преобразованиям и реформам.

Библиографический список

1. *Бушуев, С.В., Миронов Г.Е.* История государства Российского: историко-библиографические очерки. Кн. 1. IX–XVI вв. М.: Кн. палата, 1991.

2. *Егоров, В.Г., Чистова С.М.* Городское ремесленное производство России в отечественной историографии. М.: Изд. МГУЛ, 2009.

3. *Зарубина, Н.Н.* Социология хозяйственной жизни: проблемный анализ в глобальной перспективе: учеб. пособие. М.: Логос, 2010.

4. *Зозуля, О.А.* Правовое регулирование традиционных форм организации производства в России в условиях рыночной трансформации экономики начала XX в. / Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2012. № 1. С. 70–78.

5. *Зозуля, О.А.* Устав артели как форма правового регулирования традиционного кустарного производства в России в начале XX в. / Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2012. № 4. С. 24–30.

6. *Ключевский, В.О.* Русская история. Полный курс лекций в 3 кн. Кн. 2. М.: Мысль, 1993.

7. *Конотопов, М.В., Сметанин, С.И.* История экономики: Учебник для вузов. М., Изд. РЭА, 1999. Милов Л.В. Великокорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: Росспэн, 2001.

8. *Милов, Л.В.* Великокорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001.

9. *Павловская, А.В.* Русский мир. Т.1 М.: Слово, 2009.

10. *Платонов, О.* Экономика русской цивилизации. М.: Ин-т русской цивилизации, 2008.

М.В. Палеолог,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории МГПУ

О византийской императорской геральдической традиции: опыт описания и классификации

Ключевые слова: Византийская геральдика, византийская аристократия, фанариоты, линияж Комнинов, Ангелы, Ласкарисы, Палеологи, Кантакузины

Keywords: Byzantine heraldry, the Byzantine aristocracy, fanariots, lineage Komninov, Angels, Laskaris, Paleologi, Cantaculuses

Интерес к византийской геральдике не угасает вот уже несколько столетий. Вначале этот интерес носил чисто прикладной характер. Уже во времена Империи в европейских гербовниках появляются изображения византийского герба, а также изображения гербов, в основном, правящих византийских династий. После падения Византии, когда часть имперской аристократии бежала в первую очередь в Италию, в Европе стали появляться исследования, посвященные как истории Византийской империи, так и геральдике, и генеалогии византийской знати. При помощи подобных изданий потомки византийских аристократов стремились легитимизировать свое присутствие в Европе и подтвердить свой высокий статус. Отдельные представители родов Комнинов, Ласкарисов, Палеологов и некоторых других сумели натурализоваться в Италии.

Поэтому именно в Италии в первую очередь, стали появляться генеалогические и геральдические работы, посвященные итальянским аристократическим семьям византийского происхождения.

В 1573 г. в Венеции вышел в свет статут Константиновского Ордена святого Георгия STATUTI E CAPITOLI DELLA MILITIA AUREATA ANGELICA CONSTANTINIANA DI S.GIORGIO. DI NUOVO RIFORMATI, ET APROBATI dall'illustrissimo, Eccellentissimo signore, il sig. Hieronimo Angelo Principe di Tessaglia, duca & conte di Driuasto, &c. Sourano Patrone, & Gran Signore dell' Ordine. CON LICENZA DE'SUPERIORI. В этом издании вместе со сведениями о главе Ордена принце Иерониме Ангеле, также приводились сведения о геральдике рода Ангелов. [1]

В 1663 г. увидела свет работа аббата Лоренцо Миниати LE GLORIE CADUTE Dell'Antichissima, ed Augustissima Famiglia COMNENA, Da Maestosi Allori dell'Imperial Grandezza, ne'Tragici Cipressi della priuata Condotione. Nelle quali si scuoprono le Preminenze d'alcuni Principi Sourani, e di molte nobilissime Famiglie da quella originate nell'Europa; Con varie, curiose, & erudite altre Compositioni. Canate dal buio dell'obliuione alla luce del Mondo, DALL'ABBATE DON LORENZO MINIATI, Dottore di sacra Theologia, e dell'una el'altra Legge, Protonotario Apostolico & Acad.tra gl'Incauti di Napoli, l'Ingelosito. CONSA CRATE All'Immortalita del Glorioso Nome della Sacra Maesta, dell Cattolico, Grande, e Pio, D. FILIPPO QUARTE FUSTRIACO, Re delle Spagne, Imperador dell'Indie, e Monarca Gloriosissimo. In questa Seconda Impressione corette ampliate, & ornate di molte figure in rame. В ней излагалась история семьи Комнинов и приводились гербы как их самих, так и византийских семей Ангелов, Ласкарисов и Палеологов, связанных с ними узами родства. [2]

В 1680 г. в Париже вышла всеобъемлющая работа Шарля Дюканжа BYZANTINA DUPLICI

COMMENTARIO ILLUSTRATA. PRIOR FAMILIAS AC STEMMATA IMPERATORUM Constantinopolitanorum, cum eorundem Augustorum, Nomismatibus, & aliquot Iconibus; Præterea FAMILIAS DALMATICAS & TURCICAS Compltstitur: ALTER DESCRIPTIONEM URBIS CONSTSNTINOPOLITANÆ quails extitit sub Imperatoribus Christianis. Authore CARLO DU FRESNE DOMINO DU CANGE, Regia Consiliis, & Francie apud Ambianos quæstore. В ней рассматривалась история византийских императоров, а также приводились генеалогические таблицы и гербы византийских императорских семей. [3]

В 1680 г. в Венеции вышла в свет книга PRIVELEGIA, Quibus Serenissima Gens PALÆOLOGORUM, Quæ Tot retro feculis Orienti dederat Imperatores, Excifo Bizantio atque eversa Græcorum Monarchia, Diversis Romanorum Imperatoribus ornate est; Exemplum fide publica firmatum unicus ejus Prosapiæ superthes JO. ANTONIUS FLAVIUS ANGELUS COMNENUS LASCARIS PALÆOLOGUS, qui retha linta ab Emanuele II. Imperatore descendit, Ad perpetuam rei memoriam, in Tablino S. ROM. IMP. Libera Republic Ratisponensis asservandum exhibuit. Adjetha est in colce operis GENEALOGIA PALÆOLOGORUM. Omnia nune primum typis mandata. в которой приводилась история рода Палеологов и генеалогия этого рода и его геральдические эмблемы. [4]

Помимо вышеназванных изданий, посвященных генеалогии и геральдике византийских императорских семей необходимо упомянуть трехтомный труд Ж.Б. Риетстапа «ARMORIAL GENERAL, Contenant la description des armoiries des familles nobles et patriciennes de l'Europe» посвященный геральдике европейской аристократии. [5] В этой книге автор сумел собрать значительное количество гербов европейской аристократии, включая представителей знати практически всех крупнейших стран Европы. Именно из этого

издания берется основная информация о геральдике византийской знати, после падения Константинополя в 1453 г., расшевелившейся практически по всей Европе.

В конце XIX – начале XX веков увидели свет ряд работ выдающегося румынского генеалога и геральдиста Еугена Ризо Рангабе. Его перу принадлежат две классические работы, к сожалению, не переведенные на русский язык, посвященные генеалогии и геральдике фанариотской аристократии: «Livre d'or de la noblesse phanariote en Grece, en Roumane, en Russie et en Turquie» изданной в Афинах в 1892 г. и «Livre d'or de la noblesse phanariote et familles princieres de Valachie, et de Moldavie» изданная в Афинах в 1904 г. [см. 7, 8], а также изданный в Афинах в 1925–1927 гг. трехтомный труд «Livre d'or de la noblesse Ionienne», посвященный истории греко-византийской знати проживавшей на Ионических островах. [см. 9, 10, 11, 12, 13, 14]

Начиная разговор непосредственно о византийской геральдике, необходимо отметить, что речь в основном пойдет о семьях линьяжа Комнинов, которые, в основном, составляли круг родов, занимавших в разное время, трон Византийской империи. Непосредственно помимо самих Комнинов в линьяж входили семьи: Ангелов, Ласкарисов, Палеологов, Кантакузинов, Аргиров, Даласинов, Ватацесов, Вотаниатов, а также семьи Фок, Дук и Рангабе⁴⁷.

Принято считать, что геральдики в европейском виде в Восточной Римской империи не существовало. Однако это не совсем корректное утверждение. Во-первых, заимствование геральдики европейского типа началось при императоре Мануиле I Комнине (1143–1180). Это было связано в первую очередь с интересом императора к западной культуре и военно-феодальной традиции. Во-вторых, знакомству с европейской геральдикой, а также ее использованию способствовал процесс переселения в Византию европейских феодальных семей, которые традиционно

использовали в полном или усеченном виде свои гербы и на территории Империи (см. Раули, Франкопулы, Вриении, Калоетисы) (рис. 1).

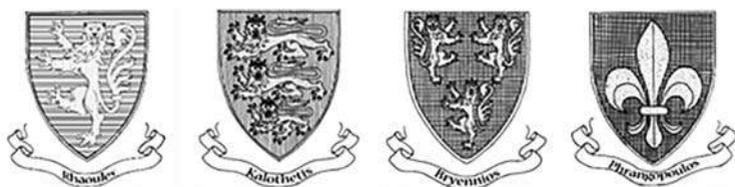

Рисунок 1

В-третьих, важным фактором формирования корпуса византийской геральдики стало создание после 1204 г. Латинской империи, где в полной мере использовалась западная геральдическая традиция для маркировки принадлежности к имперской знати. Более того, ряды византийской аристократии пополнились вновь представителями западной знати, которые сохранили свое положение среди греческой элиты как минимум до XVIII–XIX вв., например, семьи Барбаро, Гатиллузи, Каллерджи, Криспи и т.д.

Греческая же знать, оказавшись на территории Латинской империи вольно-невольно вынуждена была принять эти правила игры, что и привело к появлению византийских гербов греческих семей, использовавших западные эмблемы, которые, при этом, также легко вписывались и в графику традиционных византийских печатей, например, гербы семейств Властосов, Влаттеросов, Вотаниатов, Хумнов, Дасиотов и др. (рис. 2).

Рисунок 2

Из византийской сфрагистики в византийскую геральдику перешли и буквенные эмблемы, т.н. тетраграмматоны. Византийцы издавна использовали для печатей монограммы, сохранившиеся и в геральдике. Фигуры включающие изображения букв (по сути, тетраграмматоны) сохранилось в гербах рода Палеологов и рода Рангаве (рис. 3).

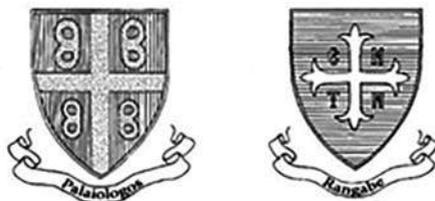

Рисунок 3

Довольно часто в геральдической практике Восточной Римской империи использовались изображения животных и птиц, а также мифологических существ. Так изображение льва в разных вариациях использовалось семьями Асений, Вриениев, Эуфорбеносов, Колоетисов, Микрулакисов, Раулей (причем вероятнее всего геральдические эмблемы Вриениев и Раулей имели европейское происхождение) (рис. 4).

Рисунок 4

Отдельные геральдические эмблемы использовались как на Западе, так и на Востоке. Поскольку орел был символом Империи еще в римские времена, византийская аристократия активно использовала в

своих гербах изображения орлов. Подобные эмблемы встречаются в гербах семей Музалонов, Нотарасов, Синадинов (рис. 5).

Рисунок 5

Широко в византийской геральдике использовались изображения мифических существ. Так в гербе семьи Аксухов помещалось изображение грифона. Идущие грифоны помещались в гербе Катаколонов. В гербе рода Сергианов использовался образ бескрылого грифона (рис. 6).

Рисунок 6

Важным источником для византийской геральдики стали т.н. «звучащие патронимы». Так в гербе рода Ангелов помещалось изображение ангела иногда нескольких ангелов. В гербе семей Мелиссиносов и Мелисургов помещалось изображение пчел (по-гречески – «пчела» μελίσσα) (рис. 7).

Рисунок 7

Отдельные византийские семьи использовали в своих гербах эмблемы близкие в своей графике к восточным тамгам. Такие изображения встречаются в гербах семей Гаврасов, Калафатов, Маниаков, Фок⁴⁸ (рис. 8).

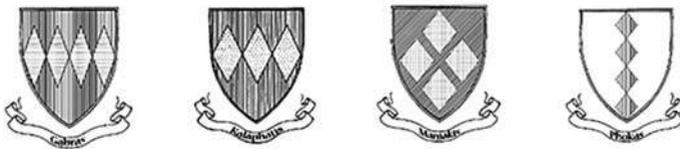

Рисунок 8

Отдельные византийские гербы сохранили традиционные сфрагистические изображения. Так в гербе семьи Фускарнакис использовался характерный для византийской сфрагистики иконографический образ Богородицы (рис. 9).

Рисунок 9

Очень распространенным в византийской геральдике стал образ двуглавого орла. Происхождение этого образа традиционно связывают с Хеттским царством. Эмблема двуглавого орла традиционно использовалась родом Палеологов. Хотя образ двуглавого орла использовался и до Палеологов. В свое время этот знак ставился как эмблема принадлежности к императорскому двору. В связи с чем, в более поздние времена, когда происходит формирование византийской геральдики, двуглавый орел стал символом, используемым в гербах императорских семей Комнинов, Ласкарисов, Кантакузинов, Ватацесов и т.д. (рис. 10).

Рисунок 10

Фактически, процесс формирования гербов европейского типа завершается во времена Палеологов. В европейских гербовниках помещался герб Палеологов, который воспринимался как герб Империи включавший в себя золотой крест с четырьмя литерами В по его углам (эта эмблема отображала девиз Палеологов: Царь Царей Царствующий над Царями). Сами Палеологи использовали как гербовую эмблему изображение двуглавого орла с монограммой своей фамилии (рис. 11).

Рисунок 11

После падения Византийской империи представители византийской аристократии оказались рассеяны по всей Европе. Особую категорию составляли т.н. фанариоты – представители греческой знати, поселившиеся в квартале Фанар в Константинополе рядом с резиденцией Вселенского патриарха. Здесь сохранились византийские семьи Палеологов, Аргиров (Аргиропулосов), Кантакузинов, Ризо-Рангабе и др. (рис. 12).

Рисунок 12

После падения Константинополя в 1453 г. Начался процесс расселения представителей византийской знати по Европе. Так некоторые представители рода Комнинов поселились в Италии. Претендуя на происхождение от византийской императорской династии Великих Комнинов, они приняли титул принцев Фессалии и правителей Эпира. Итальянские Комнины традиционно использовали в своих гербах двуглавого орла указывая на происхождение от императоров Византии, а также эмблемы Великих Комнинов императоров Трапезундских (рис. 13).

Рисунок 13

Также в Италии поселились представители рода Ласкарисов породнившись с представителями местной знати, они вошли в элиту Неаполитанского королевства. Некоторые Ласкарисы вступив в брак с представителями рода Вентимилья стали именоваться Ласкарис-Вентимилья. Отдельной ветвью этого рода стало семейство Ласкарис Вентимилья и Кастеллар. Один из представителей этого семейства Жан Паоло Ласкарис Вентимилья и Кастеллар (1639–1657) занимал трон Великого Магистра Мальтийского ордена. Помимо этого, представители рода Ласкарисов поселились в Вероне и во владениях Венецианской республики. Все представители рода Ласкарисов использовали традиционный византийский вариант герба с изображением двуглавого орла дополненного другими геральдическими эмблемами родственных семей (рис 14).

Рисунок 14

Представители рода Палеологов проживали традиционно в Греции, России, Румынии, Османской империи и Италии. После падения Константинополя Палеологи постепенно расселяются по перечисленным странам. Представители рода, поселившиеся в Италии, традиционно претендовали на императорское происхождение. Достоверно потомками императора Андроника II являлись маркизы Монферратские. Несколько представителей рода Палеологов осели на юге Италии. В Неаполе проживали Асени Палеологи, состоявшие в родстве с династией Палеологов по женской линии⁴⁹. В геральдический реестр «Grande armoriale Italiano» включен род Палеолог де Бизансио (*Paleologo di Bisanzio*). Итальянские представители рода Палеологов использовали

традиционные эмблемы, связанные с родом Палеологов (см. гербы Палеологов из Неаполя и Палеологов де Бизансио). Помимо неаполитанских представителей рода Палеологов их дальние родственники поселились на о. Мальта, породнившись с местной знатью. В связи с этим родовые эмблемы Палеологов помещены в герб рода графов Киантар-Палеолого (рис. 15).

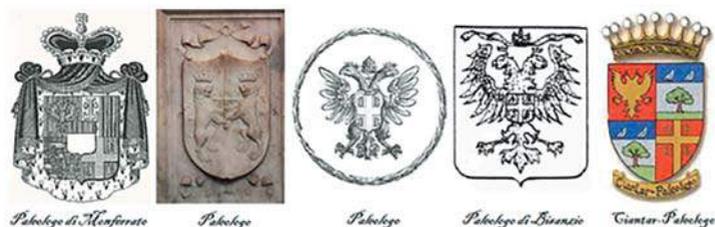

Рисунок 15

В Греции Палеологи традиционно проживали на Пелопоннесе в г. Патры, а также на Ионических островах, на острове Занте. Отдельные представители греческих ветвей рода Палеологов из Патр переселяются в Россию еще в XVII веке. Их потомки проживали в Тамбовской Пензенской и Казанской губерниях. В конце XVIII века на русскую службу поступают братья Анастасий и Христо Эммануиловичи Палеолог. Вероятней всего происходившие из рода Палеологов, проживавших на о. Занте. Оба они служили в составе Черноморского флота России. В XIX в. в составе офицеров российского флота служили три брата: Афанасий Дмитриевич, Михаил Дмитриевич и Владимир Дмитриевич Палеологи. В 1821 г. в Россию приезжает Христофор Павлович Палеолог, происходивший из фанариотской семьи Палеологов. Принято считать, что Палеологи из Греции и Константинополя были представителями младших или боковых ветвей рода Палеолог. Все они использовали традиционные для Палеологов гербовые эмблемы. Христофор Павлович Палеолог и его потомство, получив российское дворянство, использовали

старую форму герба, не утвержденную в Российской герольдии (рис. 16).

Рисунок 16

В Румынии и Российской империи проживали представители рода Кантакузин. Этот род традиционно возводил свою родословную к императору Иоанну VI Кантакузину. Изображение двуглавого орла традиционно помещается на гербах Кантакузинов как в России, так и в Румынии. Помимо этого, в российском гербе рода Кантакузинов помещались традиционные гербовые эмблемы Комнинов, Ангелов, Палеологов и Кантакузинов (в российском гербе как геральдическая эмблема рода Кантакузинов использовалось изображение двух львов, опирающихся на дерево) (рис. 17).

Рисунок 17

Подводя итог необходимо отметить, что византийская геральдическая традиция имеет достаточно древние корни и очень тесно связана с западноевропейской геральдикой. Рассмотренные гербы византийских

императорских семей составляют важнейшую часть корпуса византийской геральдики, но не позволяют составить полного представления о геральдике Восточной Римской империи, поскольку вне данной работы остался значительный комплекс геральдического материала аристократических (не императорских) семей Византии, но это проблема, которая требует отдельного рассмотрения.

Библиографический список

1. STATUTI E CAPITOLI DELLA MILITIA AUREATA ANGELICA CONSTANTINIANA DI S. GIORGIO. DI NUOVO RIFORMATI, ET APROBATI dall'illustrissimo, Eccellentissimo signore, il sig. Hieronimo Angelo Principe di Tessaglia, duca & conte di Driuasto, &c. Sourano Patrone, & Gran Signore dell' Ordine. CON LICENZA DE'SUPERIORI. IN VENETIA, APPRESSO MICHEL BONELLI. M D LXXIII.

2. LE GLORIE CADUTE Dell' Antichissima, ed Augustissima Famiglia COMNENA, Da Maestosi Allori dell'Imperial Grandezza, ne'Tragici Cipressi della priuata Condotione. Nelle quali si scuoprono le Preminenze d'alcuni Principi Sourani, e di molte nobilissime Famiglie da quella originate nell'Europa; Con varie, curiose, & erudite altre Compositioni. Canate dal buio dell'obliuione alla luce del Mondo, DALL'ABBATE DON LORENZO MINIATI, Dottore di sacra Theologia, e dell'una el'altra Legge, Protonotario Apostolico & Acad.tra gl'Incauti di Napoli, l'Ingelosito. CONSA CRATE All'Immortalita del Glorioso Nome della Sacra Maesta, dell Cattolico, Grande, e Pio, D. FILIPPO QUARTE FUSTRIACO, Re delle Spagne, Imperador dell'Indie, e Monarca Gloriosissimo. In questa Seconda Impressione corette ampliate, & ornate di molte figure in rame. IN VENETIA, Per Francesco Valuasense, M. DC. LXIII CON LICENZA, E PRIVILEGIO.

3. BYZANTINA DUPLICI COMMENTARIO ILLUSTRATA. PRIOR FAMILIAS AC STEMMATA IMPERATORUM Constantinopolitanorum, cum eorundem Augustorum, Nomismatibus, & aliquot Iconibus; Præterea FAMILIAS DALMATICAS & TURCICAS Compltstitur: ALTER DESCRIPTIONEM URBIS CONSTSNTINOPOLITANÆ quails extitit sub Imperatoribus Christianis. Authore CARLO DU

FRESNE DOMINO DU CANGE, Regia Consiliis, & Francie apud Ambianos quæstore. LUTETIÆ PARISIORUM, Apud LUDOVICUM BILLAINE, Bibliopolam Parisiensem. MDC LXXX.

4. PRIVELEGIA, Quibus Serenissima Gens PALÆOLOGORUM, Quæ Tot retro feculis Orienti dederat Imperatores, Excifo Bizantio atque eversa Græcorum Monarchia, Diversis Romanorum Imperatoribus ornate est; Exemplum fide publica firmatum unicus ejus Prosapiæ superthes JO. ANTONIUS FLAVIUS ANGELUS COMNENUS LASCARIS PALÆOLOGUS, qui retha linta ab Emanuele II. Imperatore descendit, Ad perpetuam rei memoriam, in Tablino S. ROM. IMP. Liberæ Republicæ Ratisponensis asservandum exhibuit. Adjetha est in colce operis GENEALOGIA PALÆOLOGORUM. Omnia nune primum typis mandata. RATIS PONÆ, Literis Johannis Henrici Krütingeri, A.O.R. M DCC XXI.

5. *Rietstap J.B.*, ARMORIAL GENERAL, Contenant la description des armoiries des familles nobles et patriciennes de l'Europe, Gouda G.B. van Goor, 1861, 1171 p.

6. *Rizo Rangabe Eugene*, Livre d'or de la noblesse phanariote en Grece, en Roumane, en Russie et en Turquie, Athenes, Imprimerie S. C. Vlastos, 1892, X+160 p.

7. *Rizo Rangabe Eugene*, Livre d'or de la noblesse phanariote et familles princieres de Valachie, et de Moldavie, Athenes, Imprimerie S. C. Vlastos, 1904, 258 p.

8. *Rizo Rangabe Eugene*, Livre d'or de la noblesse Ionienne. Corfu, vol. 1, Athenes, Maison d'editions «ELEFTERODAKIS», 1925, 271 p.

9. *Rizo Rangabe Eugene*, Livre d'or de la noblesse Ionienne. Cephalonie, vol. 2, part 1, Athenes, Maison d'editions «ELEFTERODAKIS», 1926, 710 p.

10. *Rizo Rangabe Eugene*, Livre d'or de la noblesse Ionienne. Cephalonie, vol. 2, part 2, Athenes, Maison d'editions «ELEFTERODAKIS», 1926, 710 p.

11. *Rizo Rangabe Eugene*, Livre d'or de la noblesse Ionienne. Zante, vol. 3, part 1, Athenes, Maison d'editions «ELEFTERODAKIS», 1927, 271 p.

12. *Rizo Rangabe Eugene*, Livre d'or de la noblesse Ionienne. Zante, vol. 3, part 1, Athenes, Maison d'editions «ELEFTERODAKIS», 1927, 271 p.

13. *Sturdza M.D.*, Grandes familles de Grece, d'Albanie et de Constantinople, Paris 1999, 657 p.

В.И. Фалько,

кандидат философских наук,
доцент кафедры «Философия» (СГН-4 МФ)
МГТУ им. Н.Э. Баумана

Альтернативы биполярному и однополярному миру: история и перспективы

Ключевые слова: биполярная система, однополярный мир, полицентричная система, модель международных отношений с двумя примирителями, симфоническая система мироустройства

Keywords: bipolar system, unipolar world, polycentric system, model of international relations with two conciliators, symphonic system of world order

В условиях современного кризиса глобальной системы международных отношений человечество стоит перед выбором нового типа мироустройства. В XX веке дважды происходили смены типов миропорядка. Мировые войны и революции привели к трансформации многополярного мира, основанного на принципах системы «баланса сил», в биполярную систему международных отношений в виде противостояния капиталистической и социалистической систем. После распада мировой социалистической системы и Советского Союза глобальные процессы стали развиваться в направлении формирования однополярного мира, в котором роль гегемона играют США.

Однако такого рода глобализация, в которой утверждается господство интересов единственной

сверхдержавы, вместо единства многообразия насаждается единообразие, происходит обострение противоречий в мире и обнаруживается растущая неспособность их разрешения в рамках модели однополярного мира.

Неспособность однополюсной модели обеспечить глобальный мир и подтверждается на практике ростом числа и масштабов локальных конфликтов, не поддающихся урегулированию, и обосновывается теоретически. В соответствии с теорией социальной системы Н. Лумана, для обеспечения устойчивости системе необходим, помимо прочего, независимый наблюдатель, указывающий на то, чего она в принципе не может видеть. Поэтому, если система, направляющая мировое развитие, не имеет оппонента, ее ошибки или злоупотребления предотвратить или, тем более, исправить невозможно.

Перед лицом растущей угрозы миру, исходящей от глобальной гегемонии США, многие государства объединяются вокруг других мировых центров, образуя контуры многополярного или, точнее выражаясь, полицентричного мироустройства.

Вместе с тем, многомерная модель такой системы оказывается обладающей более высокой степенью неопределенности, непредсказуемости ни для кого из акторов мировой политики и, следовательно, неустойчивости. Не случайно в контурах рождающейся системы мироустройства можно видеть признаки новых моделей международных отношений, не укладывающихся в получившую всеобщее признание типологию М. Каплана, опубликованную им еще в 1956 г. [1]. Представим его классификацию в виде таблицы (см. табл. 1).

Как считал М. Каплан, из шести логически мыслимых систем международных отношений в истории реализовались только первые две, а остальные представляют собой абстрактные возможности. Тем не менее, в современном мире фактически реализовалась

и модель иерархической системы как гибкий вариант униполярного мироустройства. Жесткие модели остаются пока лишь логически возможными.

Таблица 1

**Типология систем международных отношений
по Мортону Каплану**

	Многополярные	Биполярные	Однополярные
Гибкие	Система «баланса сил»	2. Гибкая биполярная система	5. Иерархическая система
Жесткие	Система единичного вето	Жесткая биполярная система	Универсальная система

Почему же новая, рождающаяся в современном мире система международных отношений не может быть возвратом к уже апробированным моделям? Понятно, что их реанимация невозможна, т.к. те исторические условия, которые вызвали их к жизни, уже не существуют. Но, может быть, они способны возродиться на более высокой основе, в иных формах? Думается, что в новых исторических условиях, учитывая принципиально иной характер вооружений, их возросшую разрушительную силу и распространенность во многих странах, а также существенное ослабление духовно-моральных, политико-правовых и других сдерживающих факторов, значительно возрастут шансы осуществления тех возможностей, которые могли привести к всемирной катастрофе еще в прошлом.

Из современной истории известно, сколь велика была вероятность мировой термоядерной катастрофы во второй половине XX века. В статьях С.М. Чисовой, опубликованных в журнале «Живая история», очень наглядно и убедительно показано, как близки были СССР и США в годы холодной войны. В частности, на основе новых, частично рассекреченных материалов (в

т.ч. планов применения Стратегическим авиационным командованием США ядерного оружия) изложены детали конфликтов, связанных с обострением отношений между противостоящими сверхдержавами и мировыми системами во второй половине 50-х – начале 60-х годов⁵⁰.

Эти и другие факты истории свидетельствуют о неустойчивости гибкой биполярной системы, поддерживающей равновесие путем балансирования на грани термоядерной катастрофы. Нет сомнений в том, что жесткая биполярная система, в которой все страны мира входили бы в один из противоборствующих лагерей, оказалась бы еще более неустойчивой.

Но и многополярная модель, существовавшая в виде системы «баланса сил» нескольких империй, не могла обеспечивать устойчивый мир. Когда завершился раздел мира между империями, локальные войны стали перерастать в мировые, где противостояли друг другу по два крупнейших объединения стран.

По теории М. Каплана, многополярная система может сохраняться лишь при наличии не менее чем пяти полюсов или центров, иначе она будет вырождаться в биполярную, что и произошло уже в первой мировой войне.

Однако модель пространства международных отношений с пятью и более измерениями оказывается математически невычислимой. С одной стороны, это говорит о неопределенности системы как ее недостатке. С другой стороны, благодаря объективной неопределенности системы оказывается возможной свобода выбора варианта действий акторов глобальной политики.

Реализуемо ли это преимущество в системе «баланса сил»? Думается, что нет. Стабильность любой системы международных отношений обеспечивается, в соответствии с теорией Каплана, соблюдением общих и специальных правил, в которых неизменно присутствует предпочтение войны миру. Для блока государств в многополярной системе требуется исходить из прави-

ла: «лучше воевать, чем упустить случай расширения своих возможностей». Обязательным правилом для любого блока государств является: «лучше воевать любой ценой, чем позволить противоположному блоку достигнуть господствующего положения».

Приоритет войны в этих правилах ведет к тому, что неустойчивость системы неизбежна как при несоблюдении их хотя бы кем-то из участников международных отношений, так и в случае неуклонного следования этим правилам всех акторов мировой политики. Так, в опубликованном в августе 2016 г. докладе группы Национального разведывательного совета США говорится: «Международные отношения отличаются тем, что они являются единственной формой социальных отношений, где насилие является обычным делом и считается в некотором смысле «нормальным». Дело в том, что «в мире нет глобальных полномочий и правил, как и готовности многих государств следовать им» [4].

Не только исторические факты, но и теоретические исследования подтверждают принципиальную нестабильность системы международных отношений, основанной на правилах такого рода. Д. Сингераи, К. Дойч, Э. Хаас, Ф. Брайллар, основываясь на анализе истории реальных международных систем, показали, что «сверхстабильность» как биполярных, так и мультиполярных систем на поверку оказывается неустойчивым состоянием [5].

Поэтому модель многополярной или полицентричной системы политических отношений, для того чтобы обеспечивать устойчивое развитие мира, должна быть существенно модифицирована или дополнена. Необходимость направляющих воздействий на эту систему, реализующих фактор свободы, предполагает выход за пределы пространства ее связей и отношений в новое, своего рода вертикальное, измерение.

Известно, что физическая вселенная устойчива только при нечетном числе пространственных измере-

ний, но уже пятимерная вселенная нестабильна. Три измерения смыслового пространства типов систем мироустройства образуются парами их жестких и гибких разновидностей, представленных в табл. 1. Устойчивость полицентрической системы с четвертым измерением может быть обеспечена только в том случае, если это измерение будет иного рода, как это мы видим на примере четырехмерного пространственно-временного многообразия в физическом мире. Иными словами, к трем осям политического пространства, образуемым шестью типами международных отношений по Каплану, нужно добавить принципиально иное четвертое измерение.

Подобная модель была предложена в 1963 году американским ученым Ричардом Роузкрансом в его работе «Действие и отношение в мировой политике» [6] как попытка найти альтернативу системам М. Каплана: «Р. Роузкранс предложил теоретическую модель как называемой релевантной утопии, которая объединила бы преимущества как биполярной (прежде всего, возможности контроля периферийных конфликтов), так и мультиполярной (больше возможностей предотвращения всеобщего конфликта) систем и при этом была бы лишена их недостатков. Результатом такого объединения стала бы «бимльтиполярная система», в которой два «главных» актора играли бы роль регуляторов конфликтов за пределами своих блоков, а государства, представляющие мультиполярную конфигурацию системы, выступали бы посредниками в конфликтах между двумя полюсами» [7, с. 189].

В 1992 году Роузкранс выступил с инициативой создания проекта «нового согласия» держав [8]. По этой модели, участники коалиции великих экономических и военных держав, обладающих согласием по поводу общих идеологических и политических принципов, должны постараться привлечь на свою сторону другие страны, которые в сумме не могут уравновесить между

собой эту группу. Однако этот проект представляется сегодня более утопичным, чем бимультиполярная модель, которая, наоборот, оказывается не только получающей теоретическое обоснование, но и реальные предпосылки для своего осуществления.

Попытки обоснования и развития бимультиполярной модели системы международных отношений предприняты автором этих строк в докладах на VI Российском философском конгрессе (2012 г.) и нескольких международных конференциях, а также соответствующих статьях (см., напр.: [9]). В настоящей статье, опираясь на современные исследования и разработки, продолжается поиск путей формирования системы мироустройства, обеспечивающей устойчивое глобальное развитие.

Как показывает графовый анализ в теории рефлексивных игр В.А. Лефевра [10], «согласие» между примирителями конфликтующих групп субъектов не может быть условием мирного разрешения конфликта. Оказывается, что для этого примирители сами должны находиться в конфликтных отношениях друг с другом. Системы с одним примирителем или двумя миротворцами, находящимися в союзных отношениях, лишь усиливают вероятность силового разрешения конфликта между группами акторов.

Единственная модель международной системы, обеспечивающая мир в современных условиях, предполагает наличие двух примирителей, находящихся между собой не в союзных, а в конфликтных отношениях, но не принадлежащих к примиряемым ими конфликтующим группировкам.

Кто претендует на роль миротворцев в международной системе? На этот вопрос отвечает анализ современной мировой политики, проведенный российскими учеными-международниками [11]. Двумя примирителями в современном мире могут быть и уже становятся США и Россия: «Это страны, составляющие своего рода

“ядро” современной мировой системы. Это проекция максимизации международного влияния в современном мире» [11, с. 186]. США и Россия образуют систему большой и малой сверхдержав. «Ближе всех к ним Китай, остальные пять держав «восьмерки» формируют периферию этого ядра мирового влияния» [11, с. 223].

Из системного анализа международных отношений следует вывод: новейшая система международных отношений может и должна строиться на миротворческой роли двух крупнейших военно-политических держав – США и России. При этом Россия не должна идти в фарватере Атлантического альянса, а продолжать составлять ему оппозицию. В нынешних условиях уравнивание потенциалов двух примирителей происходит при поддержке России Китаем.

Становление реальных предпосылок для новой модели международной системы происходит уже сегодня, в процессе крушения однополярного мира. Сегодня снова Сирия и другие страны Ближнего Востока являются ареной противостояния и взаимодействия групп государств и других политических акторов, где рождается новый мировой порядок. Важным событием на пути к нему может стать налаживание и развитие отношений России и США, которые, однако, не станут союзническими в ближайшей перспективе.

Что касается КНР, то она, постепенно превращаясь в первую экономическую державу и укрепляя свою военную мощь, может претендовать и на единоличное политическое лидерство или выдвигаться на роль главного геополитического государства цивилизации суши в противостоянии лидеру цивилизации моря. В плане укрепления позиций России многое будет зависеть от экономической мощи нашей страны и сохранения ее целостности, а также роли Хартленда в будущей геополитической картине мира.

Возможные перспективы становления системы международных отношений с двумя примирителями

можно оценить и по прогнозам глобальных тенденций, в частности, публикуемых в докладах Национального разведывательного совета США. Российские международники отмечают, что, несмотря на тенденциозность и объективные недостатки, эти доклады являются ценными документами.

Так, в докладе от 2012 года «Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры» говорится, что к 2030 г. ни одно государство в мире, включая США, не сможет единолично выполнять функции державы-гегемона и что существует необходимость в американо-российском партнерстве для борьбы с растущей нестабильностью [12].

В докладе о миропорядке в 2035 г. вице-адмирал ВМС США, директор по развитию Объединенных сил Кевин Скотт прогнозирует, что через двадцать лет миропорядок будет базироваться на политике ряда государств, обладающих политической волей, сильной армией и мощным экономическим потенциалом, в числе которых значится и Россия. В докладе не говорится, что США и Россия станут союзниками, однако особо подчеркивается, что кроме России в борьбе с мировым террором не на кого опереться. Да и с ИГИЛ наши страны воюют вместе, хоть и на разных фронтах и за разные интересы. Учитывая, что обозначенные в докладе угрозы будут нарастать, как снежный ком, сотрудничество Белого дома с Кремлем тоже будет усиливаться [4].

А в докладе Национального разведывательного совета США о прогнозе миропорядка в 2035 г. «Глобальные тренды: парадокс прогресса» оговаривается, что Россия и Китай станут противниками главенствующего влияния американского государства на мировой арене и будут стараться занять лидерскую позицию среди всех стран [13].

Из последних прогнозов разведывательного сообщества США можно сделать вывод об изменении оценок

потенциала России в положительную сторону, хотя главным конкурентом США в борьбе не только за экономическое, но и за политическое лидерство в мире признается Китай.

Важно учесть, что Россия имеет основания для сохранения и упрочения своих ведущих позиций в мировой геополитической системе благодаря не только военной мощи, но также духовному и человеческому факторам. И от того, сумеет ли наша страна развить соответствующие исторические традиции славяно-православной цивилизации, зависят перспективы возможной смены конфликтных отношений между глобальными примирителями на отношения солидарные.

Речь идет о возможной альтернативе пока что утопическому проекту Роузкранса 1992 года – идее «нового согласия» сильнейших западных государств. Судя по названию проекта, он призван, в известном смысле, возродить на новой основе традиции католического согласия средневековой Европы. Вопрос в том, сохранит ли в будущем свою справедливость условие конфликта между глобальными миротворцами или же между ними возможна гармония? Возможно ли, теоретически, осуществление в мировом масштабе модели единого надгосударственного политико-идеологического центра, или же более вероятной окажется в будущем модель «новой симфонии» государственно-политической и духовной властей по модели Византии, унаследованной православной Россией?

По Лефевру, «влияние миротворцев обычно направлено не столько на изменение отношения “конфликт” на отношение “союз”, сколько на прекращение насилия» и «у примирителя... есть две альтернативы: использовать наказание (1) – использовать поощрение (0)» [10, с. 74, 73]. Эта идеализация практики миротворчества в современном мире, не вполне отражающая его реалии и противоположная идеалам прошлого, в частности, средневековья. Так, примирение, един-

ство и мир нередко строились на заключении союзов. Поэтому «новое согласие» мыслимо лишь в условиях замены мировой системы международных отношений имперским порядком отношений между странами и народами. Насколько это вероятно?

Тенденции к этому отмечены во Введении к докладу Национального разведывательного совета США 2008 года «Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир», которое начинается словами: «Международная система – в том виде, в каком она была сконструирована после второй мировой войны, – к 2015 году станет почти неузнаваемой. Да и само название «международная система» ей не очень подходит, поскольку. Скорее всего, она обветшает, и ее структура станет смешанной и неоднородной, соответствуя переходу? который в 2025 году еще не завершится» [14, с. 25].

В докладе явно не говорится о переходе к имперскому мировому порядку, но видны признаки вырождения самой Вестфальской системы международных отношений, пришедшей на смену католическому согласию в Европе, разрушенному Реформацией. Вместе с тем, в последующих докладах разведывательных служб США прогнозируется утрата этой сверхдержавой своей позиции гегемона, что ставит под вопрос возможность «нового согласия» государств под эгидой Америки.

Кроме того, католическое согласие, концепция которого была разработана Николаем Кузанским и принята Архиерейским собором, строилось на внутреннем единстве каждого государства, выступающего в отношениях с другими странами и Ватиканом как цельная личность, следующая христианской морали. Современные государства далеки от этого средневекового идеала, и даже единство Запада, основанное на ценностях, сегодня переживает кризис, уступая разрозненности интересов.

В том же Докладе на 2025 год отмечается продолжающееся нарастание относительного могущества

«различных негосударственных субъектов – включая коммерческие предприятия, кланы, религиозные организации и даже криминальные структуры», а также «распространение власти от государства к негосударственным субъектам» [14, с. 25, 27]. Прогнозируется формирование «сетевого мира», образуемого различными сетевыми сообществами, в том числе т.н. тематическими сетями: «Эти сети будут преследовать общие цели и интересы, включая... личные деловые интересы, соображения морали и желание международных и неправительственных организаций решать проблемы, стоящие перед меняющимся миром» [14, с. 161].

При этом особо подчеркивается «возрастающая роль религии»: «Сети, основанные на религии, к 2025 году могут стать наиболее существенными из тематических сетей и играть более значительную роль, чем светские межнациональные группировки, в оказании влияния и формировании событий. Возможно, что в действительности мы вступаем в новый век клерикального доминирования, при котором религиозные лидеры станут главными «серыми кардиналами» в решении международных споров и конфликтов» [14, с. 162].

Возникает вопрос: а нет ли в этих процессах тенденций к гармонизации отношений между двумя видами власти – государственной и негосударственной – в глобальном масштабе, возникновения «новой симфонии» в системе международных отношений? Обратимся к историческим и идейным истокам понятия и феномена «симфонии властей» в исследованиях наших историков.

Как характеризуют это понятие М.В. Палеолог и С.М. Чистова, «эта идея впервые была сформулирована в VI в. н.э., и отношения Церкви и государства в ней мыслились не в паритетно-правовом, а в гармоничном развитии... «Симфония властей» – это своего рода универсальная модель гармоничного сосуществования духовной и светской власти в рамках одного вселен-

ского государства». Доктрина «симфонии властей» стала основой идеи «священной империи» в Византии, «идеологическим выражением было положение: «Один Бог на небе один православный василевс на земле, и, наконец, третьим элементом, присущим имперской идеологии, стало универсальное понятие «ромей» для обозначения подданных империи вне их принадлежности к той или иной нации» [15, с. 148, 149].

Развитие доктрины «симфонии властей» и ее воплощение в практике государственного правления и обустройства отношений между народами Византии и Российской империи исследовано в цитируемой статье и других работах, опубликованных С.М. Чистовой в соавторстве с М.В. Палеологом [16], [17]. Осуществленный авторами глубокий и детальный анализ развития этой концепции в идеологии Российского государства вплоть до начала XX века представляет интерес и для соотнесения доктрины «симфонии властей» с отношениями государственной и негосударственной властей в последующих формах организации политических систем различных стран и системы международных отношений.

На основе этого анализа можно сделать вывод, что такие негосударственные идеологические институты, как политические партии, или с технологические образования в виде сетей, являются, как правило, обездуховленными субъектами или даже бессубъектными социальными машинами. Подобное перерождение государственных акторов международных отношений также наблюдается в результате процессов информатизации и глобализации общественной жизни и засилья обменных отношений. Поэтому отношения негосударственных властей с государством могут носить характер полифонических, но возможность их гармонизации весьма проблематична.

В плане исследования проблемы гармонизации государственных и негосударственных акторов международных отношений требует современного переос-

мысления также идея В.С. Соловьева о проекции на весь христианский мир принципа «симфонии властей»: «...Папство [«первая общественная власть» – В.Ф.], по образу Божественного отечества, должно породить вторую общественную власть... Вторая мессианская власть есть царская власть христианская. Христианский царь, король, император или что-либо другое подобное, по преимуществу – духовный Сын первосвященника. ...Если речь идет о государстве христианском, то неоспоримо, что оно представляет вторую мессианскую власть, царскую власть Христа, и как таковое, порождено в принципе первой мессианической властью, вселенским отечеством» [18, с. 424–425].

Синергийное всеединство, подлинная симфония двух властей, по Соловьеву, возможны лишь в будущем, в третьей силе – христианском обществе: «Церковь и государство, первосвященник и царь, разделенные и враждебные в настоящем, могут найти свое истинное и окончательное единство лишь в этом пророческом будущем, коего они суть определяющие предпосылки и условия» [18, с. 431].

Каково конкретное выражение этой «третьей силы» в современном или будущем обществе – религиозные и общественные неправительственные организации, культурное государство или нечто иное – пока сказать трудно. Соловьеву это пророческое будущее видится как солидарное общество, независимое от высшей власти: «Независимо от священства и царской власти, в христианском обществе есть третье верховное служение – служение пророческое... Оно законно дается каждому христианину при миропомазании...

Единство истинное и положительное, как и истинная свобода, проявляется и осуществляется в солидарности или в братстве, в силу которого несколько человек становятся как один» [18, с. 438–440].

Солидарное общество, где множество людей выступают «как один», и где государство предстает как

личность, единый индивидуум, существовало в средние века. Важным фактором солидаризации, наряду с единством религиозной веры и морали, явились процессы кооперации, вырастающие из общинного устройства общества и новых форм организации общественного производства и самоуправления.

Для осмысления особенностей развития солидарных отношений в истории нашей страны представляют интерес историографические исследования С.М. Чистовой по проблеме развития цехового ремесла и ремесленной промышленности, ее преобразования в советской и постсоветской России. Но эти вопросы выходят за рамки настоящей статьи и требуют специального рассмотрения.

Особый предмет исследования составляют и вопросы соотношения полифонии и гармонии, органического и гармонического типов систем в международных отношениях и ряд других проблем.

Реальная система международных отношений включает в себя элементы всех основных типов, соотношение между которыми исторически меняется: «Симфония» миротворцев – это горизонт, идеал мироустройства, который может и призван направлять формирование системы международных отношений в будущем. Нужно очиститься от стереотипов политических отношений, построенных на враждебности, и стремиться к гармоническому типу отношений, основанных на сотрудничестве и взаимопомощи. История показывает, что на заре человечества такие отношения преобладали над отношениями антагонистической борьбы. И на более высокой основе синергизмы могут сменить в будущем господствующие антагонизмы.

В современном мире различные системы мироустройства сосуществуют, дополняя и переходя друг в друга. При этом явно выделяются такие модели, которые существуют как абстракции – жесткие варианты систем М. Каплана или идеалы – гипотетическая

симфоническая модель. Недостижимость идеала не означает, что он не представляет собой ценности для исследования реалий и воплощения идей в действительность. Наоборот, без идеала невозможно реальное существование никаких человеческих творений и обустройстваемых людьми общественных отношений. Поэтому исследование и разработка абстрактных типов мирового порядка и его идеалов необходимы для нахождения альтернатив современным моделям системы международных отношений.

* * *

В заключение хочу сказать несколько слов о том живом образце исторического исследования и знания, который явлен нам в наследии С.М. Чистовой. Для меня как философа представляется весьма интересным и показательным органичное сочетание разных сторон творчества историка Чистовой. Это строгая объективность и личностное отношение к исследуемому предмету; беспристрастный, критический взгляд на ту или иную точку зрения и уважительное отношение к ее выразителю; документальная точность воссоздания событий и творческая свобода мышления; глубина теоретического анализа и популярность, доступность изложения. Любовь к Родине, ее истории неразрывны с восприимчивостью к другим культурам и системам ценностей. Широкий круг ее интересов и стиль изложения делают для читателей живыми античность, средневековую Русь и современную мировую историю, сухие формулировки методических рекомендаций и фактологию архивных материалов.

Прерванный полет мысли этого интересного автора не позволил завершить целый ряд направлений исследований, воплотить замыслы, с которыми лишь частично могут быть знакомы те, кто тесно сотрудничал со Светланой Михайловной. Ее коллеги и соавторы –

историки и культурологи – возможно, сумеют хотя бы в общих контурах или отдельных деталях, дать реконструкцию незаконченных совместно развиваемых идей.

Библиографический список

1. *Каплан, М.* Системное исследование международных отношений // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 1998. № 2.

2. *Чистова, С.* Охота на U-2 // Живая история. 2016. № 3 (10). С. 44–49.

3. *Чистова, С.* На грани. Холодная война. 1953–1962 // Живая история. 2016. № 4 (11). С. 30–39.

4. США опубликовали 50-страничный доклад о миропорядке в 2035 году // <http://patriotikus.ru/politikus/6715-ssha-opublikovali-50-ti-stranichnyy-doklad-o-miroporyadke-v-2035-godu.html>.

5. *Braillard, Ph.* Theorie des systemes et relations internationales. P., 1977.

6. *Rosecrance, R.* Action and Reaction in World Politics. Boston, 1963.

7. *Цыганков, П.А.* Теория международных отношений. 2-е изд., испр. и доп. М.: Гардарики, 2007. – 557 с.

8. *Rosecrance, R.A.* New Concert of Powers II Foreign Affairs. 1992. Vol. 71. No. 2 (Spring). P. 64–82.

9. *Фалько, В.И.* Альтернативы однополярному миру: современность и перспективы // Развитие современной цивилизации: ответы на вызовы времени. Сб. тр. по материалам международной научно-практической конференции 25 ноября 2015 года, г.о. Королев, «МГОТУ». – М.: «научный консультант», 2016. – 568 с.

10. *Левезр, В.А.* Лекции по теории рефлексивных игр. М.: «Когито-Центр», 2009. – 218 с.

11. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М.: Изд-во «МГИМО–Университет», 2007. – 272 с.

12. Аналитические доклады. Институт международных исследований МГИМО – Университет МИД России. Вып. 3(38).

13. Американская разведка спрогнозировала усиление России // https://life.ru/t/политика/958682/amierikanskaia_razviedka_sproghnozirovala_usilienie_rossii.

14. Совет по национальной разведке США спрогнозировал, с какими вызовами столкнется Трамп // <http://parstoday.com/ru/news/world-i56698>.

15. *Палеолог, М.В., Чистова, С.М.* «Imperium Sacrum» как духовно-политическая основа российской имперской парадигмы // Вестник Московского государственного университета леса – Лесной вестник. 2015. № 4, т. 19. С. 147–157.

16. *Палеолог, М.В., Чистова, С.М.* Истоки и эволюция имперской идеологии России. Духовно-политическая идеология допетровской Руси // Обозреватель (OBSERVER) № 8, 2014. С. 5–17.

17. *Палеолог, М.В., Чистова, С.М.* Сакральный аспект имперской идеологии России. Имперская идеология в эпоху Петра I и XIX веке // Обозреватель (Observer) № 9, 2014. С. 64–74.

18. *Соловьев, В.С.* Россия и Вселенская церковь. М.: ТПО «Фабула» (репринт с издания А.И. Мамонтова, М., 1911). – 448 с.

Т.Ю. Черемухина,

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории (СНГ-1 МФ)
МГТУ им Н.Э. Баумана

Трудовая группа III Государственной думы

***Ключевые слова:** Государственная дума, социал-демократы, трудовики, Трудовая группа*

Keywords: *The State Duma, the Social Democrats, the Trudoviks, the Labor Group*

Выборы и деятельность III Государственной думы проходили в условиях тяжелой политической реакции и строгого полицейского надзора. Именно по этому высший законодательный орган России смогли пройти лишь наиболее лояльные и преданные Императору и Правительству кандидаты. Мощные пласты народной и демократической интеллигенции и крестьянства были представлены немногочисленными избранниками от левых партий (фракции трудовиков и социал-демократов). В то же время либерально и консервативно настроенная интеллигенция нашла себе поддержку в лице октябристов, правых националистов, объединивших более 3/4 всех депутатов III Думы (45% депутатского корпуса составляли потомственные дворяне, 19% крестьяне, 36% представители других сословий).

Ограничение демократических свобод в 1907-1910 гг. и последовавший за этим спад политической активности масс нанесли тяжелый удар по всем партиям на-

роднического направления. Тактика трудовиков в этот период была устойчивой: фракция искала поддержки то у кадетов, то у социал-демократов.

В период, когда «массы крестьянских избирателей покидали знамя Трудовой группы» [З. № 1, 2], колебания фракции были особенно сильны. Социал-демократы упрекали трудовиков «в медлительности, нерешительности, отсутствии инициативы» [З. № 4, 5]. Кадеты полагали, что трудовики поставили себя в полную зависимость от левых партий.

Немалая степень популярности трудовиков в крестьянской среде в предшествующие годы привлекла внимание к группе революционно-демократического и либерально-буржуазного лагеря. В свою очередь, группа тяготела к народническим партиям: на заседания фракции обычно приглашались эсеры, энесы, представители ВКС.

Стремясь сохранить влияние в крестьянской среде, трудовики обещали избирателям «отражать несомненно существующее в стране трудовическо-народническое направление» [1. оп.1, д. 9, л. 22]. Тем не менее, это не помешало либерально-буржуазной прессе оценивать фракцию «как своеобразный мостик, переброшенный между левыми и кадетами» [1. оп. 1, д. 7, л. 42]. Принимая во внимание процессы, протекавшие в российской деревне в межреволюционный период, и учитывая тот факт, что мелкий собственник всегда находился в центре социальных теорий трудовичества, можно говорить о прямой связи между изменениями в настроениях крестьянства и политическим маятником Трудовой группы.

Преследования со стороны Департамента полиции, стесненность в материальных средствах не позволили Трудовой группе провести съезд. Поэтому тактические установки были разработаны на июльской конференции фракции. Главным итогом этой конференции стало сохранение союзного характера группы, признание

невозможности изменить тип организации (группа по-прежнему оставалась парламентской фракцией), нацеленность на союз со всеми партиями, стоящими левее кадетов, полный разрыв с конституционным либерализмом.

В 1907–1912 гг. никаких изменений в программу трудовики не вносили. Фракция постоянно заявляла о преемственности своей тактики с трудовиками предшествовавших Дум. Трудовая группа не отступила от основных принципов Платформы» и «Проекта 104-х». Разработка Устава явилась еще одним подтверждением тому, что трудовики не изменили тип своей организации.

Отсутствие разветвленной, устойчивой сети местных организаций, низкая политическая активность масс, слабая поддержка бывших членов фракции, плохая информированность ЦК о состоянии дел на местах, недостаток юридической подготовки и стесненность в деньгах обусловили поражение трудовиков в избирательной кампании. Попытки создания единого блока левых сил из-за внутренних разногласий были не очень успешны. Трудовический блок не смог стать сильным соперником партии Народной свободы. В результате этого большая часть будущих членов фракции прошла в Думу по избирательным спискам других организаций, что отразилось на характере парламентской деятельности группы.

Формирование Трудовой группы завершилось в первый месяц работы III Думы, причем оно шло параллельно с созданием группы беспартийных крестьян, в которой трудовики принимали активное участие.

В III Думе первоначально было 15, а с 1909 г. по 1911 г. 14 трудовиков. Возглавлял фракцию литовский крестьянин А.А. Булат. По своему социальному составу группа на 70% была крестьянской. Интеллигенция Трудовой фракции имела юридическое образование. Имущественный ценз трудовиков был невысок:

средняя площадь землевладения составляла 28 дес. наделной земли.

Главное затруднение в работе фракции заключалось в том, что «до выборов в Думу они не были людьми одной партии» [1. оп. 1, д. 10, л. 22] и не имели «общих положений, принципов, с точки зрения которых оценивали бы подлежащие рассмотрению вопросы» [2. оп. 1, д. 252, л. 3] Обладавший небольшим опытом парламентской деятельности А.А. Булат не смог в достаточной степени сплотить группу, и в IV Думу из прежнего состава вошел лишь В.И. Дзюбинский.

Соотношение количества трудовиков к общей численности депутатов Думы 3-го созыва составляло 3,17%. Исходя из этого можно сделать вывод, что существенного влияния на деятельность парламента трудовики оказать не могли. Таким образом, отсутствие единства фракции, недостаточно высокий уровень теоретической подготовки, малочисленность группы не позволяли трудовикам оказывать существенное влияние на деятельность III Думы. Именно

поэтому фракция нередко вступала в различные блоки для проведения соответствовавших ее взглядам законопроектов. Преимущественно это были социал-демократы, кадеты, мусульманская группа, прогрессисты, беспартийные.

Анализ законотворческой деятельности Трудовой группы показал, что большое влияние на фракцию оказывали социал-демократы, в особенности в вопросах рабочего законодательства, местного самоуправления. По вопросам образования, вероисповедания позиция трудовиков была ближе к эсеровской энесовской. Аграрный вопрос по-прежнему оставался областью, в которой трудовики проявляли самостоятельность и независимость суждений.

Наиболее острые вступления трудовиков в III Думе связаны с Указом 9 ноября 1906 г. – Указом, «от которого пахнет кровью» [5. т. 1, стб. 519]. Народническая

интеллигенция и крестьянство – «господа духовные воины» [5. т. 1, стб. 1632], как язвительно окрестил их В.М. Пуришкевич, – встали на защиту российской общины, видя в ней не только веками сложившийся уклад сельскохозяйственного производства, но и основу духовного здоровья нации. Твердая позиция трудовиков по этому вопросу вызывала уважение не только сторонников фракции, и ее оппонентов.

Направленность Указа 9 ноября 1906 г. на разрушение крестьянской общины, которую народничество традиционно рассматривало как основу уклада в отечественном сельском хозяйстве, вполне логично вызывала неприятие его трудовиками. Трудовая группа была твердо убеждена, что решить судьбу крестьянского землевладения «нельзя без согласия, или по крайней мере, без опроса крестьянства» [5. т. 1, стб. 1632]. Веские основания решительно голосовать против Указа и добиваться его отмены «со всею возможною энергией» [2. оп. 1, д. 252, л. 3] давало фракции массовое недовольство реформой в деревне.

Наибольшие опасения у трудовиков вызывали политические цели, преследуемые кабинетом П.А. Столыпина, – «расслоение деревни на зажиточное меньшинство, которое должно явиться прочной опорой Правительства и землевладельческого класса и экономически зависимую и совершенно бессильную массу» [2. оп. 1, д. 252, л. 2]. По их мнению, появление в деревне кулака-«домохозяина», «делавшего надельную землю предметом купли-продажи» [2. оп. 1, д. 252, л. 2], вело к «усилению розни и обострению внутренней вражды в крестьянстве» [2. оп. 1, д. 252, л. 4].

Выступая верными продолжателями идей «Проекта 104-х», Трудовая фракция декларировала право на владение надельной землей всеми «желающими обрабатывать ее собственным трудом» [2. оп. 1, д. 252, л. 4]. При этом казенные, удельные, кабинетские, церковные, помещичьи земли «должны сделаться общественной

собственностью» [2. оп. 1, д. 252, л. 6]. За общиной трудовики пытались сохранить монопольное право в решении вопроса о выделении земли в частное владение.

В 1908 г. фракцией был внесен запрос об изменении действующего закона «О взимании и отправлении натуральных и денежных повинностей» [2. оп. 1, д. 252, л. 11].

Существующую податную систему трудовики оценивали как крайне несправедливую, защищающую интересы лишь «крупных землевладельцев» [1. оп. 1, д. 5, л. 6].

Из вышеизложенного очевидно, что трудовики объективно стремились приостановить развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Они четко придерживались выработанной еще на июльской конференции 1907 года линии «организации экономической борьбы с капиталистами, вытеснение помещиков из деревни» [1. оп. 1, д. 5, л. 6].

Эти законопроекты не могли быть приняты, по их мнению, уже потому, что они «решали судьбу крестьянского землевладения... без согласия крестьянства» [5. т. 1, стб. 1327]. В отличие от П.А. Столыпина, трудовики не считали общину «благоприятной почвой для революционного движения» [5. т. 1, стб. 1327]. К социальному взрыву, по их мнению, могло привести расслоение деревни и вызванная этим пролетаризация России. Землю, согласно их убеждениям, нельзя было отдавать «на произвол домохозяина», делать ее «предметом купли-продажи» [5. т. 1, стб. 1327]. И хотя против Указа 9 ноября 1906 г. выступали также и социал-демократы, и мусульманская группа, и частично кадеты, трудовики считали, что «...если бы в III Государственной думе, как и в первых Думах, было много трудовиков, и вообще левых, то, действительно, не поздоровилось бы господам Министрам, вносящим подобные Указы, не поздоровилось бы и самому Указу» [5. т. 1, стб. 1659].

Центральными вопросами в работе фракции также стали вопросы реформы местного самоуправления, местного суда, системы образования, пересмотр отношений Церкви и государства, национальный и рабочий вопросы. Во всех этих вопросах фракция придерживалась тактических установок, исходящих из «Платформы» группы. Тем самым фракция попыталась законодательным путем реализовать основные программные требования трудовического движения.

Из 196 законодательных предложений, внесенных членами Думы, трудовики участвовали в 76, а 12 выдвинули по собственной инициативе. Наиболее существенные из них – это законопроект «О всеобщем избирательном праве в Государственную думу», «О введении местного самоуправления», «О преобразовании местного суда», «Об отмене смертной казни». Характер этих законопроектов еще раз подтверждает, что Трудовая группа не отступила от основных принципов, декларированных в «Платформе».

По всем вопросам, связанным с бюджетом, фракция избрала тактику «бережения» народных средств, контроля за их расходом.

В целом внимание трудовиков постоянно распылялось на борьбу с множеством мелких законопроектов, что не позволяло сосредоточиться на основной проблеме – разработке аграрного законодательства.

Трудовики принимали активное участие в работе различных комиссий. При этом депутаты-крестьяне получали консультацию от представителей других фракций.

Немаловажной формой парламентской деятельности трудовиков стал депутатский запрос. И хотя, как отмечал П.Н. Милюков, «его сила по-прежнему притуплялась тем, что Правительство могло отсрочить свои ответы в течение месяца, – когда запрос терял значительную долю своей актуальности» [4. т. 2, с. 51–52], это давало возможность трудовикам довести до кабинета министров «крики русской действитель-

ности» [4. т. 2, с. 51–52]. За 5 лет депутатами III Думы было сделано 199 запросов, из которых трудовики поддержали 44 и внесли по собственной инициативе 7, 10 – были отклонены из-за остроты затрагиваемых проблем (дело Е. Азефа, незаконные действия властей в 1905 г., применение огнестрельного оружия на Ленских приисках и т.п.). 20 запросов Трудовой фракции остались нерассмотренными Думой.

Трудовики стремились расширить спектр внедумской деятельности, однако замысел проведения широкой культурно-просветительской работы и укрепления связи с профсоюзами и кооперативами в условиях проведения столыпинской реформы реализовать не удалось. Фракция вынуждена была ограничить свою деятельность рамками парламента.

Роль ЦК в 1907–1912 гг. была незначительна. В основном она заключалась в консультативном обслуживании парламентской фракции. Члены ЦК регулярно посещали заседания группы, участвовали в разработке законопроектов, запросов и формул перехода. Связь с местными организациями была прервана. Практически все ячейки группы, опиравшиеся на местные комитеты ВКС, в 1907–1910 гг. были разгромлены. Поэтому идея созыва съезда и превращения группы в политическую партию могла носить лишь агитационный характер. Это признавали сами трудовики. Тем не менее, связь с избирателями поддерживалась. Авторитет Трудовой группы I и II Дум побуждал крестьян искать помощь и поддержку в лице Трудовой фракции III Думы. Помимо писем, телеграмм, наказов, ходатайств, приходивших в адрес Трудовой фракции, группа проводила анкетирования (по земельному вопросу, реформам местного (самоуправления и местного суда). Результаты опросов помогли группе более точно определить свои позиции по данным вопросам.

Из всех народнических партий Трудовая группа была единственной, попытавшейся решить проблемы

народнического движения законодательным путем. В 1907–1912 гг. эсеры все более склонялись к тактике политического террора и бойкота парламента, энесы ограничились рамками публицистической полемики, ВКС прекратил существование.

Роль и влияние Трудовой группы в общественно-политической жизни страны в 1907–1912 гг. была несравненно ниже, чем в годы буржуазно-демократической революции. Однако фракции удалось сохранить основные приняты трудовического движения.

Немногочисленная фракция трудовиков сумела привлечь к себе внимание российской общественности, различных политических партий. Свидетельством тому является решение эсеров баллотировать А.Ф. Керенского в IV Государственную думу в качестве члена Трудовой фракции, которую впоследствии он возглавил. Февральская буржуазно-демократическая революция дала новый импульс политической жизни России. Давнишняя близость трудовической и народно-социалистической программ способствовала тому, что летом 1917 г. была создана единая Трудовая народно-социалистическая партия, просуществовавшая до 1922 г.

В современных условиях, когда в парламенте вновь поднимаются вопросы социально-экономического преобразования России, изучение деятельности Трудовой группы приобретает особую актуальность. Трудовая фракция явилась выразительницей интересов всех слоев земледельцев. Поэтому из ее опыта законотворческой деятельности должны извлечь урок не только историки, политологи, экономисты, но и политики.

Библиографический список

1. ГАРФ. Фонд 522.
2. ГАРФ. Фонд 1807.

3. Голос социал-демократа. Женева. 1908 г.
4. *Милюков, П.Н.* Воспоминания (1859–1917 гг.). М., 1990.
5. Стенографический отчет Государственной думы 3-го созыва. Сессия 2. СПб., 1908–1909.

М.В. Шабанова,

кандидат исторических наук,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин
и иностранных языков РУК

Бытовая и материальная культура русского крестьянства в отечественной историографии конца XIX – начала XX веков

Ключевые слова: дореволюционные исследования, этническая культура русских, утилитарно-бытовые изделия, культурно-досуговая деятельность, художественные промыслы, национальная самобытность

Keywords: pre-revolutionary studies, ethnic Russian culture, utilitarian and household goods, cultural and leisure activities, arts and crafts, national identity

Знание «вещного» мира этнической культуры позволяет постичь и ее ментальность, так как символика традиционной культуры главным образом воплощена в составляющих ее предметах-знаках, выполняющих и сугубо утилитарные функции. Культура жизнеобеспечения, осуществляющая механизмы обеспечения витальных потребностей человека, устанавливает неразрывную связь с иными аспектами и элементами макросистемы этнической картины мира.

Одним из наиболее важных компонентов бытовой традиционной этнической культуры любого народа является досуг. В.И. Даль определил его как «свободное от работы, от дела время» [1. С. 481]. Крупным науч-

ным сочинением, в котором подробно рассмотрены традиционные формы досугового общения русского крестьянства, является работа Н.И. Костомарова «Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях». Большой заслугой ученого является то, что им была показана связь культурно-досуговой деятельности русского народа с сельскохозяйственными работами. Цикличность земледельческого календаря определяла время и характер досуговых занятий и их форм у русского крестьянства, ведь досуг был направлен на восстановление сил после работы. Он являлся важнейшим условием, обеспечивающим удовлетворение духовных запросов людей, осуществлением их свободной деятельности, интеллектуального развития личности, способствовал консолидации родственных общностей, являлся одной из форм реализации функции общины как носительницы общественного мнения, хранительницы культурных и трудовых традиций.

Н.И. Костомаров указал на существование отдельных сезонных видов развлечений. Например, в летнее время – катание на качелях. Раскачивание на качелях как бы способствовало плодородию полей – таков традиционный взгляд на эту забаву. Исследователь писал: «Качели устраивались двумя способами; первого рода качели делались очень просто: прикреплялась к веревке доска... Сверх того, женщины качались как-то на колесе» [З. С. 113]. Ученый обратил внимание на такую важную черту крестьянской этики, как признание тех или иных форм проведения досуга и соответствующих норм поведения в четких календарных границах в связи с конкретными, календарными вехами. Это общее положение относится и к этике хоровода. «Женщины и девицы летом, в праздники водили хороводы и собирались для этого обыкновенно на лугах близ селений... девицы, стоя на одном месте, притопывали, вертелись, расходились и сходились, хлопали в ладоши...» [З. С. 113], – констатировал он. Ценным является заме-

чение о негативной оценке Русской Православной Церковью некоторых видов развлечений, так как они «почитались душегубительным грехом» [З. С. 113].

Н.И. Костомаров затронул в своей работе вопрос о формах праздничного общения в среде русского крестьянства. По мнению автора, наиболее распространенным видом праздничного досуга являлся игровой комплекс массовых уличных гуляний, в который включалась большая часть общины. Безусловно, игры имели большое значение в досуговом общении простого народа. Создаваемые многими поколениями, сохраняемые коллективно, впитавшие многие особенности крестьянского сознания (глубокую связь с природой и земледелием), массовые развлечения обеспечивали яркую и сложную программу проведения досуга, определяли отличия одного праздника от другого. В связи с этим историк писал: «В праздничные дни народ собирался на кулачные и палочные бои. Эти примерные битвы происходили обыкновенно при жилых местах, зимою чаще всего на льду. Сверх того, молодые люди собирались в праздники – боролись, бегали взапуски, скакали на лошадях вперегонки, метали копьем в кольцо, положенное на земле, стреляли из луков в войлочные цели и в поставленные шапки» [З. С. 112].

Большой заслугой ученого является то, что он впервые обстоятельно осветил такую часть праздничного досуга, как народный театр. Костомаров видел в театральных скоморошеских представлениях, «позорах», генетическую связь с древнеславянскими пластами народной культуры. Исследователь считал, что народный театр – это результат напластований нескольких исторических эпох, в котором изначальный замысел переосмысливался и трансформировался: «Без сомнения, все эти позоры заключали в своих основаниях остатки древней славянской мифологии, сильно искаженные в продолжении многих веков» [З. С. 111]. Ценным является вывод о широком распространении

многообразных музыкальных инструментов, игра на которых сопровождала праздничное досуговое общение русского крестьянства: «У русских были свои музыкальные инструменты: гусли, гудки, сопели, дудки, сурьмы, домры, накры, волынки, ленки, медные рога и барабаны» [З. С. 110].

В целом российские историки приняли активное участие в изучении весьма важных вопросов материальной и бытовой культуры русского народа. Так, особое место среди культурных ценностей занимают памятники народной архитектуры. Жилая и хозяйственная постройка всегда была связана с развитием производства, ведь в ней воплощались не только эстетические и идеологические представления определенной эпохи, но и свойственный этой эпохе уровень материальной культуры, накопленный народом трудовой опыт. Памятники жилой и хозяйственной постройки в образной форме выражают то, что было создано в течение веков народным творчеством, его связью с естественными трудовыми процессами, с природой и бытом народа.

В вопросах изучения истории русского жилища большая роль принадлежала также Н.И. Костомарову. Сельские поселения разделялись на определенные части – крестьянские дворы. Двор, прежде всего, это пространственное определение участка земли, где располагались жилые и хозяйственные постройки, сад, огород, которые были во владении крестьянской семьи. Ученый отмечал просторность крестьянских дворов, особенностью в устройстве считал то, что «дома строились не рядом с воротами, а посередине от главных ворот пролежала к жилью дорога» [З. С. 30]. Затронув вопрос о планировке, Костомаров выявил распространенность двухкамерных и трехкамерных домов, состоявших из двух или трех основных частей, связанных в единое целое друг с другом общей крышей. Он писал: «У зажиточного крестьянина для

братьев, сыновей и племянников хозяина строились избы, соединенные между сенями, иногда несколько изб связывались переходами» [З. С. 31]. Историк увидел тесную связь практики подобной застройки с традиционной формой раздела имущества. «В числе причин, побуждавших, таким образом, располагать жилые помещения, – утверждал он, – было и то, что при таком способе постройки удобнее было по смерти владельца наследникам разделить между собою, а в случае если б кто пожелал выселиться и завести собственный двор, ему легче было бы перенести на новое место то, что ему досталось из строений по разделу» [З. С. 31]. В работе затронуты вопросы особенностей строительства и конструкции жилых построек, материала и планировки жилого помещения. Ученый сделал вывод о распространенности высокого уровня мастерства русских плотников, которые еще в древности строили прочные, надежные, утепленные дома, используя традиции срубной строительной техники. Костомаров писал: «Форма домов была четверугольная. Деревянные дома делались из сосновых, иногда же из дубовых цельных брусьев. Складывали брусья с большим умением... так плотно, что не оставалось ни малейшей скважины для прохода воздуха, и притом не употребляя в целом доме ни одного гвоздя. А для теплоты обивали их еще мхом; мох клали также по створкам дверей и окон» [З. С. 30]. Ученый отметил, что преобладающей формой крестьянской кровли была «скатная на две стороны с фронтонами на других двух сторонах» [З. С. 34].

Ценно и наблюдение о наличии разнообразных богатых украшений, характерных для архитектурного облика русской избы, размещавшихся «на фронтонах и стенах около окон». Основными мотивами резных украшений были растительные орнаменты и мелкая скульптура, резьбу Костомаров справедливо считал промыслом, имеющим древние корни, уходящим в

архаику. «Резьба была старинной принадлежностью славянской образованности и до сих пор у русских поселян составляет наружное украшение изб», – констатировал историк. Важным элементом в конструкции дома являются окна, об их утилитарном назначении и конструктивных особенностях Костомаров заметил следующее: «В простых русских избах окна были волоковые для пропуска дыма. По надобности на них натягивали кожу; вообще эти отверстия в избах бедных были малы, для сохранения теплоты, и когда их закрывали, то в избе среди дня было почти темно» [З. С. 35].

Н.И. Костомаров отмечал также тесноту, скученность, бедность, антисанитарные условия домашней жизни крестьянской семьи: «У простолюдинов избы были черные, то есть курные без труб. В этом пространстве жил бедный русский мужик, как живет во многих местах и теперь, с своими курами, свиньями, гусями и телками, посреди невыносимой вони» [З. С. 32]. Историк подчеркнул исключительно важную роль, которую занимала в повседневной и обрядовой жизни русского народа печь. В ней готовили пищу, корм скоту, пекли хлеб, мылись, на печи спали, сушили одежду, продукты, в подпечке зимой содержали кур, она является характерной особенностью жилища всех восточных славян: «Печь служила логовищем целому семейству, а от печи поверху под потолок приделывались полати» [З. С. 40]. Не менее важно для понимания материальной культуры и последующих исследований внимание к богатству мебели и утвари в бытовой жизни народа. Многообразие культуры русского крестьянства нашло отражение и в этих предметах повседневного обихода. В зависимости от того, как готовили какое-либо блюдо русской кухни – варили, кипятили, солили, квасили – утварь делали из дерева, глины или металла. По замечанию историка, предметы утвари отличались большим разнообразием по форме и утилитарному назначению: «Для хранения громоздких хозяйственных

припасов в клетях употреблялись бочки, кади, лукошки разной величины и объема. Бочки в старину были самым обыкновеннымместилищем и жидкостей, и сыпучих тел» [З. С. 43].

Перечисляя широкое разнообразие утвари и посуды, Костомаров следующим образом отметил бережное отношение крестьян к предметам повседневного быта: «По окончании обеда у рачительных хозяев все сосуды вымывались и вытирались, потом опрокидывались вниз и ставились на полках в кухне или в чулане» [З. С. 43]. Важным вопросом, привлечшим его внимание, было выявление основных элементов организации внутреннего пространства жилища (так называемый «наряд пространства», включавший отделку стен, настилку полов, устройство неподвижной мебели и пр.). Историк впервые в отечественной науке отметил особое отношение русского народа к идее покрытости – непокрытости, когда все то, что покрыто, оценивалось положительно, непокрытое – отрицательно. Он констатировал: «Вообще в домашнем устройстве замечен был у русских обычай укрывать и покрывать. Полавочники применялись: в будни клались попроще, в праздники и во время приема гостей понаряднее. Такие же куски клались на окна и назывались наоконниками. Скатерти у бедных были полотняные, грубой отделки. Все эти покрывала вообще на столах, окнах и лавках назывались хоромным нарядом» [З. С. 41]. Интересной, ранее в русской историографии не разрабатывавшейся темой, стало освещение мебелировки русской избы. Автор достаточно полно и по возможности добросовестно описал функциональное назначение, место расположения, формы и виды мебели, используемой в крестьянском быту: «Кроватью в старину служила прикрепленная к стене скамья или лавка, к которой приставляли другую лавку. Столы делались деревянные, большею частью дубовые, длинные и узкие. Детские колыбели делались висячие, всегда широкие и длинные. Для хранения

домашних вещей употреблялись скрыни, сундуки, погребцы. Разные женские украшения хранились в ларцах» [З. С. 41, 42].

Десятая глава исследования посвящена такому элементу материальной культуры русского народа, как пища и питье. Изучение этой стороны культуры требовало особого внимания, поскольку прежде она была разработана недостаточно. Примечательно, что автор уделил внимание всем видам русской кулинарии, проследил развитие многих исконно русских блюд, восходящих к глубокой древности. При этом ученый отметил, что секреты русской традиционной кулинарии отличались высокой степенью устойчивости и сохранности, «кухня была национальна, то есть основывалась на обычае, а не на искусстве» [З. С. 63]. Он писал: «Изменения в кушаньях вводились незаметно. Кушанья были просты и не разнообразны, хотя столы русские и отличались огромным количеством блюд» [З. С. 64]. Всю пищу Н.И. Костомаров классифицировал, разделив ее на «на пять отделов: мучнистые, молочные, мясные, рыбные и растительные [З. С. 64]. Основным компонентом, составлявшим рацион питания русского народа, были всевозможные хлебобулочные изделия. Помимо хлеба, который выпекали из ржаной муки, крестьянки готовили калачи, пироги, по составу продуктов подразделявшиеся на скоромные и постные, курники, катлому, сырники, блины и многое другое. Историк обратил внимание на обрядовую функцию некоторых видов пищи, например, блины и оладьи являлись ритуальными блюдами, подававшимися на различные семейные торжества и при поминовении усопших: «Аладьи огромного размера назывались приказными аладьями, потому что их приносили приказным людям на поминки» [З. С. 64].

Ученый отметил большое количество способов и приемов обработки и хранения продуктов питания. В основе лежало использование свойств традиционной

русской духовой печи, которая давала возможность производить все виды тепловой переработки пищевого сырья. А условия природы давали возможность проводить замораживание – термическую обработку и консервацию продуктов с помощью холода. Достигнуть разнообразия в приготовлении сладостей и лакомств стало возможным с развитием садоводства. По замечанию автора «яблоки клали в сыту и парили, потом протирали сквозь сито, клали патоку и снова запаривали» [З. С. 69], – таким образом, готовили пастилу.

Исследуя русскую традиционную кухню, Костомаров развенчал мнение о том, что крестьяне исстари были мясоеды. Напротив, ученый доказал большое распространение рыбных блюд в системе питания русского народа, составлявших «половину года обычную пищу» [З. С. 66]. Такая ситуация объясняется выходом русских к северным рекам и берегам северных морей, что значительно расширило возможности рыболовства.

О способах приготовления этого продукта автор писал следующее: «Рыба была свежая, вяленая, сухая, соленая, провесная, паровая, подваренная, впрок щипанная, копченая» [З. С. 66]. Но тут же замечал, что «русские не умели хорошо солить рыбу, как не умеют этого делать и теперь: она у них воняла; но простой народ, по замечанию иностранцев, не только не отворачивался от нее, но еще предпочитал ее свежей» [З. С. 67].

Неоднократно ученый возвращался к теме постной пищи. Духовно-нравственные начала, заложенные христианским вероучением в понятие поста, являлись строгим сдерживающим фактором. Поощрение преимущественно растительной пищи в пост обусловило следующий выбор продуктов: «Пища русских состояла из растительных веществ: ели кислую и ставленую капусту, свеклу с постным маслом, пироги с горохом, гречневую и овсяную кашу...разного рода грибы вареные и жареные» [З. С. 68]. По меткому замечанию

историка, в праздничные и будние дни ни одно застолье у русского народа не обходилось без традиционных напитков. Перечисляя рецептурное богатство и многообразие этой части домашней кулинарии, Костомаров отдельно остановился на весьма своеобразном, специфическом напитке, который ярко отобразил вкусовую изобретательность русских. Таким алкогольным напитком был мед. Для его приготовления применяли такие виды биохимической переработки, как нагревание, брожение, заквашивание. Мед обладал приятным и освежающим вкусом: «Оригинальное и лучшее русское питье было мед. Меды были вареные и ставленные... Кроме того, по способу приготовления и по разным приправам меды имели названия: простой мед, мед пресный, белый, красный, мед обарный, мед боярский, мед ягодный» [З. С. 70].

Важное место в работе Н.И. Костомарова занял круг вопросов, посвященных традиционной одежде русского крестьянства. Одежда, являясь одним из основных элементов материальной культуры народа, отражает экономическую жизнь, историю развития этноса, социальные различия людей и их национальную специфику. Ценным является наблюдение автора о влиянии Востока на развитие русской обуви, в частности, он упомянул наговицы – «старую заимствованную от татар обувь» [З. С. 47]. Вместе с тем, историк отметил, что наиболее распространенным видом обуви у крестьян, как у мужчин, так и у женщин, оставались лыковые лапти, ведущие свою историю с древних языческих времен: «Обувь простого народа была – лапти из древесной коры – обувь древняя, употребительная во времена язычества. Кроме лаптей из коры, носили башмаки, сплетенные из прутьев лозы; вероятно, эту обувь разумели под названием пленницы» [З. С. 48]. Н.И. Костомаров отмечал необходимость использования русскими одежды из меха, так как территория их расселения находилась в суровых климатических

условиях, богатая верхняя одежда служила для крестьянина также и предметом гордости: «Шубы были самым нарядным платьем для русского, потому что русские, при бедности природы своего отечества, только и могли щеголять перед другими народами, что мехами. Множество мехов в доме составляло признак довольства и зажиточности. Случалось, что русские не только выходили в шубах на мороз, но сидели в них в комнатах, принимая гостей, чтобы выказать свое богатство» [З. С. 51].

Большой заслугой ученого в анализе такого объекта материальной культуры русского крестьянства, как одежда, является замечание о бытовании в старину женских летних шуб. Н.И. Костомаров писал: «Женские шубы отличались от мужских, ибо упоминается название женская шуба. Шуба, по-видимому, у женщин означала всегда одно только меховое платье, потому что встречается название холодная шуба» [З. С. 58]. Не менее важным сюжетом является описание женского головного убора, как важнейшего элемента традиционного народного костюма, имеющего существенную символическую нагрузку. По замечанию автора, они отражали биосоциальный статус и возрастную принадлежность замужних женщин, так как обычай закрывания волос замужней женщиной головным убором имеет глубокие исторические корни. Помимо этого, закрывание волос женщинами, состоящими в браке, относится к области крестьянского этикета. Ученый констатировал: «На голову замужние женщины надевали волосники или поддубрусники... Волосник играл большую роль в судьбе замужней женщины, ибо он был символом брачного состояния...» [З. С. 59]. Н.И. Костомаров подчеркивал, что простоволосость расценивалась недвусмысленно, ибо «для замужней женщины считалось стыдом и грехом оставить напоказ свои волосы: опростоволосить женщину было для нее большим бесчестьем» [З. С. 59]. И совершенно проти-

воположным, по замечанию ученого, было устройство прически и головного убора у незамужних девушек. Непокрытые волосы являлись признаком брачной свободы, брачной доступности, готовности к вступлению в брак: «Девичий венец был всегда без верха, потому, что открытые волосы считались символом девичества. Очень часто эти венцы состояли из широкой повязки, вышитой золотом и усаженной жемчугами. Такая повязка суживалась на затылке и связывалась широкими лентами, иногда вышитыми, спадавшими на спину» [3. С. 60].

Комплекс национальной русской одежды входил в проблемное поле и других выдающихся ученых рассматриваемого периода. Вопрос о влиянии на развитие национального костюма русских со стороны народов, находившихся с ними в тесном контакте, разработан И.Е. Забелиным. Ученый отметил, что историческое существование русских не было национально замкнутым. Культурно-исторические связи с византийцами и татарами повлияли на формирование и изменение элементов традиционного костюма наших крестьян. Ученый считал, что на женский костюм существенное влияние оказали постнические идеи Византии, согласно которым фигура женщины не должна быть подчеркнута, главной функцией одежды являлось сокрытие всех линии ее стана. Автор писал: «В одежде постнические идеи заботливо старались совсем скрыть талию и весь женский бюст и торс... и устранив в одеждах даже и малую складку, какая могла способствовать хоть малой обрисовке лебединой груди или вообще талии» [2. С. 560].

Следует отметить вывод исследователя о существенном значении нательного пояса в системе морально-нравственных представлений общества XVI–XVII вв. «Самый пояс на сорочках был носим как символ целомудрия и благочестия и вовсе не служил средством придавать стану большую стройность и красоту. По-

являться в каких-либо случаях без пояса на сорочке значило обнаруживать свой разврат» [2. С. 560], – констатировал автор. Эту мысль Забелина в полной мере подтверждают меткие народные выражения, связанные со словом «пояс». Так, «распоясаться» означает утратить приличие в поведении.

Заметный вклад в изучение народной одежды русского крестьянства внес талантливый историк, этнограф, археолог, знаток народной жизни Павел Иванович Савваитов (1815–1895). «Описание старинных русских утварей, одежд, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное», опубликованное в 1896 году, составило первый сводный справочный труд, выведший изучение объектов материальной культуры на новый уровень. Работы его предшественников не отличались полнотой и точностью описаний, Савваитову впервые удалось дать достаточно подробное и исчерпывающее описание многих предметов народного повседневного быта; рассказать о конструкции, способе изготовления, виде и материале изделия. Эта работа существенно прояснила картину бытования многих предметов повседневной жизни русского крестьянства.

Большой заслугой автора является то, что ему удалось выявить скрытое значение объектов материальной культуры, содержащих реконструкцию забытых исторических реалий. Например, вот как ученый описал и дал объяснение старинному женскому полотенчатому головному убору – убрусу, который в конце XIX столетия стал выходить из массового употребления: «Убрус – полотенце, длинный плат; им обвивали или покрывали голову. Как женский головной убор, убрусы делались из тонкого полотна или из легких шелковых тканей; очелье или чело и концы их вышивались разноцветными шелками с золотом и серебром, унизывались жемчугом» [5. С. 135]. Автор отметил также, что в XVII столетии убрус использовался как часть женского головного убора во время царских свадеб.

В элементах материальной культуры русского народа, отличавшихся устойчивостью, наиболее ярко отразились основные моменты этнической истории, особенности хозяйственно-культурного типа, многие виды традиционных производств и типов народных художественных промыслов. Исследовательский интерес к крестьянскому ремеслу предопределялся тем, что, материализуя в предметах быта мировоззрение народа, оно соединяло ремесло с художественным творчеством в процессе производства изделий. Из древних и повсеместно широко распространенных видов народных художественных промыслов важное место занимал вышивальный, связанный в первую очередь с украшением костюма, а также предметов интерьера и отдельных утилитарно-бытовых изделий. Вышивка украшала русский традиционный костюм XVIII – начала XX веков. Крестьянки вышивали женские и мужские рубахи, передники, занавески, наволочки, накомодники, дорожки, салфетки и многое другое. Но наиболее ярко орнаментальное искусство вышивки утилитарно-бытовых изделий воплощено в украшении рушников. Рушники, полотенца, утиральники, рукотерники составляли существенную часть приданого любой крестьянской девушки. Искусство вышивания девочка начинала осваивать с 7–9 лет, и к моменту сватовства старательная, прилежная невеста могла похвастаться своим мастерством. Для этого в доме устраивали своеобразную выставку рукоделий, по которой судили о состоятельности девушки, ее мастерстве и трудолюбии.

Красочные узоры полотенец оживляли бревенчатые стены избы, делая жилище нарядным. Глубокие архаические корни имеет традиция украшения вышивкой одежды. Одним из основных ее элементов, как у женщины, так и у мужчины, была рубаха, с целью берега орнаментировались ее края (подол, рукава, ворот).

П.И. Савваитов в своей работе «Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов

и конского прибора, в азбучном порядке расположенное» так характеризовал особенности украшения этого элемента русского народного костюма: «Ворот женских сорочек делался с вздержкою, т.е. тесьмой или шнуром для стягивания. Ожерелье или воротник, ворот и зарукавье или края рукавов, смотря по состоянию, узорочно вышивались красными нитками, разноцветным шелком, серебром и золотом» [5. С. 129]. Историк впервые дал подробное описание разнообразных сюжетов и мотивов орнамента русской вышивки, применил к ним тематическую классификацию – «барсы, драконы, змейки, зверьки, грифы, косы, круги, струи» [5. С. 154] и т.д. Он выделил геометрический (входящий как составная часть в сюжетную вышивку), зооморфный (включающий орнитоморфный и терратологический), растительный и антропоморфный (подразделяемый на две группы: архаический, отражающий древние мифологические представления и бытовой или жанровый) орнамент. Савваитов отмечает и наличие смешанных и переходных групп орнамента: «Иногда на одной ткани соединялись разные узоры; например, «бархат Турецкой золотной по червчатой земле, по нему опахалы, а в них круги, в кругах репы шолку червчатого по золотной земле». По различию узоров и сами ткани назывались клинчатыми, клетчатými, мелкотравчатыми» [5. С. 154].

Крестьянская вышивка в середине XIX века становится объектом пристального внимания русской интеллигенции, любителей старины, частных коллекционеров. В 1883–1884 гг. К. Далматовым в Санкт-Петербурге была организована первая выставка российского узорного шитья. По ее результатам был выпущен одноименный альбом, который содержал красочные фотоиллюстрации, наглядно отображающие разнообразие образцов народной вышивки на предметах бытового текстиля. Именно к этому периоду относится выход в свет альбомных публикаций, содержавших редкие

экземпляры вышивок, взятых из частных собраний. Так, в 1885 году был издан альбом «Узоры старинного шитья», собранных княжною С. Шаховской, но наиболее ценным с научной точки зрения является первый, изданный в 1872 году Обществом поощрения художеств альбом «Русский народный орнамент (шитье, ткани, кружева)» В.В. Стасова. Он стал прекрасным источником для изучения крестьянской вышивки, поскольку впервые в истории отечественной науки иллюстрации сопровождалась комментариями автора. В.В. Стасов был видным ученым, художественным и музыкальным критиком, историком, последователем научной «школы заимствования». Анализируя мотивы текстильного орнамента, автор признавал их, как и сюжеты русских былин, не русскими по происхождению, а заимствованными от финских и иранских народов: «Восточные узоры, с которыми наши имеют всего более родства, делятся на две главные группы: узоры финские и узоры персидские. С финскими узорами наши узоры имеют много общего, начиная с самого способа вышивания. Лучшие, старейшие и характернейшие наши узоры выполнены посредством шитья двустороннего, в клетку и городками. Персидские узоры, с которыми сильно сходны русские, можно разделить на три группы: фигуры геометрические, фигуры деревьев и фигуры животных» [8. С. 11].

Вместе с тем ученый отмечал традиционность художественных образов вышивки: «Сколько ни спрашивай, в любом углу России, крестьянок всюду постоянно услышишь, что они шьют, хотя и на память, но по прежним, исстари ведущимся образцам, передаваемых из рода в род. Употребляемые у нас одежды, представление мотивов из славянской религии, употребление этих узоров придают им значение чего-то действительно национального» [8. С. 15].

Впервые Стасовым была отмечена и связь сюжетов русской вышивки с дохристианскими верованиями.

Узоры имели не только декоративное, но и, по мнению ученого, обладали ярко выраженным охранительным, апотрепейным значением. Не соглашаясь признать их простой игрой линий, Стасов считал, «что это – один из древнейших знаков доброго предзнаменования, пожелания благополучия, отвращения несчастья. Фигуры, представляющие предметы, тоже имеют значение религиозное, назначенные для отвращения дурного глаза» [8. С. 17]. Автор обратил внимание на обрядовую роль вышитых бытовых предметов из текстиля; на их большое значение, функциональную разнообразность; на то обстоятельство, что подавляющая часть современных ему обрядов и действий имеет глубокие исторические корни и связана с ранними этапами истории человечества: «Большинство предметов употребляется для целей религиозных или торжественных: уже в глубокой древности, полотенца вешались на деревья с религиозной целью, как священное приношение. И до сих пор привычки древнего язычества не исчезли, и полотенца вешаются вокруг образов, крестов, обвивают дуги и сбрую венчального поезда, украшают дружку. Праздничный костюм и головной убор, полог, наволока – покрыты многозначительными узорами» [8. С. 16].

В.В. Стасов первым из отечественных ученых совершил попытку определить области распространения типов вышивки. Выяснение географии орнаментальных узоров русской народной вышивки в сопоставлении с историческими данными позволяет осветить некоторые вопросы этнокультурной истории отдельных групп русского народа. Прежде всего, исследователь выделил область русского севера – Новгородскую, Петербургскую, Олонецкую, Вологодскую, Псковскую, Архангельскую губернии: «Самые лучшие, самые интересные и, по-видимому, самые древние наши узоры всего чаще и всего более встречаются в северной полосе. Мы не сомневаемся, что при будущем, более полном изучении древнейшей русской истории

и мифологии, узоры северной полосы представят самую неожиданную и превосходную иллюстрацию» [8. С. 20]. Следующую область ареального исследования орнаментального узора ученый назвал «восточной полосой»: «Вторым, по важности, центром является полоса восточная (губернии: Владимирская, Ярославская, Нижегородская, Пензенская, Симбирская, Тамбовская). Здесь большую роль играют вышивки шерстью и шелком» [8. С. 22]. В.В. Стасов отметил, что богатство сюжетного орнамента уменьшается по мере продвижения с севера на юг, вместе с тем увеличение геометричности по полихромности узоров: «Полосы средняя и западная представляют смесь и отсутствие определенного характера. Губернии к югу от центра проявляют элементы южнорусские, где особенно видную роль играют мелкие цветочки и тоненькие гирляндочки, выполняемые разноцветными нитками, с полным отсутствием деревьев и фигур человеческих и животных» [8. С. 20].

Ареальные исследования вышивки, проведенные ученым, показали, что формирование ее локальных особенностей определялось в значительной мере этническими традициями и историко-культурными связями населения. Исследование искусства орнаментации было продолжено. В 1882 г. публикуется альбом Н. Симакова «Русский орнамент в старинных образцах тканей, эмали, резьбе по дереву и кости; чеканного, литейного и гончарного дела», а в 1903 г. увидела свет работа С. Писарева «Древнерусский орнамент с X по XVII вв. включительно, на парчах, набойках и других тканях» [6].

Пожалуй, наиболее ценным фактологическим комплексом являются материалы учрежденной в 1875 году при Совете торговли и мануфактур Министерства финансов постоянной Комиссии по «исследованию кустарной промышленности России» под председательством профессора Е.Н. Андреева, просуществовавшей

до 1888 г. и издавшей 16 томов своих «Трудов» [9]. Публикации, помещенные в этом издании, осуществлены местными корреспондентами комиссии, не имеющими единой методики в определении подходов в исследовании, поэтому нет возможности использовать данные «Труды» для уяснения динамики происходящих в крестьянских промыслах процессов. Отсутствие четко разработанной методологии в действиях комиссии сказалось даже в выработке самого понятия «кустарничество». Вокруг обсуждения этого вопроса развернулась широкая полемика [10].

Вместе с тем, достаточно полные эмпирические описания мелкой крестьянской промышленности позволяют воссоздать наиболее значимые ее черты, их связь с институтами аграрного общества, последствия влияния на них капиталистической экспансии. С утверждением Александром III 21 марта 1888 года представления Государственного Совета о передаче кустарной промышленности в ведение Министерства государственного имущества, последним было подготовлено и осуществлено издание 11 томов отчетов специалистов отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики по исследованию мелких крестьянских промыслов. Несмотря на большой объем источника, сведений, касающихся кооперации, в нем значительно меньше. Это и понятно, ведь основной целью, поставленной корреспондентами, являлась выработка практических мероприятий по улучшению технического состояния промыслов, организации сбыта кустарных изделий.

Таким образом, изучение кустарных промыслов представляется весьма интересным и важным, так как дает возможность более полно воссоздать организацию жизни и быта российского крестьянства рассматриваемого периода, ведь без исследования крестьянских ремесел невозможно в полном объеме представить сложную и многообразную социально-экономическую

и культурную историю крестьянства периода капитализма. Изучение развития крестьянских промыслов в отдельных регионах России позволило вскрыть общие закономерности и конкретно-исторические особенности изменений в жизни простого народа, полнее показать необходимость сохранения и развития народных художественных промыслов, как неотъемлемой части народной культуры.

Прикладное искусство русского народа также попало в поле научных интересов исследователей. Народное искусство – это коллективное творчество этноса, определенный комплекс изобразительных средств: образно-сюжетный, композиционный и колористический строй и инструментария, свойственный лишь данному народу. Наиболее капитальным изданием по народному искусству в рассматриваемый период стало пятитомное исследование Ровинского Д.А. «Русские народные картинки» [4]. Продолжая дело, начатое И.М. Снегиревым [7] полвека тому назад, автор собрал и описал огромное количество – до 4700 – лубочных картинок, издававшихся для «простонародья» и отражавших вкусы, сюжеты, воззрения народных масс.

Таким образом, отечественная историография 1880 – 1905 гг. создала прочную научную базу для изучения бытовой и материальной культуры русского народа. В исследовании ее многих аспектов был сделан значительный шаг вперед. Интерес к этой области крестьянской культуры отличался стабильностью и принес большие научные результаты. Во-первых, ученым удалось весьма детально и точно описать предметный мир традиционной русской культуры. Во-вторых, в рассматриваемый период были рассмотрены многие вопросы производственно-технологической основы материальной культуры. В-третьих, в работах ученых, обращавшихся к изучению различных сторон и объектов бытовой культуры русского крестьянства на протяжении второй половины XIX века, показано ее большое

значение, как источника, многосторонне отражающего его социально-культурную природу, ментальность, этические традиции. В-четвертых, эти исследования ярко отобразили присутствие и сохранение в объектах материальной и бытовой жизни русского народа отголосков тысячелетней истории этноса и мировоззрения самых различных эпох, различных межэтнических связей.

Библиографический список

1. *Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. А-З. М., 1978. – 699 с.

2. *Забелин, И.Е.* Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях // О жизни, быте и нравах русского народа. Сост. А.И. Уткин М., 1996. – 576 с.

3. *Костомаров, Н.И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях // О жизни, быте и нравах русского народа. Сост. Уткин А.И. М., 1996. – 576 с.

4. *Ровинский, Д.А.* Русские народные картинки. Т.1–5. СПб., 1881. – 510 с.

5. *Савваитов, П.И.* Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб., 1896. – 223 с.

6. *Симаков, Н.* Русский орнамент в старинных образцах тканей, эмали, резьбе по дереву и кости, чеканного, литейного и гончарного дела. Вып. I–II. СПб., 1882. – 14 с.; Писарев С. Древнерусский орнамент с X по XVII вв. включительно на парчах, набойках и других тканях. СПб., 1903.

7. *Снегирев, И.М.* Лубочные картинки русского народа в московском мире. М., 1844. – 140 с.

8. *Стасов, С.С.* Русский народный орнамент. Шитье, ткани, кружева. Вып.1. СПб., 1872. – 129 с.

9. Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. I. (Действия Комиссии). СПб., 1879; Вып. X (Тверская, Ярославская, Тульская, Владимирская, Пермская губернии). СПб., 1883.

10. Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. 1. СПб., 1879.

Т.Н. Шалдунова,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры философии и истории РГАЗУ

К изучению повседневной жизни католического и православного духовенства

Ключевые слова: христианское монашество, монастыри, монашеский орден, духовно-рыцарский орден, черное и белое духовенство

Keywords: Christian monasticism, monasteries, monastic order, spiritually-knightly order, black and white clergy

Несмотря на все противоречия, а также консерватизм, который ярко выразился в христианском монашестве (как православном, так и католическом), христианство явилось главной основой средневековой европейской культуры. Именно тот образ мира и человека, который создавался в монастырях, стал главным для людей Средневековья. Именно монастыри являлись одними из центров, вокруг которых концентрировалась жизнь человека.

В IV в. как своеобразная реакция на участие церкви в мирских делах распространяется монашеское движение, кроме многочисленных отшельников появляются совместные жилища аскетов – кинувии, как их называли на греко-язычном Востоке. Это были зародыши монастырей.

В это же время складывается внутренняя жизнь монастырей. Во главе каждой обители стоял игумен.

Каждый из монастырей имел свою автономию, свой особый уклад, в основе которого лежали общие принципы монастырской жизни. Вся жизнь монастырей регламентировалась уставами, в которых отражались особенности той или иной обители. Самыми первыми уставами, которым следовали другие, считаются уставы Пахомия Великого и его учеников – Шендуи, Макария Александрийского, Василия Великого. уставом последнего пользовались вплоть до VI в. [2, с. 24] Ранние монастыри основывались на строгом аскетизме и физическом труде для монахов.

В XI в. происходит окончательный раскол христианства на католицизм и православие, и, как следствие, монастыри делятся на католические и православные.

Попав в зависимость от церковной верхушки, монастыри в первое время своего существования во многом остаются автономной организацией и к VIII в. часто превращаются в крупные хозяйства с развитым земледелием и ремеслом, продукция которых шла, главным образом, на удовлетворение потребностей самой обители, а иногда и на благотворительные цели.

Монастыри являлись обладателями колоссальных владений, часто не уступавших владениям светских вельмож. Монастыри имели не только свое управление, но часто и свои войска, суд, тюрьмы. Они вели обширную торговлю продуктами своего хозяйства – вином, солью, хлебом, красящими веществами и др.

Частично в связи с обогащением монастырей, частично в связи с подъемом миссионерского движения в VI в. появляется монашеский орден бенедиктинцев, который был основан Бенедиктом Нурсийским на базе монастыря Монтекассино. Вслед за этим большинство монастырей стало строиться на основе устава Бенедикта Нурсийского, по которому монахи передавали личную собственность монастырю и давали три обета: бедности, послушания и целомудрия. Неотъемлемой частью монашеской жизни становится молитва; фи-

зический труд перекладывается на особых слуг и работников. Монастырь стал очагом борьбы за очищение Церкви от многих мирских соблазнов. Жорж Дюби отмечает, что «молиться» означало «петь». Молитва была воинственной песнью, которую монахи, эти воины христовы, выкрикивали в лицо сатанинскому воинству, чтобы обратить его в бегство. Монахи были горсткой людей, «чьей миссией было отвратить с помощью жестов и слов гнев небесный, привлечь на себя Божие прощение и окропить все вокруг себя благодатной росой». [1, с. 55–56]

«Французское слово *cloître* может означать как часть монастыря, так и весь монастырь. Монастырь в историческом имагинарном – это прежде всего и главным образом его центральное место, состоящее из внутреннего сада, окруженного открытыми галереями с ведущими в сад аркадами. По другой концепции внутренняя часть монастыря – *cloître* – это та его часть, которая представляет собой ансамбль закрытых зданий. Основное значение этого слова в обоих случаях связано с идеей закрытости, монастырской закрытости... Имагинарный смысл обители и заключается в образе монастырской ограды, в христианском имагинарном связанной с образом сада». [4, с. 102–108]

Монашеский орден постепенно вытеснял автономию, независимость монастырей, включая их в церковную иерархию. Позднее ни один католический монастырь не мог быть организован без ведома римского престола и не относился бы к какому-либо монашескому ордену.

Каждый монашеский орден имел в своем уставе какой-либо особенный параграф, оговаривающий особенности задачи этого ордена, а, следовательно, и монастыря. Например, бенедиктинцы давали обет молчания, и вскоре в их монастырях (и мужских, и женских) возник своеобразный язык жестов. Цистерцианцы-бернардинцы (основатель св. Бернар Клер-

воский) обязывались выполнять ручной труд, жить в бедности и непрестанно молиться. Картезианство (основатель св. Бруно) сочетало в себе быт отшельников и монастырской братии; в самих аббатствах они обитали в маленьких кельях, стоявших на отшибе, молились, читали, работали. Ужинали картезианцы вместе, но в полном молчании. По воскресеньям и праздникам они не работали, а раз в неделю совершали совместные прогулки.

Можно выделить три направления, в которых проявлялась деятельность монашеских обителей: миссионерская, хозяйственная, спасительная. Чаще всего каждый из членов монашеской общины занимался своим делом. Все монастыри основывались на строгой дисциплине и четком распределении обязанностей (как католические, так и православные).

В католицизме это выразилось в делении духовно-рыцарских орденов на два круга: рыцарей и сержантов. С одной стороны, такое положение являлось отражением существовавшего деления общества в целом, с другой – было распределением ролей внутри самой организации. В других монашеских обителях имела место эксплуатация мирского населения, проживающего на монастырских землях.

Примерно та же картина складывалась и в православии, но с разделением на черное и белое духовенство. Белое духовенство удовлетворяло постоянные религиозные потребности своего прихода. Черное духовенство – иночество – принимало на себя особые обеты и делилось на послушников; монахов, принявших малую схиму; монахов, принявших великую схиму. Послушник рясофорный – первая степень пострижения, вторая – монах, принявший постриг. Высшая степень – великий постриг, великая схима. [7, с. 10–11]

Особенности отношений монастыря с мирянами определялись целями и задачами обители и внутренней обстановкой в стране, где располагался монастырь,

будь он католический или православный. В «лихие» годы стены монастыря служили защитой для многих. Случалось, монастырские стены выдерживали многомесячные осады. С другой стороны, в католических монастырях была распространена система прекариев, а в православных – натуральные повинности.

Монастыри рассматривались светской властью как у католиков, так и у православных как идеологическая опора. Священнослужители нередко являлись ближайшими советниками власть предержащих (например, аббат Сугерий, этот «восстановитель королевской власти во Франции», как называл его К. Маркс). Монастыри служили средством удаления неугодных власти – насильное пострижение в монахи, помещение в монастырскую тюрьму. Пострижением в монахи убивалось сразу «два зайца»: удалялся неугодный человек (а иногда и вся его семья) и все его имущество переходило отчасти в государственную казну, отчасти монастырю. У католиков монастырь служил способом обеспечить себе отпущение грехов, спрятать за толстыми монастырскими стенами тайны: незаконных детей, опасных людей. Один из сыновей западноевропейских феодалов, как правило, делал духовную карьеру. Это был способ обеспечить безбедную жизнь. Иногда духовный сан являлся наследственным. Например, в семье Ришелье наследственным было место главы Люсонской епархии. [3, с. 21]

У православных монастыри выполняли практически те же функции, но была одна особенность. «После смерти праведный монах становился ангелом. В иерархии загробного мира насчитывается девять ангельских ликов. Монахи – это шестой лик, лик Господств. «Праведные цари, князья» и т.д. стоят гораздо ниже иноков – они всего лишь третий лик. В силу этих представлений, примерно с середины XIII и по конец XVII в., русские князья, а затем и цари почти обязательно принимали схиму. Постриг совершался при самой кон-

чине. Монастыри стремились таким образом повысить свою значимость, а что касается не политических уже, а чисто мирских стяжательств, то щедрые даяния на помин души новопреставленных иноков оговаривались в грамотах, и монастырь получал их сполна». [7, с. 28]

Уже в Средние века чистота намерений монахов подвергалась сомнению со стороны мирян. Складывались легенды о «благочестии» монастырских братьев и сестер. Драматурги и писатели, поэты и певцы уделяли особое внимание монашеской братии. Можно перечислить много литературных произведений, в которых высмеиваются пороки монахов, рассказывается о «праведной» жизни монастырской обители. Достаточно вспомнить некоторые пословицы и поговорки, анекдоты. Уже в XIX в. были написаны произведения, в которых также можно найти яркие образы монахов. К примеру, всеми нами любимый роман А. Дюма «Три мушкетера» и незабываемый образ Арамиса. Или же «Борис Годунов» А.С. Пушкина и образы православных монахов и жизнь монастыря.

Однако монастыри были не только способом решения каких-то личных или политических проблем. Именно монастыри в Средние века стали центрами культурного развития. Христианство в своей борьбе со светской властью сумело подчинить себе духовную жизнь человека и поставить на службу церкви искусство и науку, образование (монастырские школы). Именно в монастырях в Средние века вводились новшества – новый архитектурный стиль (романский или готический), новые жанры литературы (агиография, откровения, наставления, летописание, хроники), в музыке (церковные песнопения), совершенствовались новые открытия и даже приготавливались новые блюда, вина. Даже своей замкнутостью, консерватизмом монастыри внесли свой вклад в развитие культуры, так как запрет порождает в душе человека желание преступить его, узнать, почему нельзя. И именно это «почему?» стало толчком многих великих открытий.

В целом можно сказать, что развитие и роль монастырей, как католических, так и православных в повседневной жизни общества были примерно одинаковыми. Отношение же мирян к монастырям менялось в той мере, в какой они себя проявляли и на какое место претендовали, а также, в какой степени они следовали идеалам, которые сами пропагандировали.

Библиографический список

1. *Дюби, Ж.* Европа в Средние века. – Смоленск, 1994.
2. *Карсавин, Л.П.* Монашество в Средние века. – М., 1992.
3. *Кнехт, Р.* Ришелье. – Ростов-на-Дону, 1997.
4. *Ле Гофф, Ж.* Герои и чудеса Средних веков. – М.: Текст, 2012.
5. *Ле Гофф, Ж.* Средневековье и деньги: очерк исторической антропологии. – Спб.: ЕВРАЗИЯ, 2014.
6. *Пауэр, Э.* Люди Средневековья. – М.: Центрполиграф, 2010.
7. *Прошин, Г.* Черное воинство. – М., 1998.
8. *Фоссье, Р.* Люди средневековья. – Спб.: ЕВРАЗИЯ, 2016.

Л.А. Борисов,
магистр, аспирант ПСТГУ

Аксьон Франсез и современное французское монархическое движение

Ключевые слова: Аксьон Франсез, французское монархическое движение, католический традиционализм

Key words: Action Française, French monarchism movement, catholic traditionalism

В августе 2016 года французский Институт изучения общественного мнения и маркетинга (BVA, Institut d'études de march et d'opinion) опубликовал интересные данные по вопросу отношения французов к идее восстановления монархии во Франции. 39% респондентов уверены, что реставрация монархии сможет принести позитивные последствия для национального единства, а 37% – и для государственной стабильности. При этом 29% проголосовали бы за кандидата от роялистов в первом туре президентских выборов [1].

Эти цифры не только показывают факт укорененности монархической идеи в стране с исторически сильными республиканскими традициями, но и заставляют задуматься над вопросом: почему идея реставрации королевской власти оказывается достаточно популярной в XXI веке, в европейской стране с развитой экономикой и высоким уровнем жизни? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо проанализировать современное состояние французского монархического движения на

примере рассмотрения деятельности одной из старейших во Франции монархических организаций, Аксьон Франсез (Action Française), ее структуры и политической повестки, а также проанализируем особенности той культурной среды, в которой монархические идеи находят отклик.

Аксьон Франсез

История организации Аксьон Франсез началась в 1898 году, когда на волне общественных баталий по делу Дрейфуса группа молодых публицистов, руководимых Морисом Пюжо (1872–1955) и Анри Вожуа (1864–1916), выпустила манифест Action Française (Аксьон Франсез, фр. «Французское действие»), в котором осуждались формы индивидуализма и парламентаризма, клеймились анархисты и зыбкие абстракции «прав человека». Идеалом для Франции, сильной и единой, мыслился Ancien régime, политический режим во Франции до Великой Французской революции [2, с. 82]. В 1899 году образовалась группа Action Française, в которой вскоре главную роль стал играть публицист и общественный деятель Шарль Моррас (1868–1952). В 1908 году начался выпуск газеты с аналогичным названием, в издании которой принимали участие Леон Доде (1867–1942), сын писателя Альфонса Доде), историк Жак Бэнвиль (1879–1936) и другие видные представители французской интеллектуальной среды начала XX века. Победа Франции в Первой мировой войне только усилила позиции движения, однако возникли неприятности: в 1926 году римский папа Пий XI официально осудил деятельность Аксьон Франсез (осуждение снято только в 1939 г. папой Пием XII). Основным моментом в общем неприятии Ватиканом деятельности движения была убежденность, что «предводители Аксьон Франсез, католики из расчета, а не по убеждению, используют церковь (или, по меньшей

мере, рассчитывают ее использовать), но не служат ей» [3, с. 133]. Стоявший во главе движения Шарль Моррас принял вызов и ответил на обвинения Святого Престола встречной критикой: конфликт разрастался, в 1927 году «Аксьон Франсез» оказалась первой газетой, когда-либо помещенной в список запрещенных книг Римско-католической церкви (т.н. *Index*). Все это сильно ударило по престижу движения, и все тридцатые годы и Вторая мировая война – время окончательно упадка Аксьон Франсез. В вину Моррасу ставилась и активная поддержка действий правительства А. Ф. Петэна, антисемитизм и нежелание принять деятельное участие в Соппротивлении; сам он в конце войны предстал перед судом, а движение оказывается запрещенным и фактически упраздняется (1944). Первый период в истории движения тем самым оказывается завершенным.

Второй этап в истории Аксьон Франсез начинается в 1947 году благодаря активной деятельности старого соратника Морраса, Мориса Пюжо, который фактически восстановил деятельность движения под другим названием Национальная реставрация («*Restauration nationale*») и организовал периодическое издание *Aspects de la France* (первые буквы такие же, как и в *Action Française*).

Невзирая на изменившийся политический климат и на непрекращающиеся нападки на движение (большой резонанс имела вышедшая в 1960-е годы работа известного политолога Эрнста Нольте «Фашизм в его эпохе: Аксьон Франсез, итальянский фашизм, национал-социализм» (изд. Сибирский хронограф, 2001), в которой Аксьон Франсез и вовсе называется первой фашистской партией, хотя впоследствии ряд историков доказывал обратный тезис: деятельность движения защитила Францию от развития фашистских идей [4], измененное формально движение продолжило развиваться и привлекать в свои ряды новых членов. В 1970-х и 1980-х годах оно опять подверглось серии

трансформаций и переименований. Большой интерес к теме монархии во Франции вызвали в обществе юбилеи: в 1987 году отмечалось тысячелетие становления Каролингской династии, в 1993 году – 200 лет со смерти Людовика XVI.

Сегодня Аксьон Франсез по-прежнему существует – в виде ультраправого движения монархистов и евроскептиков. В нем существует 6 региональных представительств (Аквитания, Бретань, Нормандия, Прованс, Иль-де-Франс, Бургундия – в каждом осуществляется координация деятельности десятков локальных групп в рамках этого региона), Политическое бюро (вырабатываются политические маршруты деятельности и обсуждаются важнейшие политические и социальные вопросы), «оперативные» отделы (реализация различных акций, общение с прессой и т.п.), а также различные вспомогательные отделы (экономический, юридический и пр.). В рамках работы с молодежью организовано движение «Action française étudiante», который предлагает участникам не только политическую программу, но и возможности для самореализации в общеобразовательных и спортивных проектах (бокс, борьба и пр.).

Главным печатным органом движения сегодня является газета «Action française 2000», издаваемая дважды в месяц и посвященная как вопросам монархического движения, так и критике политических процессов во Франции и Европе.

Идеология французских монархистов сегодня

Аксьон Франсез – это политическое движение, которое можно охарактеризовать как национальное (защита и улучшение жизни нации в рамках «суверенного» государства) и роялистское (средство улучшения жизни нации – реставрация королевской власти в лице главы Орлеанского дома⁵¹. В рамках защиты

«суверенности» Французского государства Аксьон Франсез критикует все политические и экономические структуры Европейского Союза, а также политику «открытых дверей» в вопросе массовой иммиграции и законы, направленные на отмену дискриминации прав гомосексуалистов [5].

Обсуждая политическую деятельность движения, важно указать на связь Аксьон Франсез и Национального фронта, руководимого Марин Ле Пен. Марин Ле Пен не является ярой сторонницей реставрации королевской власти, однако она признается, что «Национальный фронт, пожалуй, самая монархическая из французских партий, в том смысле, что он является последним, кто защищает суверенные функции государства» [6].

В Манифесте, размещенном на сайте движения⁵², выделены две цели, на достижение которых сфокусирована деятельность Аксьон Франсез сегодня: реставрация монархии и защита национальных интересов.

Не рассматривая специально стратегию реализации задачи реставрации монархии, авторы Манифеста указывают лишь на те преимущества, которые получит Франция и французы в этом случае:

Единство – только монархия может служить объединяющей идеей нации. По указанию авторов Манифеста, современная демократия способна лишь дробить французское общество, в то время как монархия способна объединить различные классы и группы общества⁵³.

Преемственность – королевская власть способна стать инструментом сохранения преемственности в государственной жизни. Авторы приводят аргумент из истории Франции: сравнительная стабильность государственных структур Французского государства на протяжении 800 лет правления Капетингов резко контрастирует с институциональной нестабильностью последних 200 лет.

Независимость – по мысли авторов Манифеста, власть, избираемая народом, вынуждена заниматься демагогией и является полностью зависимой в вопросе принятия важных государственных решений. В то время как власть монарха является полностью независимой.

Ответственность – Общие и личные интересы монарха будут совпадать с интересами нации, в то время как власть демократическая, зачастую работает исключительно в собственных интересах⁵⁴.

Законность – в лице монарха Франция сможет получить власть, которая не будет зависимой от различных групп интересов и капитала. Опять же в то время как в демократии, по мысли авторов манифеста, закон действует исключительно в угоду своим избирателям и крупному капиталу.

Помимо реставрации монархии, Аксьон Франсез ставит себе целью защиту национальных интересов страны от современной демократической системы, не конкретизируя, однако, каким образом такая деятельность будет реализована.

Отношения с Католической Церковью

Аксьон Франсез имеет давнюю и непростую историю взаимоотношений с Католической Церковью. На сегодняшний момент наибольшими симпатиями политическая программа движения пользуется в рядах консервативных католиков, многие из которых являются католиками-традиционалистами. Католики-традиционалисты – представители религиозных групп как внутри Католической церкви, так и исторически тесно связанных с ней, объединенные идеей частичного или полного неприятия нововведений Второго Ватиканского Собора (1962–1965). Одним из самых ярких идеологов этого движения был архиепископ Марсель Лефевр (1905–1991), отец которого, Рене Лефевр (1879–1944),

активно участвовал в монархическом движении начала XX века. Вот что монс. Лефевр писал относительно политического устройства Франции: «Мое политическая точка зрения, например, о режиме, который лучше подходит Франции, мала важна. Впрочем, факты говорят об этом сами. То, что не удалось сделать французской монархии, осуществила демократия: пять кровавых революций (1789, 1830, 1848, 1870, 1945), четыре иноземных вторжения (1815, 1870, 1914, 1940), два разграбления Церкви, изгнания религиозных орденов, упразднение католических школ, секуляризации монастырей (1789 и 1901) и т.д.» [7, с.63]. Наглядно связь французских монархических движений и консервативно настроенных католиков показали события 2012 года, где различные роялистские и католические организации вывели вместе на улицы, по разным оценкам, от 340 тысяч до 1,4 миллиона французов, протестующих против новых законодательных трактовок понятия семьи. Известные группы католиков-традиционалистов (*Civitas, Cité catholique* и др.) тесно связаны с французским монархическим движением: эта близость основана на общей консервативной ориентации и защите традиционных ценностей [8, с. 220].

В настоящей статье была рассмотрена программа и структура французского монархического движения на примере деятельности организации Аксьон Франсез. Конечно, в современных условиях серьезно говорить о реставрации монархии во Франции сложно, даже учитывая традиционно различимый процент сочувствующих роялистским идеям во французских социологических опросах на эту тему. Реставрация становится таким образом не сколько «целью», сколько «сверх-целью», путеводной звездой для реально возможной консервативно-ориентированной политики. Идеи законности, национальной независимости и единства соединяются в символьном воплощении – лилиях тысячелетнего Французского королевского

дома. Монархия как идея отступает из плоскости политической в плоскость культурную, служа фундаментом для построения дискурсов, в которых важное место занимают такие вопросы, как суверенитет государства, сохранение национальной культуры и идентичности, защита традиции [9, с.71]

Также стоит отметить, что анализ многих решений, которые предлагаются идеологами современного французского роялизма для увеличения социальной базы этого движения, может оказаться полезным для решения тех или иных задач, которые стоят уже перед представителями отечественных монархических объединений. К сожалению, российское монархическое движение на сегодняшнем историческом этапе значительно маргинализировано и, очевидно, не представляет сколько-нибудь значимой политической, социальной или культурной силы. И тут французский опыт сможет оказать значительную поддержку.

Библиографический список

1. Les français et la monarchie. URL ссылки: http://www.bva.fr/fr/sondages/les_francais_et_la_monarchie.html. Дата обращения 20.01.2017.

2. *Нольте, Эрнст.* Фашизм в его эпохе: Аксьон Франсэз, итальянский фашизм, национал-социализм. – Сибирский хронограф, 2001.

3. *Arnal, O. L.* Ambivalent Alliance: The Catholic Church and the Action Française, 1899-1939. – University of Pittsburgh Press, 1985.

4. Mise au point de l'Action Française. URL ссылки: <http://www.actionfrancaise.net/craf/?MISE-AU-POINT-de-L-ACTION,10098> Дата обращения 20.01. 2017.

5. Manifestation anti-mariage gay: entre incidents et mobilisation décevante, Civitas rate le coche. URL ссылки: <http://droites-extremes.blog.lemonde.fr/2012/11/18/manifestation-anti-mariage-gay-entre-incidents-et-mobilisation-decevante-civitas-rate-le-coche/>. Дата обращения 20.01.2017.

6. *Marion*, Maréchal-Le Pen devant l'Action française: «Le FN est le plus monarchiste des partis français». URL ссылки: <http://www.lefigaro.fr/politique/2016/05/07/01002-20160507ARTFIG00139-marion-marechal-le-pen-devant-l-action-francaise-le-fn-est-le-plus-monarchiste-des-partis-francais.php>. Дата обращения 20.01.2017.

7. *Лефевр*, Марсель, арх. Они его развенчали. От либерализма к отступничеству. Трагедия Собора. Пер. с фр. В.П. Пономарева. – М.: ООО «Полиграф сервис», 2011. – 280.

8. *Florian, Michel*. «Intégrisme catholique et politique», *Études*, 9/2009:411 211–222.

9. Hans Adam II, de Liechtenstein P. *The State in the Third Millennium*. – van Eck Publishers, 2009.

Д.С. Гаврикова,
сотрудник Государственного музея Востока,
магистрант общеуниверситетской кафедры истории
ИГН МГПУ

**«Божественный император»
и «Императрица-Дракон»
У Цзэтянь и Цыси – исторические примеры
женского правления Поднебесной
и их роль в культуре Китая**

Ключевые слова: Срединная и Поднебесная империя, У Цзэтянь, Цыси, «Божественный император», «Императрица-Дракон»

Key words: Middle and Celestial Empire, Wu Zetian, Cixi, «Divine Mmm.», «Empress-Dragon»

История Китая знает немало примеров, когда во главе государства стояла женщина. Подобная ситуация казалась бы шла вразрез с конфуцианской традицией, которая не допускала женщину к управлению государственными делами. Однако умелая и хитроумная политика некоторых правительниц Китая приводила к тому, что реальная власть концентрировалась в их руках, совершенно органично вписываясь в древние законы Поднебесной. При этом покровительство даосизму и буддизму при дворе давало возможность обосновать свое правление как божественный промысел. История Китая знает два ярких периода, во время которых все бразды правления страной длительное время находились в женских руках, и эти руки оказывались очень

жестокими. Оба эти периода стали переломными в истории и культуре Китая. Это эпоха Тан и эпоха Цин, эпоха расцвета и эпоха заката Поднебесной империи. Это время правления двух ярких правительниц У Цзэтянь (624–705 гг.) и Цыси (1835–1908). Как повлияло правление этих двух императриц на историю и культуру Китая? Оказалось ли оно пагубным для страны или благотворным? И хотя невозможно дать однозначных оценок деятельности У Цзэтянь и Цыси, было бы весьма интересно провести параллель между этими женщинами, которые несомненно обладали выдающимися способностями и сыграли огромную роль в истории своей страны.

Путь восхождения на трон в Китае для женщины был вполне классическим: наложницей, продвигаясь вверх по иерархической лестнице и получая определенные ранги, женщина завоевывала внимание императора, делила с ним ложе и дарила ему наследника. Тем самым она укрепляла свое положение и занимала почетное место в императорском дворце, являясь матерью возможного наследника. Именно такой путь прошли обе императрицы, не став исключением из правил.

У Цзэтянь происходила из семьи состоятельного торговца, но ее мать была аристократического рода и состояла в дальнем родстве с императорской династией. [1; с. 17] В возрасте 14 лет У Цзэтянь попадает в качестве наложницы одного из низших рангов в гарем императора Тай-цзуна. Живя внутри Запретного города в женских покоях, У Цзэтянь много времени уделяла учебе и занятиям традиционным для китайской знати, особенно она любила верховую езду. Добиться расположения императора ей не удалось, зато она знакомится с его сыном и наследником Гао-цзуном. После смерти императора Тай-цзуна в 649 г. У Цзэтянь, как и все остальные императорские наложницы, была отправлена в буддийский монастырь Ганье, где она и должна была провести остаток своих дней. Однако этого не

произошло, так как по приказу Гао-цзуна У Цзэтянь была вывезена из монастыря и возвращена во дворец. Она стала любимой наложницей нового императора Гао-цзуна. Обладая железной хваткой, стратегическим умом и определенными амбициями, У Цзэтянь добивается устранения законной императрицы Ван-хуанхоу. Императрица была лишена своего титула, который перешел в руки У Цзэтянь. С этого момента У Цзэтянь начинает заниматься политикой и активно участвовать в государственных делах. К тому же император Гао-цзун обладал мягким характером, имел слабое здоровье и поэтому большую часть государственных обязанностей переложил на плечи своей активной и умной супруги.

Подобное положение дел не замедлило вызвать недовольство некоторых сановников и военачальников, однако У Цзэтянь умела правильно находить себе сторонников, которые помогали противостоять ряду заговоров против нее. Пожалуй, это качество императрицы – умение четко различать, где враги, а где верные сторонники, позволило ей удержаться на троне почти 40 лет.

В 674 г. У Цзэтянь укрепляет свое положение, сменив свой прежний титул на Тянь-хоу («Небесная императрица») и предписав именовать императора и себя «двумя государями».

Прочность положения и сила У Цзэтянь была связана также с ее плодовитостью: она родила императору четырех сыновей и дочь. И после смерти Гао-цзуна на престол взошел один из ее сыновей – Чжун-цзун, однако вся реальная власть оставалась по-прежнему в руках императрицы. Молодого императора эта ситуация не устраивала, он совершил попытку устранения матери от правления страной, но немедленно грозной рукой У Цзэтянь был разжалован и отправлен в ссылку. Это говорит об огромном влиянии и могуществе императрицы. Далее прошла череда бесконечных попыток остальных сыновей занять трон. В конце концов на

престол был посажен Жуй-цзун, который оставался марионеткой в руках матери. И в 690 г. У Цзэтянь совершает беспрецедентный поступок в истории Китая – она провозглашает себя «Божественным императором» и основывает новую династию Чжоу. Понимая, что таким образом она нарушает древние законы Поднебесной, У Цзэтянь обращается к буддийским наставникам (среди которых был ее фаворит монах Хуайи), которые объявили У Цзэтянь воплощением Будды Майтрейи, Будды Грядущего. Таким образом, императрица очень умело обосновала свой новый титул и свою верховную власть как божественный промысел. Надо отметить, что У Цзэтянь во времена своего правления всячески поддерживала буддизм и даосизм, видя в них идеологическую поддержку своему правлению. По ее приказу начинается строительство буддийских храмов в каждой из двух столиц – Чанъане и Лояне. Кроме того, покровительство буддизму оказалось полезным и для нужд ее завоевательной политики в Центральной Азии, где господствующим вероучением являлся буддизм. Активная внешняя политика У Цзэтянь привела к значительному расширению границ Китая.

Оценивая правление У Цзэтянь, можно с уверенностью сказать, что она была очень умной и одаренной государыней. Страна в годы ее царствования испытывала подъем. Возводились города, строились каналы, расцвели науки и искусства. Поддерживая буддизм и даосизм, У Цзэтянь тем не менее не ущемляла и конфуцианство. При ней появляется система государственных экзаменов, благодаря которым выдвигались из низов одаренные личности, способные принести пользу стране. Императрица любила поэзию, каллиграфию и литературу, будучи сама поэтессой и каллиграфом, она ценила в людях яркие таланты и способности. Ее жестокие расправы над бунтовщиками, тайная сеть агентуры – это оборотная сторона медали, но без этого удержать власть над огромной империей было невоз-

можно. Любое проявление слабости привело бы к свержению с трона, смене династии и смуте в государстве. Кроме того, будучи женщиной, ей приходилось вести двойную игру, обосновывая законность своего правления. Будучи расчетливой и деспотичной, У Цзэтянь в то же стремилась к власти не из-за тщеславия или самолюбия. Она понимала, что слабый правитель погубит империю, и поэтому старалась не только как можно дольше удержаться у власти, но и старалась стать сильной, мудрой и справедливой правительницей. Все свои силы У Цзэтянь направляла на процветание Китая. И ей это удалось. Эпоха Тан считается в истории Китая блестящей эпохой, эпохой расцвета и могущества. Это время утверждения Китая на мировой исторической арене. И хотя эта эпоха длилась намного дольше, чем правление У Цзэтянь, заслуги императрицы нельзя недооценивать. Она заложила многие идеи, которые впоследствии стали знаковыми в культурной традиции Китая. В религиозном отношении это мирное сосуществование «трех учений» (конфуцианство, даосизм, буддизм). В культурном отношении это утверждение ставших универсальными для национальной художественной культуры эстетических принципов – так называемого «идеала изысканной простоты». [2; с. 75]

Говоря о ее человеческой сущности, надо отметить любвеобильный характер У Цзэтянь. Некоторые авторы, например, Эн Палудан, дает скорее негативную оценку императрицы, указывая на ее многочисленных любовников, которых она возвышала, и это приводило к коррупции и падению нравов. [9] Но тут скорее присутствовало желание У Цзэтянь иметь человеческие отношения, так как после смерти своего супруга ее связи с детьми и ближайшими родственниками строились исключительно на лицемерии и их стремлении захватить власть. Китайская франкоязычная писательница Шань Са написала в 2003 г. блестящий роман «Императрица», посвященный жизни У Цзэтянь.

Это по сути биографический роман, хотя, конечно, он является художественным произведением. В своем романе Шань Са раскрывает характер своей героини, описывает ее чувства от первого лица, и, учитывая, что здесь может присутствовать и доля авторского художественного вымысла, тем не менее мы видим умную и сильную женщину, которая, как и все женщины мира, жаждет любви и обожания. Внимание и забота любовников лишь укрепляют ее, наполняют силами для дальнейшей борьбы. [7]

Последней страстью У Цзэтянь были братья Чжан, которые находились подле императрицы в последние годы ее жизни. Они получили большое политическое могущество и через них проходили все государственные решения. Во время болезни императрицы только братьям Чжан было позволено находиться около нее.

Весной в 705 г. был устроен дворцовый переворот канцлерами и главнокомандующим войсками. Братья Чжаны были казнены, а дворец У Цзэтянь окружен. Узнав об этом, императрица поняла, что теряет последнюю опору. Она отреклась от престола, подписав указ о передаче трона своему сыну и наследнику Чжун-цзуну. После отречения У Цзэтянь жила в пригородном дворце Шанъян, она теряет свой титул «Божественного императора» и именуется теперь «Императрица-регентша Цзэтянь Дашэн». Династия Тан была восстановлена, династия Чжоу прекратила свое существование.

В том же 705 году в возрасте 81 года императрица У Цзэтянь умерла, оставив в памяти своих потомков славу своих великих свершений. Она была единственной женщиной в истории Китая, которая сумела стать Императором и таким образом встать на одну ступень с мужчиной. Для китайского конфуцианского общества, где мужчина изначально имел превосходство над женщиной, это казалось невозможным. Однако подобная страница в истории Китая доказывает, что это возможно, когда рождается сильная и независимая

личность, способная изменить законы и преобразовать мир. Идеи равноправия возникают намного позже, только в начале XX в. А пока... Конечно, У Цзэтянь не удалось преобразовать мир, она старалась его только улучшить. И после ее смерти все вернулось на круги своя, мир средневекового Китая был миром мужского превосходства. И следующие правительницы Китая, если и получали власть, то действовали «за ширмой». Именно такой была политика последней императрицы Китая, известной как Цыси.

Цыси – одна из ярчайших фигур в истории Китая. Ее имя стало воплощением тирании, коварства и порока. Время ее правления приходится на конец эпохи Цин, эпохи маньчжурского владычества. Во главе огромной страны с богатейшими культурными традициями оказались представители малочисленной полукочевой народности. Маньчжуры признавали авторитет китайских духовных ценностей и старательно перенимали опыт китайской цивилизации. Однако отныне руководящие посты в различных ведомствах и министерствах принадлежали представителям маньчжурской знати.

В знак своего превосходства над китайцами маньчжуры ввели обязательное ношение косы для всех мужчин-китайцев, а что касается женщин, то в отличие от китаянок, маньчжурские женщины никогда не бинтовали ног. Не бинтовала ног и Цыси, так как она была маньчжуркой.

Цыси родилась в семье маньчжурского чиновника. Ее путь восхождения на трон был классическим (почти таким же, как и у У Цзэтянь). Когда ей исполнилось 16 лет, она вошла во императорский дворец в качестве наложницы. Как и У Цзэтянь, Цыси много времени посвящала образованию, много читала и обладала стратегическим умом. Не желая оставаться в позолоченной клетке навеки, Цыси расчетливо сумела найти расположение и даже дружбу супруги императора Сяньфына. Императрица Цыань была бесплодна и,

когда император озаботился вопросом о наследнике, то его жена указала ему на наложницу Цыси. Таким образом, Цыси перешла в ранг Драгоценных наложниц.

В 1856 г. она родила мальчика, который получил имя Цзайчунь. Есть версия, что ребенок был рожден молодой служанкой, убитой сразу после родов. Так или иначе, статус Цыси как матери наследника значительно укрепил ее положение при дворе. Император постепенно стал передавать ей все больше полномочий, что усиливает ее влияние. [4; с.]

В 1861 г. после смерти императора наследником был объявлен Цзайчунь, а регентшами при нем становятся вдовствующая императрица Цыань и Цыси. Наступает время «совместного правления», во время которого всеми государственными вопросами занималась в основном Цыси. Когда императрица Цыань умирает от пищевого отравления, вся политическая власть переходит полностью в руки Цыси.

Отпрыск Цыси оказался слаб и склонен к праздному образу жизни и, когда он достиг совершеннолетия, регентство Цыси должно было закончиться. Однако правление Цзайчуна под девизом Тунчжи было недолгим, он заболевает оспой и умирает. После смерти сына в 1874 г. выбор Цыси падает на племянника Гуаньсюя, которому на тот момент исполнилось всего 3 года, поэтому регентство Цыси продолжилось.

И здесь тактика и стратегия обеих императриц были схожими, и У Цзэтянь, и Цыси сами назначали наследника трона. А вот отличие состояло в том, что делали они это из разных побуждений. У Цзэтянь искала достойного сильного преемника, способного управлять Империей и не предаваться разгулу. Не найдя такого в своих детях, она решила править сама, открыто провозгласив себя Императором.

Цыси искала наоборот слабого правителя, чтобы «из-за ширины» в качестве регента иметь возможность принимать все решения самой и влиять на политику страны.

У Цзэтянь проявляла жестокость для того, чтобы удержаться у власти и тем самым способствовать сво-

ими реформами и указами процветанию Китая. И это дало свои плоды.

Цыси измышляла коварные планы, отправляла на казнь множество людей из тщеславных целей. Она хотела чувствовать свою власть над людьми, а вопросы благосостояния народа, укрепления и развития страны ее мало волновали. Летний императорский дворец Цыси утопал в роскоши, в то время когда большинство населения Китая прозябали в страшной нищете. Примечательно, что деньги, которые она потратила на строительство своего дворца (30 миллионов лян серебра), были собраны на строительство военно-морского китайского флота.

В 1886 г. императору исполнилось 19 лет, Цыси объявляет, что Гуаньсуй свободен от политической опеки, и удаляется в свой роскошный Летний дворец. Однако фактически опека продолжалась, Цыси зорко следила за всеми действиями императора, и ни одно государственное дело не решалось без ее согласия. Гуаньсуй предпринимал попытки провести реформы, будучи образованным и прогрессивным правителем. В 1898 г. был проведен проект «Сто дней реформ», целью которого было преобразование империи по японскому образцу. В ходе попыток этих преобразований был основан, в частности, Пекинский Университет. Гуаньсуй, понимая, что его тетка всячески будет препятствовать реформам, организовал заговор против нее. Однако эта попытка провалилась благодаря измене генерала Юань Шикая, Цыси немедленно забрала императорскую печать и заставила Гуаньсюя отречься от престола. Отныне Гуаньсуй находился под домашним арестом в пределах Запретного города в Пекине.

Многие исследователи отмечают двуличный характер Цыси, нарисована даже соответствующая карикатура. Она умела ловко лавировать между своими врагами, сталкивая их друг с другом. Наибольшую опасность Цыси видела со стороны Запада, она была уверена, что прогрессивные революционные идеи

погубят империю и ее безраздельную власть. Цыси выступала сторонником полной изоляции Китая от «чужеземных дьяволов». И все разрастающиеся проблемы государства она сваливала на вредоносное европейское влияние. В результате подобной политики произошло ихэтуаньское (боксерское) восстание (1899 г.). Ихэтуани восставали против вмешательства европейцев во внутреннюю политику Китая, кроме того, они выступали и против маньчжурской династии у власти. Цыси формально поддержала восстание, была издана «Декларация о войне», за убитых иностранцев назначались награды. Однако главной задачей Цыси была защита маньчжурской династии. А ихэтуани представляли для маньчжурской верхушки не меньше опасности, чем иностранные войска. Поэтому Цыси долго выжидала в надежде, что два ее врага уничтожат друг друга. Но позже перешла на сторону Альянса Восьми держав, который и подавил восстание. В результате восстания Китай попал в еще большую зависимость от иностранных держав, что печально сказалось на политическом и экономическом развитии страны в первой половине XX века. [6; с.]

Правление Цыси стало временем крушения великой империи, и, хотя, конечно, не надо списывать на нее одну вину за подобные события в истории Китая, невозможно закрыть глаза на крайне консервативные, деспотичные и лицемерные действия императрицы.

Императрица, прозванная Драконом, та, что цепко держит власть в своих когтях и выпускает смертоносный огонь из своей пасти. Дракон в обличье красивой хрупкой женщины. Цыси, по словам художницы Катарины Карл, жившей в Китае около года, была обаятельна, грациозна и очень любила собак, цветы и лодочные прогулки. Но больше всего Дракон любил власть. В 1908 г. императрица-дракон умерла. Она правила страной почти полвека, оставив в наследство застывшую в своем развитии патриархальную страну, отставшую в техническом и экономическом отношении.

Китайская монархия ненадолго пережила императрицу, в 1911 династия Цин была свергнута в ходе Синьхайской революции. Открылась новая страница истории и культуры Китая. [5; с.]

Две женщины, прошедшие испытание властью, обе продемонстрировали сильный и жестокий характер, обе были образованы, умны и красивы, но одна применила свои способности во благо страны, а другая – ради собственного удовлетворения и самообогащения. Не испытав тепло домашнего очага, не чувствуя душевной близости со своими детьми, они использовали весь свой пыл на борьбу за трон. Был ли это их выбор или так распорядилась судьба, не нам сейчас гадать. Но их имена и их деяния останутся яркими вехами в истории Китая.

Библиографический список

1. *Бокщанин, А. А.* Правительницы Китая. Ин-т востоковедения РАН, 2010.

2. *Кравцова, М. Е.* История культуры Китая. Спб.: Изд-во «Лань», 1999.

3. *Лю, И.* Два титула императрицы У Цзэтянь и их религиозное наполнение. Вестник СпбГУ, сер. 13, вып. 2, 2010. / Пер. с кит. Корнильевой Т.И.

4. *Сидихменов, В. Я.* Маньчжурские правители Китая. – М.: Наука, ГРВЛ, 1985.

5. *Семанов, Ю В.И.* Из наложниц – в императрицы. М.: Муравей. 2000.

6. *Чан, Цзюн.* Императрица Цыси. Наложница, изменившая судьбу Китая. – М.: Центрполиграф, 2016.

7. *Шань Са.* Императрица. М.: Олма-пресс, 2006.

8. *Ян, Цзяньюй.* Чжунго лидай ди ван лу. (Записки о китайских императорах и государях различных эпох)., Шанхай, 1989.

9. *Ann, Paludan.* Chronicle of the Chinese emperors. New York, 1998.

Е.И. Майорова,

доктор юридических наук,
профессор

Охрана ООПТ по-московски

Ключевые слова: особо охраняемые природные территории, природный комплекс, правовой режим, земли общего пользования, зеленые насаждения, застройка, парк Кусково

Keywords: protected areas, natural complex, the legal regime, general use lands, green spaces, buildings, park Kuskovo

Как известно, большая часть населения Европы сконцентрирована в городах. Россия не является исключением: 65% россиян проживает в городских агломерациях.

Наиболее яркая современная тенденция как мегаполисов, так и крупных городов – концентрация разнообразных техногенных нагрузок на городскую природу. Это загрязнение атмосферного воздуха в результате деятельности промышленных предприятий и практически в той же мере – автомобильного транспорта. На расстоянии 25 м от крупных магистралей воздух отравлен угарным газом, оксидами серы и азота. Структурные изменения почвы, в которой бензпирен и тяжелые металлы вытеснили все гумусные составляющие, прослеживаются на расстояние до 200 м от трасс. Стоки с несанкционированных свалок и загрязнение производственными и бытовыми сливами отравляют водные объекты.

Самое жесткое воздействие осуществляется на городские зеленые насаждения, которые могли бы ниве-

лизовать часть негативного антропогенного прессинга на другие природные объекты и жителей. Однако в отношении природного комплекса (далее – ПК) российских городов еще не выработаны реальные правовые меры сохранения и воспроизводства. Более того, ПК подвергается массовому расхищению в результате застройки территорий, занятых зелеными насаждениями. Эти территории представляют собой земли общего пользования, т.е. предназначаются для неограниченного круга лиц. Тем не менее, коммерциализация общенациональных природных ресурсов приводит к подмене приоритетов, к уничтожению необходимых для жизни городского населения природных объектов. Все это – вырубка зеленых массивов под коммерческую застройку, автостоянки и дороги, уничтожение зеленых насаждений вдоль трасс для расширения проезжей части, повсеместное уничтожение газонов вдоль улиц якобы для передвижения инвалидов-колясочников и пр. – осуществляется под лозунгом создания для граждан комфортных условий существования.

Но никакие популистские градостроительные решения не могут заменить горожанину возможность дышать чистым воздухом, отдыхать среди зелени в парке или сквере.

Правительства европейских экономически развитых стран, гораздо меньших по площади, нежели Российская Федерация, давно осознали необходимость охраны природы городов.

Одним из направлений охраны окружающей среды является заповедная охрана природы, или охрана особо ценных природных объектов, в том числе, в городах. Идея создания городских ООПТ и объектов родилась, главным образом, в связи с интенсивным использованием природных ресурсов – лесов, земель, расширением пространственной сферы вовлечения их в хозяйственный оборот и угрозой деградации природы. Создание и правовое регулирование режима особо

охраняемых территорий – это чаще всего компромисс между интересами охраны природы и экономического развития.

В соответствии с французским Законом о национальных парках (1960 г.) на территории национального парка «запрещена всякая промышленная, торговая и рекламная деятельность». В то же время предусматриваются оговорки, типа «если промышленное предприятие существует на территории парка или вблизи от него, то оно может продолжать функционировать».

В Париже большая часть жизни горожан проходит в парках. Цена недвижимости, если рядом парк, существенно повышается. И парки – отнюдь не место для пикника. Например, в Люксембургском саду имеется построенный из камня театр миниатюр «Гиньоль», работает старинная детская карусель и многое другое. Для прогулок предлагаются пони и экипажи, имеются теннисные корты и баскетбольные площадки. Однако в нем нет пунктов общественного питания, строгой же запрещено разводить костры, жарить мясо. Булонский лес – остатки огромного леса Рувре – в настоящее время зовется «Легкими Парижа», ведь его площадь занимает около 900 га. На территории парка имеются кафе и рестораны, но никакого самодеятельного приготовления пищи не предусмотрено.

Самой «экологичной» столицей Европы признан Копенгаген. Несколько лет подряд ему принадлежал титул «самого зеленого города мира». Здесь не надо никуда идти, чтобы вырваться из ритма мегаполиса – в городе множество парков и садов, и жители проводят в них много времени. За Копенгагеном идут Амстердам, Стокгольм, Ванкувер и Лондон. В Стокгольме тоже можно повсеместно лежать и сидеть на траве, там очень много площадей, покрытых газонами.

В Великобритании с 1952 г. советы графств и округов получили право учреждать местные природные резерваты, которых теперь насчитывается уже около

двухсот. Большинство из них создано для защиты флоры, фауны и ландшафта в целом, но есть также резерваты геологического и исторического профиля. Многие из них имеют линейный характер, что определяется долиной реки, трассой канала, заброшенного участка железной дороги. Все это свидетельствует об очень большом внимании, которое уделяется в Великобритании охране окружающей среды, и объясняет, почему по доле охраняемых территорий в общей площади она стоит на одном из первых мест в регионе. В Лондоне от любой точки в 5 минутах ходьбы находится парк, где можно сидеть или лежать на траве. 47% площади Лондона занимают зеленые насаждения, 13% – огороды. В Верхнем Сен-Джеймсе расположен Грин Парк, где не высаживаются цветы, только газон и древесно-кустарниковая растительность. Уход и содержание парков осуществляет Агентство по культуре и спорту. Максаковский [1]

Это перечисление можно продолжать бесконечно, но россиянину ближе проблемы отечественных городов и, в частности, столицы, по экологической политике которой равняются другие крупные поселения. Идеология градостроительных решений развитых стран: «город, удобный для жизни»; «зеленый город лучше, чем бетонный город»; «парки важнее домов» – российской урбанистикой также поддерживается, хотя и на словах.

«Я считаю, что Москва более комфортный город по сравнению с другими европейскими столицами», – заявил московский градоначальник С.С. Собянин в интервью «Эху Москвы». Возможно, мэр имел ввиду широкую организацию так называемой «рекреации». Кроме свежеевыкрашенных деревянных столов и скамеек, в большинстве парков «на всех пикниковых точках установлены новые мангалы и бочки для использованного угля, специально вкопанные в землю для предотвращения возгораний, большие контейнеры для мусора и модули с урнами для раздельного сбора

отходов. Стоимость аренды мангала с шампурами и решеткой на три часа составляет 1950 рублей. Столько же стоит трехчасовая аренда комплекта мебели на шестерых отдыхающих. Можно взять напрокат шатер за 5 тысяч рублей на три часа. Если есть желание остаться больше, чем на три часа и съесть еще одну порцию шашлыка, оплата будет более щадящей: за каждый дополнительный час нужно платить 10% от общей стоимости аренды оборудования». [2]

Действительно, «Пикники, сопровождающиеся приготовлением еды на углях, стали для россиян чем-то вроде национального спорта. Соревнования по «шашлычингу» проходят в теплое время года почти в каждой зеленой зоне столицы, причем даже там, где это запрещено» – с восторгом констатируют многие СМИ.

Правда, в Измайловском парке культуры и отдыха разрешены лишь «европейские» пикники с корзинками и бутербродами.

Дело не столько в том, что россиянин не мыслит отдыха на природе без выпивки и закуски, сколько в стремлении властей сделать отдых платным. Все эти точки общепита, площадки для шашлыка и барбекю, торговые павильоны и аттракционы, вытесняющие из парков растительность, дают возможность получения дохода с самого пребывания граждан на территориях общего пользования. Такого рода «освоение» озелененных территорий сопровождается снижением их средозащитной и природоохранной эффективности.

Еще более настораживает мнение мэра о ситуации в Москве с зелеными насаждениями. Столичный градоначальник смог оценить ее лично, облетев город на вертолете. «В парках очень много больных и неухоженных деревьев, которые требуют внимания», – сказал мэр и обещал выделять необходимые средства на решение этой проблемы, добавив, что парки не должны быть изолированы от населения. [3] Наиболее свежий пример приближения парков к населению – строительство

на востоке Москвы в районе Вешняки, на территории лесопарка «Кусково» Северо-восточной автомобильной хорды, платной транзитной трассы, которую планируется передать в концессию.

В соответствии с постановлением Правительства Москвы от 23 ноября 2004 г. № 803-ПП ГУП «НИ и ПИ Генплана Москвы», была разработана документация комплексного экологического обследования, обосновывающая придание территориям правового статуса особо охраняемой природной территории (ООПТ) регионального значения – «Природно-исторический парк «Кусково». Таким образом, лесопарк «Кусково» – природный комплекс № 80 – был предназначен под создание ООПТ в рамках Закона города Москвы № 37 «О схеме развития и размещения особо охраняемых природных территорий в городе Москве» от 6 июля 2005 г. (в ред. 2007 г.) Площадь лесопарка утверждалась официальным документом – постановлением Правительства Москвы № 38 1999 года. Никаких нормативных актов, оправдывающих изъятие участков из этой площади, не принималось.

Материалы комплексного экологического обследования были одобрены положительным заключением государственной экологической экспертизы от 24 июня 2011 г. № 173/ГЭЭ.

Бывшее имение графов Шереметевых, усадебно-парковый ансамбль XVIII в., включающий Государственный музей-усадьбу «Кусково», Государственный музей керамики федерального значения, памятник садово-паркового искусства «Усадьба Кусково» регионального значения и церковь Успения XVII в., имеет также статус объекта культурного наследия федерального значения. В соответствии с ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (ст. 33 ч. 1) «объекты культурного наследия подлежат государственной охране в целях предотвращения их повреждения,

разрушения или уничтожения, изменения облика...», а деятельность, влекущая за собой повреждение, разрушение или уничтожение, изменение облика проектируемой территории как объекта культурного наследия, не допускается.

Общие режимы особой охраны для московских ООПТ всех категорий установлены Законом города Москвы «Об особо охраняемых природных территориях в городе Москве» (ст. 30) и относятся к объектам общенационального достояния (абз. 2 преамбулы ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях»). Любое строительство на территории подобных объектов этим актом запрещено, равно как и законом о памятниках истории и культуры. Земельный кодекс РФ предусматривает выделение в составе земель населенных пунктов зон особо охраняемых территорий, в которые включаются земельные участки, имеющие особое природоохранное, научное, историко-культурное, эстетическое, рекреационное, оздоровительное и иное особо ценное значение, в т.ч. земельные участки, занимаемые в границах населенных пунктов ООПТ, и распространяет на их использование требования, установленные для земель особо охраняемых территорий (ст. 85 ч. 10), в т.ч. ООПТ; Земельным кодексом установлено, что «в пределах земель особо охраняемых природных территорий изменение целевого назначения земельных участков или прекращение прав на землю для нужд, противоречащих их целевому назначению, не допускается» (ст. 95 ч. 3);

Следует особо отметить, что, хотя земли ООПТ Москвы и относятся к землям населенных пунктов (ч. 10 ст. 85 ЗК РФ), они выделяются в зоны ООТ и используются в соответствии с требованиями, установленными ЗК РФ для земель особо охраняемых территорий, в т.ч. для ООПТ (абз. 2 ч. 10 ст. 85; ст. 95).

Таким образом, территория ООПТ «Кусково» обладала высокой степенью правовой защиты.

Строительство новой северо-восточной автомобильной хорды было намечено в соответствии с законом города Москвы от 5 мая 2010 г «О Генеральном плане города Москвы» № 17. Она должна была пройти в стороне от парка, никак его не затрагивая, и, по замыслу законодателя, значительно улучшить транспортную обстановку в городе. В развитие Закона было принято Постановление Правительства Москвы № 218 от 2013 года «Об утверждении проекта планировка участка линейного объекта улично-дорожной сети Северная рокада от Шоссе Энтузиастов до МКАД». Согласно данному постановлению Северо-Восточная хорда должна проходить по заселенным районам, что затрагивает интересы приблизительно 3 млн. москвичей, которые будут ощущать экологические неудобства от ее функционирования в режиме транзитной трассы. Имелась и еще одна сложность: земля под строительство хорды давно распределена между собственниками. Тогда московские чиновники придумали гениальный ход: автомобильную дорогу с 6–8 полосами движения было решено пустить через «ничейный» лесопарк «Кусково». Кроме того, если под шумок некоторые участки парка вывести из состава ООПТ, их можно использовать для разнообразных целей.

Согласно данным Росреестра ООПТ уже несколько лет принадлежат природоохранному бюджетному учреждению города Москвы «Московское городское управление природными территориями» на праве постоянного бессрочного пользования. И оно, и Департамент природопользования, являющийся балансодержателем территории с 2006 года, и государственное природоохранное учреждение «Мосприрода» – правопреемники Спецлесхоза «Исторический», получившие леса в черте города, в том числе Кусково, – устранились не только от защиты лесопарка, но и от любых обсуждений этой темы.

Как уже говорилось, статус ООПТ лесопарка «Кусково» подтвержден еще в 2011 г. заключением Госу-

дарственной экологической экспертизы. Однако сейчас, игнорируя ранее принятый акт, было произведено изменение границы парка с изъятием его значительной части под строительство северо-восточной хорды: 17 мая 2016 года Мэр Москвы подписал соответствующее распоряжение № 237.

В июне-июле 2016 года была осуществлена массовая вырубка насаждений, входящих в состав лесопарка «Кусково» – памятника садово-паркового искусства. Возможно, они показались Мэру «больными и неухоженными». Департамент культурного наследия города Москвы приказом № 134 фактически выполнил задание проектировщиков хорды – изменил границы объекта. Наряду с правовым беспределом, ситуация имеет еще один опасный аспект. Согласно проекту Северо-восточная хорда на протяжении примерно 4-х километров проходит сначала над одним, потом над всеми тремя тоннелями, каналами самого большого канализационного коллектора Москвы: Ново-Люберецкого (запущен в 1962 году), Восточного (1972 г.) и Подводящего (1987 г.). Эти тоннели сначала идут по территории парка «Кусково», а в районе метро Выхино соединяются. В советское время они строились закрытым способом, и ни одно дерево в парке не было спилено. Расположение трассы прямо над коллекторами запрещено строительными нормами СТО НОСТРОЙ 2.17.66 2012 г., но чиновников, проектировщиков, производителей работ это не останавливает. Последствия аварии старого канализационного коллектора в процессе возведения новой трассы даже трудно вообразить.

Против вырубки лесопарка «Кусково» под строительство транспортной магистрали собрано около 144 тысяч подписей граждан. Категорические возражения высказали «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры», Российская академия архитектуры и строительных наук, Совет по правам человека при Президенте Российской Федерации, Московское

городское общество защиты природы, Гринпис России. Тем не менее, с целью «освобождения» территории для строительства была проведена спецоперация с привлечением силовых структур, в ходе которой в лесопарке и его окрестностях было вырублено около 9 га зеленых насаждений. Более десятка граждан, наблюдавших за ситуацией в парке, были превентивно задержаны, хотя они никоим образом не нарушали общественный порядок. Символично, что эта акция произошла в ночь с 28 на 29 декабря, в канун Нового 2017 года, Всемирного года экологии.

Библиографический список

1. *Максаковский, В.П.* Географическая картина мира. Пособие для вузов: Книга II. Региональная характеристика мира В 2 книгах / 3-е изд., исправлен. М.: Дрофа, 2007. 480 с.

2. http://www.m24.ru/articles/73325?utm_source=CopyBuf. nterfax-russia.ru/Moscow/print.asp?id=211460&type=city

Л.П. Дехтерева,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры философии и права МГУЛ

Правовой режим растительного мира вне лесов

Ключевые слова: растительный мир, лес, совокупность растительных организмов, ограниченный режим природопользования

Keywords: flora, forest, collection of plant organisms, limited mode of nature

В контексте российского экологического права растительный мир – это совокупность диких растений (наземных и водных), произрастающих в состоянии естественной свободы на территории государства, в пределах его юрисдикции. Определяя объекты охраны окружающей среды, Федеральный закон «Об охране окружающей среды» называет леса и иную растительность.

С юридической точки зрения лес и растительный мир вне леса являются разными природными объектами и регулируются разным законодательством, хотя в естественно-научном смысле эти природные объекты относятся к растительному миру.

Наиболее полно правовой режим растительного мира разработан в лесном законодательстве. Юридическое понятие «лес», основанное на анализе сферы действия лесного законодательства и содержания права лесопользования, может быть определено как совокупность всех растительных организмов, древесных,

кустарниковых, травянистых и иных растений (мхи, лишайники и т.п.), произрастающих на землях лесного фонда Российской Федерации. Что же касается растительного мира вне лесов, то отношения по поводу его объектов регулируются фрагментарно и бессистемно разными правовыми институтами. Отдельные нормы и правила по использованию и охране растительного мира вне лесов присутствуют в земельном, водном, горном законодательстве, также в законодательстве об особо охраняемых природных территориях. Например, Водный кодекс РФ устанавливает обязанность водопользователей не допускать ухудшения среды обитания растительного мира водоемов и береговой линии.

Для сохранения и восстановления редких и исчезающих видов растений Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» предусматривает создание государственных заповедников, национальных парков, ботанических государственных заказников, а в целях сохранения видовой разнообразия и обогащения растительного мира – дендрологических парков и ботанических садов. В этих целях предусматривается широкий ряд мер. В частности, создание охранных зон с ограниченным режимом природопользования и различных видов функциональных зон, полное изъятие территории государственных заповедников из хозяйственного использования и разное по строгости ограничение хозяйственного использования на территориях других особо охраняемых природных территорий и т.д.

Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды растений заносятся в Красную книгу РФ, в которой предусмотрен режим их использования и охраны. Растения, занесенные в Красную книгу РФ, повсеместно подлежат изъятию из хозяйственного использования. Запрещается деятельность, ведущая к сокращению численности этих растений и ухудшающая среду их обитания.

Очевидно, что наиболее полно правовой режим внелесной растительности разработан природоохранным законодательством и, как правило, регулирует отношения по отношению к растительности вне лесов, расположенной на особо охраняемых природных территориях. На территориях, не имеющих статуса особо охраняемых, такое регулирование либо отсутствует, либо присутствует фрагментарно на местном муниципальном уровне. Закономерным результатом такого положения дел является общая деградация растительных сообществ на фоне глобального экологического кризиса, особенно внелесной растительности.

Необходимо отметить, что уже 80-е годы советские ученые обосновали важность принятия самостоятельного закона «Об охране и использовании внелесной растительности». Тем более актуально это на современном уровне экологического неблагополучия в обществе и потребительского отношения к природе. Таким законом следовало бы:

- установить экологически обоснованные правила и нормы по охране, рациональному использованию и воспроизводству растительного мира вне лесов;

- ввести запреты и даже ограничения на пользование растительным миром, включая неограниченный сбор диких растений, их цветов и т. п. для нужд населения и народного хозяйства, а также для научных целей и ботанических коллекций;

- установить меры, обеспечивающие сохранение благоприятной среды произрастания диких растений, а также меры по пресечению нарушений порядка пользования растительным миром вне лесов.

Большинство ученых, исследующих экологические проблемы, считают, что у человечества есть еще около 40 лет для возврата природной среды в состояние нормально функционирующей биосферы. Но этот период – ничтожно короткий. Необходимо устранение пробелов в правовом регулировании экологических отношений

и соответствие экологического законодательства общественным потребностям и природным императивам.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [с изм. и доп. От 22 августа 2004 г.] // СЗ РФ. – 2004. – № 35. – Ст. 3607.

2. Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» // СЗ РФ. – 1995. – № 12. – Ст. 1024.

3. Земельный кодекс Российской Федерации. Принят 25 октября № 136-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 30. – Ст. 3018. [с изм. и доп. в редакции Федерального закона от 23.06.2014 № 171-ФЗ].

4. Водный кодекс РФ. Принят 2006 г. №74-ФЗ // СЗ РФ. – 2006. – № 23. – Ст. 2381.

5. Лесной кодекс РФ. Принят 4 декабря 2006 г. №200-ФЗ // СЗ РФ. – 2006. – № 50. – Ст. 5278.

6. Постановление Правительства РФ от 19 февраля 1996 г. № 158 «О Красной книге Российской Федерации» // СЗ. – 1996. – № 9. – Ст. 808.

7. Постановление Правительства РФ от 16 июня 1997 г. № 727 «О создании и развитии пригородных зеленых зон г. Москвы и городов Московской области» // СЗ РФ. – 1997. – № 25. – Ст. 2945.

8. *Колбасов О. С.* Основные направления правотворчества в области охраны окружающей природной среды // Советское государство и право. – 1980. – № 3. – С. 72–77.

9. *Искоян А.Б.* Правовое регулирование охраны и использования растительного мира. – Ереван, 1987. С. 116–117.

10. *Данилов-Данильян В.И.* Перед главным вызовом цивилизации. Взгляд из России / *В. И. Данилов-Данильян, К.С. Лосев, И. Е. Рейф.* – М: ИНФРА-М, 2005.

В.А. Попов,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Юриспруденция,
интеллектуальная собственность
и судебная экспертиза» МФ МГТУ им. Баумана

Уголовно-правовая характеристика незаконной рубки лесных насаждений ст. 260 УК РФ

***Ключевые слова:** Незаконная вырубка лесных насаждений,
экологическая система*

***Key words:** Illegal deforestation of forest plantations,
ecological system*

Лес, наряду с другими природными ресурсами, является национальным достоянием России. Это природное богатство включает в себе огромный ресурсный потенциал и выполняет различные экологические, экономические, культурные и рекреационные функции. Однако его ценность по сравнению с нефтью и газом сильно недооценена. Лесная отрасль экономики находится в упадке, хотя при должном внимании со стороны государства могла бы составлять 7–8% ВВП. Сырьевая экономика не дает возможности развиваться деревообрабатывающему производству, устанавливая экономические законы, по которым выгоднее реализовывать сырье, чем конечный продукт. Такое бесхозяйственное отношение к лесу дает возможность развиваться преступным группам, занимающимся незаконной рубкой и незаконным оборотом древеси-

ны. Незаконные рубки леса в значительно большем объеме стали осуществляться организованно, профессионально, с использованием современной техники. Согласно статистическим данным ФКУ «ГИАЦ МВД России» в 2013 году зарегистрировано 14600 преступлений, предусмотренных статьей 260 УК РФ, в 2014 году на 0,7% больше (14703 преступления). Однако предварительно расследовано из них менее 50% (в 2013 году – 6598 уголовных дел, в 2014 году – 6614). На протяжении анализируемого периода наблюдается динамика снижения числа уголовных дел, направляемых в суд (в 2013 году на 9,3% в 2014 году на 12,8%). Кроме того, более 40% преступлений данной категории остаются нераскрытыми: в 2013 году по основаниям, предусмотренным пунктом первым части первой статьи 208 УПК, приостановлено 7631 уголовных дел, в 2014 году – 8114.

Негативная динамика статистики раскрываемости данной категории дел обусловлена обстоятельствами объективного и субъективного характера.

Часто возникают сложности в разграничении преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ, с административными правонарушениями в сфере лесопользования. Не редкость случаи, когда за счет уменьшения таксовой стоимости причиненного ущерба осуществляется переквалификация преступления в административное правонарушение, и виновные избегают уголовной ответственности. Правоохранительные органы вообще недооценивают общественную опасность данного вида преступлений, а суды крайне редко назначают по ст. 260 УК РФ реальное лишение свободы. В настоящей статье, для более четкого понимания объекта, предмета объективной и субъективной стороны данного преступления попытаемся рассмотреть его уголовно-правовую характеристику.

Уголовно-правовая характеристика ст. 260 «Незаконная рубка лесных насаждений» УК РФ показы-

вает, что объектом данного преступления являются общественные отношения по охране, рациональному использованию и воспроизводству лесов и древесно-кустарниковой растительности в лесохозяйственной сфере.

Предметом незаконной рубки лесных насаждений выступают лесные насаждения или не отнесенные к лесным насаждениям деревья, кустарники, лианы. Привлекая к уголовной ответственности за незаконную рубку, дознаватель или следователь рассчитывает стоимость срубленных лесных насаждений или не отнесенных к ним деревьев, кустарников, лиан. Таким образом, в правоприменительной практике по ст. 260 УК РФ лес фактически не рассматривается в качестве предмета данного преступления ввиду отсутствия законодательного определения его понятия. В ст. 5 ЛК РФ говорится лишь о понимании леса как экологической системы, что порождает двойственное отношение к его пониманию при исчислении размера вреда. Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 02.06.2015 № 12-П предлагается следующая позиция: «В силу двойственности понятия «лес» при регулировании отношений по возмещению вреда в тех случаях, когда лес рассматривается как экосистема, превалирует экологический фактор и проявляются особенности особой экологической ответственности, предполагающей расходы на восстановление всех компонентов экосистемы на поврежденном участке; если же речь идет о лесе как природном ресурсе, то лес рассматривается в качестве экономической категории, а потому в причиненный ущерб включается стоимость утраченных компонентов, что характерно для компенсаторной функции, выполняемой гражданским законодательством». [1] Следовательно, возмещение вреда экологической системе «Лес», причиненного незаконной рубкой лесных насаждений, возможно только путем предъявления гражданского иска в уголовном процессе.

Имеются сложности и с пониманием, в чьем ведении находится лесной участок, где произведена незаконная рубка. В силу ч. 1 ст. 6 ЛК РФ леса могут располагаться «как на землях лесного фонда, так и землях иных категорий». Таким образом, предметом преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ, следует считать деревья, кустарники и лианы, произрастающие на землях лесного фонда, а также в лесах, не входящих в лесной фонд: на землях транспорта, населенных пунктов (поселений), на землях водного фонда, землях обороны и землях иных категорий, а равно деревья, кустарники и лианы, которые не отнесены к лесным насаждениям и произрастают вне леса. При этом необходимо учитывать, что не являются предметом данного преступления деревья и кустарники, произрастающие на землях сельскохозяйственного назначения (за исключением лесозащитных насаждений), на приусадебных дачных и садовых участках, ветровальные, буреломные деревья и т. п., если иное не предусмотрено специальными правовыми актами.

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного частью первой статьи 260 УК, выражается в незаконной рубке, а равно повреждении до степени прекращения роста лесных насаждений или не отнесенных к лесным насаждениям деревьев, кустарников, лиан, если эти деяния совершены в значительном размере.

В соответствии с пунктом 16 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 под рубкой лесных насаждений или не отнесенных к лесным насаждениям деревьев, кустарников и лиан следует понимать их спиливание, срубание или срезание, то есть отделение различным способом ствола дерева, стебля кустарника и лианы от корня [2].

Незаконной является рубка указанных насаждений с нарушением требований законодательства, например, рубка лесных насаждений без оформления необходи-

мых документов (проекта освоения лесов, договора купли-продажи лесных насаждений; государственного или муниципального контракта на выполнение работ по охране, защите, воспроизводству лесов), либо в объеме, превышающем разрешенный, либо с нарушением породного или возрастного состава, либо за пределами лесосеки.

При определении размера причиненного ущерба следует руководствоваться постановлением Правительства РФ от 8 мая 2007 г. № 273 «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства». [3] В каждом конкретном случае размер ущерба исчисляется исходя из объема незаконно заготовленной древесины, который на практике определяется при помощи соответствующих методик, утвержденных вышеуказанным постановлением.

Субъектом рассматриваемого состава преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет.

С субъективной стороны незаконная рубка или повреждение до прекращения роста лесных насаждений совершается только умышленно.

Основным критерием разграничения преступления (часть первая статьи 260 УК) и административного правонарушения (статья 8.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП), является значительный размер ущерба, причиненный посягательством, который должен превышать пять тысяч рублей (примечание к статье 260 УК).

Другим подобным критерием отграничения рассматриваемого преступления от административного правонарушения является степень повреждения лесных насаждений. Если повреждение насаждений не привело к прекращению их роста, содеянное влечет административную ответственность.

Еще одна особенность применения ст. 260 УК РФ определяется ее бланкетным характером. Уголовная

ответственность по ст. 260 УК РФ возможна в случае причинения ущерба в значительном, крупном или особо крупном размере. Значительным размером в настоящей статье признается ущерб, причиненный лесным насаждениям или не отнесенным к лесным насаждениям деревьям, кустарникам и лианам, исчисленный по утвержденным Правительством Российской Федерации таксам и методике, превышающий пять тысяч рублей, крупным размером – пятьдесят тысяч рублей, особо крупным размером – сто пятьдесят тысяч рублей. Таким образом, для возбуждения уголовного дела по данной статье, необходимо установить ущерб свыше пяти тысяч рублей. Отсылка к Постановлению Правительства РФ от 8 мая 2007 г. № 273 «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» и расчет ущерба по методике, установленной данным постановлением является необходимым условием применения ст. 260 УК РФ к лицу, совершившему незаконную рубку.

Библиографический список

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.06.2015 № 12-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Заполарнефть» // <http://www.consultant.ru/>

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 26.05.2015) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // <http://www.consultant.ru/>

3. Постановление Правительства РФ от 08.05.2007 № 273 (ред. от 11.10.2014, с изм. от 02.06.2015) «Об исчислении раз-

мера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» (вместе с «Методикой исчисления размера вреда, причиненного лесам, в том числе лесным насаждениям, или не отнесенным к лесным насаждениям деревьям, кустарникам и лианам вследствие нарушения лесного законодательства») // <http://www.consultant.ru/>

Л.В. Хроленкова,
старший преподаватель кафедры юриспруденции,
интеллектуальной собственности
и судебной экспертизы
Мытищинского филиала МГТУ им. Н.Э. Баумана

Приоритетные инвестиционные проекты правового регулирования лесных дорог

Ключевые слова: лесная дорога, лесная инфраструктура
Key words: Forest road, forest infrastructure

Все исследователи, лесного дорожного хозяйства, лесной инфраструктуры, сходятся во мнении, что существует острая необходимость развития транспортной инфраструктуры в первую очередь в регионах, обладающих значительным ресурсным потенциалом и наиболее приближенных к рынкам лесопродукции. Это обусловлено тем, что в период бурного роста заготовки древесины в нашей стране транзитными транспортными путями для освоения лесных ресурсов служили реки и немногочисленные железнодорожные магистрали. Сегодня ресурсы в этих зонах истощены, а их восстановление произойдет не ранее, чем через 50-100 лет. Развитие новых точек лесозаготовки невозможно без создания соответствующей инфраструктуры, в том числе дорожной и, как следствие, без соответствующего финансирования – больших объемов, как частных, так и государственных инвестиций.

Лесное хозяйство сопоставимо со сложными экономическими системами с длительным производственным циклом. Оно нуждается в особом подходе

при планировании, управлении, логистике, а также самостоятельном законодательном регулировании.

Лесные дороги – одна из самых болезненных, плохо решаемых и одновременно щекотливых тем в лесном комплексе. Говоря о лесной инфраструктуре, как правило, все акцентируют внимание на том, что недостаток или полное отсутствие сети лесных дорог привело к крайне неравномерному развитию лесных территорий, а нежелание государства делать конкретные шаги по финансированию этого направления приводит к еще большему «перекосу». Но у проблемы лесных дорог есть еще один, скрытый от посторонних взглядов аспект.

Разговоры о том, что мощнейшая лесная держава, Россия, не может поддаться к нетронутым из-за бездорожья ресурсам, что ведет к дальнейшему истощению сырьевой базы в традиционных лесопромышленных зонах, конечно, справедливы. Но в тени этой глобальной проблемы остается другой вопрос – денежные средства. А точнее, то, как их можно истратить на законных основаниях и при этом создать необходимую для лесозаготовки инфраструктуру. Основаниями могут служить изменения в законодательство, которые приблизят правовые нормы к реальной жизни и фактически узаконят давно действующий на практике порядок финансирования объектов лесной инфраструктуры.

Строительство лесных дорог – лучший способ повышения капитализации государственной собственности. Развитие и функционирование лесного дорожного хозяйства в ряде зарубежных стран урегулировано специальным законодательством, имеются даже специализированные государственные организации, осуществляющие балансовый учет лесных дорог, их мониторинг и инспекцию. Однако в России правовой режим этого важнейшего объекта лесной инфраструктуры по-прежнему не определен.

Слабое инвестиционное обеспечение деятельности лесного комплекса является одной из основных проблем использования лесных ресурсов.

В современных условиях остро стоит проблема привлечения инвестиций в лесной комплекс. Это связано как с низкой инвестиционной привлекательностью отрасли, так и с недостатками правового регулирования инвестиционной деятельности и юридической защиты прав инвесторов. Действующая система привлечения инвестиций в лесную инфраструктуру и в лесной сектор в целом требует существенной переработки и переосмысления. Требуется выявить положительный опыт в данной сфере, использовать новые рациональные идеи, направить на сочетание экономических и правовых инструментов регулирования строительства и эксплуатации лесных дорог. Для получения желаемого социально полезного результата правовое регулирование должно осуществляться с учетом действующей нормативной базы при сочетании публично-правового и гражданско-правового методов регулирования. Экономически доступные лесные ресурсы страны истощены. Границы зоны преобладания мелколиственных и смешанных лесов примерно совпадают с границами транспортно освоенной, относительно густонаселенной и экономически доступной (с точки зрения лесопользования) территории страны.

В наибольшей степени истощены запасы той древесины, которая наиболее востребована российской лесной промышленностью, – крупномерного высококачественного пиловочника хвойных и твердолиственных пород, фанерного кряжа, наиболее удобные для лесопользования (расположенные вблизи дорог, в равнинной местности, на лесных землях наивысшей продуктивности, в местах, пригодных для летней заготовки древесины, в наиболее населенных районах и на «экономически оправданном» расстоянии от основных потребителей). Истощение запасов спелых хвойных лесов не компенсируется вступлением в возраст спелости более молодых насаждений в лесах, ранее вовлеченных в эксплуатацию.

«О приоритетных инвестиционных проектах в области освоения лесов» (вместе с «Положением о подготовке и утверждении перечня приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов» (Утверждено Постановлением Правительства РФ от 30.06.2007 № 419) (ред. от 09.06.2014) [5] стало одним из первых документов, направленных на повышение инвестиционной активности лесной отрасли. Этот документ ориентирован на привлечение частных инвестиций в лесной сектор, в том числе в развитие лесной инфраструктуры.

Проблема привлечения инвестиций осложняется низкой инвестиционной привлекательностью отрасли, отсутствием правового регулирования инвестиционной деятельности и юридической защиты прав инвесторов.

В настоящее время законодательно не определено, кто и за счет каких средств будет строить лесные дороги. В федеральном бюджете на 2017 г. и на плановый период о них не упоминается. Правовыми актами в области лесопользования проблема создания дорожной сети лесного фонда не разрешена. Поскольку ЛК РФ не содержит нормы о концессии лесных участков, а специальный правовой акт о них отсутствует, соответствующие вопросы регламентируются Гражданским кодексом Российской Федерации. Но гражданское законодательство не может регулировать отношения договора лесной концессии, которая является институтом публичного права. Поэтому целесообразно вернуть в ЛК РФ статью, касающуюся концессии, а также внести соответствующие изменения и дополнения о реинвестиции части концессионного дохода государства в развитие лесных дорог с твердым покрытием круглогодичного пользования для регионов, на территории которых выделены леса под концессию.

Лучшим способом выбора концессионера является конкурс с открытыми и понятными процедурами выбора и принятия решений.

Успешное решение многих проблем, связанных с установлением института лесных концессий в России, возможно, будет связано с созданием независимых агентств по лесным концессиям. Нормативно-правовая база института лесных концессий должна включать широкий набор документов, начиная от необходимых изменений ЛК РФ и кончая образцами типовых договоров на все процедуры лесной концессии.

Институт лесной концессии может стать основой для повышения инвестиционной привлекательности лесной отрасли, способствуя, таким образом, привлечению инвестиций в строительство и модернизацию сети лесных дорог.

Предлагаемые меры государственной поддержки привлечения инвестиций в лесной сектор путем снижения арендной платы требуют дальнейшего развития и практической апробации. Прогрессивность предложенного механизма заключается в том, что он стимулирует привлечение инвестиций в освоение лесов, способствует повышению экономической, социальной и бюджетной эффективности лесного сектора и позволяет оказать государственную поддержку малому и среднему бизнесу в лесной сфере.

Статья 22 ЛК РФ [1] предусматривает возможность инвестиционной деятельности в области освоения лесов, осуществляемой в соответствии с Федеральным законом от 25.02.1999 № 39-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» [4].

Под инвестиционной деятельностью понимаются капитальные вложения в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта.

В соответствии с ФЗ от 25.02.1999 № 39-ФЗ капитальными вложениями признаются инвестиции в основной капитал (основные средства), в том числе затраты на новое строительство, реконструкцию и тех-

ническое перевооружение действующих предприятий, приобретение машин, оборудования, инструмента, инвентаря, проектно-изыскательские работы и другие затраты [4].

Согласно ч. 2 ст. 22 ЛК РФ объектами капитальных вложений в области освоения лесов являются объекты создаваемой и (или) модернизируемой лесной инфраструктуры и лесоперерабатывающей инфраструктуры (ст.ст.13 и 14 ЛК РФ) [1].

Необходимо ввести новую правовую дефиницию – лесотранспортная инфраструктура, под которой должна пониматься совокупность всех лесных дорог, обеспечивающих доступ к лесным участкам. Именно лесотранспортная инфраструктура является основообразующей для создания лесной и лесоперерабатывающей инфраструктуры.

Таким образом, основными проблемами неэффективности созданного на настоящий момент механизма привлечения инвестиций в лесную инфраструктуру, освоение и развитие новых лесных территорий является:

а) существенная дискриминация малого и среднего бизнеса в лесной сфере, ограничение доступа его к средствам государственной поддержки и одновременная недостаточность средств такой поддержки для крупного бизнеса;

б) недостаточный стимулирующий эффект льготного инвестиционного механизма, направленного на побуждение к продвижению лесопромышленников в глубь леса;

в) недостаточный учет региональных особенностей в ходе назначения льготных инвестиционных механизмов при очевидной неравномерности потребностей субъектов РФ в объеме инвестиций на развитие лесной инфраструктуры. Наличие подобного учета могло бы служить полезным инструментом при распределении финансовых потоков. Такие недостатки в системе финансирования вполне предсказуемы и в определенной

степени неизбежны в условиях слабо контролируемого рынка.

В 2016–2017 гг. в лесное законодательство были внесены многочисленные изменения, касающиеся в частности правового положения лесной инфраструктуры. Тем не менее, оно еще не полностью отвечает целям лесного хозяйства и лесопромышленного комплекса в части правового регулирования финансирования, строительства и эксплуатации лесных дорог, а также стимулирования этой деятельности.

В развитие ЛК РФ разработаны подзаконные нормативные документы, которые так или иначе касаются развития лесной инфраструктуры, тем не менее, многие аспекты в рассматриваемой области остаются неурегулированными [5]. Особенно это касается проблем финансирования создания, эксплуатации и демонтажа лесных дорог.

Библиографический список

1. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2017) // СЗ РФ. 2006. № 50. Ст. 5278.

2. Лесной кодекс Российской Федерации от 29.01.1997 № 22-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 5. Ст. 610. (утратил силу).

3. Федеральный закон РФ от 08.11.2007 № 257-ФЗ (ред. от 07.02.2017) «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 46. Ст. 5553.

4. Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // СЗ РФ. 1999. № 9. Ст. 1096.

5. Постановление Правительства РФ от 30.06.2007 № 419 (ред. от 09.06.2014) «О приоритетных инвестиционных проектах в области освоения лесов» (вместе с «Положением о подготовке и утверждении перечня приоритетных инвести-

ционных проектов в области освоения лесов») // СЗ РФ. 2007. № 30. Ст. 3935.

6. Постановление Правительства РФ от 05.12.2001 № 848 (ред. от 06.10.2015) «О федеральной целевой программе «Развитие транспортной системы России (2010–2020 годы)» // СЗ РФ. 2001. № 51. Ст. 4895.

7. Комментарий к Лесному кодексу Российской Федерации (постатейный) / (С.А. Боголюбов, М.И. Васильева, Ю.Г. Жариков (и др.); под ред. С.А. Боголюбова. – Москва: Проспект, 2013. – 400 с.

Г.А. Закарин,
аспирант секции кафедры
«Юриспруденция, интеллектуальная собственность
и судебная экспертиза»
МФ МГТУ им. Н.Э. Баумана

Специфика правового режима и содержания природного комплекса в городах российского Севера

Ключевые слова: природный комплекс, городские леса, правовой режим, биоразнообразие, озелененные территории, полярные области, интродукция.

Keywords: nature complex, urban forests, legal regime, biodiversity, greened territories, polar areas, introduction

Зеленые насаждения выступают в качестве наиболее эффективного и экономичного средства повышения комфортности и качества среды жизни горожан. Важнейшим и наиболее стабильным компонентом зеленых насаждений являются древесные и древесно-кустарниковые формы. Их роль возрастает в условиях сурового климата, характерного для северных районов России.

Большинство северных городов расположены на обширной и ровной континентальной платформе, где при определенных погодных условиях проветриваемость территории снижается на длительный срок до экологически опасного минимума, или, наоборот, характеризуется шквалистыми ветрами, а температура воздуха периодически может опускаться до очень низких отметок. Уменьшение лесистости и увеличение

площади застройки в таких районах (что характерно и для других регионов страны) существенно усиливает проявление опасных для природы и человека факторов.

Вегетативный период у растений, в который они оказывают особенно благотворное влияние на окружающую среду (далее – ОС) и микроклимат, на высоких широтах он продолжается менее, чем полгода. Северная природа легко ранима, отличается низкой устойчивостью и ограниченными восстановительными способностями.

Сохранение биологического разнообразия, являющегося основой существования городских природных комплексов, предусматривает ряд мероприятий, направленных на строгую регламентацию природопользования. Это особенно актуально на антропогенно трансформированных территориях, к которым относятся зеленые насаждения и леса северных городов и других населенных пунктов. Нормативные показатели плотности городских насаждений разработаны дифференцированно по природно-климатическим зонам. Условно вся РСФСР была разделена на пять природных зон применительно к климатическому зонированию, принятому по СНиП II-A 6-62. Согласно ему, рассматриваемые территории относятся к северному району Нечерноземной зоны.

Мурманск (до 1917 г. – Романов-на-Мурмане) не относится к числу крупнейших городов России, но остается самым крупным городом мира за Полярным кругом. Город площадью 0,15 тыс. кв. км занимает акваторию Кольского залива. 43% территории приходится на городские леса, менее половины процента – на зеленые насаждения общего пользования. Согласно п. 2.6.16. «Правил благоустройства территории муниципального образования города Мурманска» выделяются объекты озеленения – «участки земли, на которых располагаются: растительность естественного происхождения, искусственно созданные садово-парковые

комплексы, бульвары, скверы, газоны, цветники, альпийские горки, в том числе малозастроенная территория жилого, общественного делового, коммунального и производственного назначения в пределах которой не менее 70 процентов поверхности занято растительным покровом» [1].

Разработана ведомственная целевая программа «Инвентаризация зеленого фонда города Мурманска» на 2012–2013 гг.; функционирует межрайонная природоохранная прокуратура, защищающая интересы жителей в случаях незаконной вырубке имеющихся зеленых насаждений. Закон Мурманской области от 06 июня 2003 № 401-01-ЗМО «Об административных правонарушениях» предусматривает штрафные санкции за вред, наносимый газонам, участкам с зелеными насаждениями, территориям скверов.

Уязвимость зеленых насаждений северных поселений обуславливает особенности их содержания. Например, в Архангельске и в Архангельской области (устье рек Северная Двина и Онега, Морской порт Онега) ведутся реестры зеленых насаждений, куда заносятся деревья и кустарники, рекомендованные под обрезку, в зависимости от состояния – сильную или слабую. При этом учитываются обращения граждан, судебные решения по обязательности свода, результаты ревизий по состоянию зеленых насаждений.

В городах региона существует проблема тополей, которые как представители быстрорастущего вида в полярных областях быстро старятся, дряхлеют, крупные сухие ветки представляют серьезную опасность при падении, растрескивающиеся и загнивающие сучья способствуют проникновению гнилей и других заболеваний в древесину здоровых деревьев. В Архангельске и в Архангельской области разработана методика сезонной обрезки, когда убирается вся крона дерева, чтобы оно обросло новыми ветвями в следующем сезоне. Деревья в результате такой процедуры омоложения

меняют свой облик. Такая же радикальная обрезка производится около жилых домов, на детских площадках, а также в отношении экземпляров, растущих группами или рядами вдоль основных транспортных магистралей. Постоянный контроль за состоянием зеленых насаждений, поддержанием их эстетичного вида, выявлению деревьев, представляющих опасность для населения, осуществляют в администрациях территориальных округах Архангельска.

Видовой состав деревьев и кустарников зеленых насаждений улиц г. Архангельска их размещение и количество колеблется по разным округам от 7 до 35. Наибольшее видовое разнообразие присуще центральным районам города, число экземпляров деревьев и кустарников на 1 км транспортного проезда составляет 2447 экземпляров.

Однако на улицах города отмечена высокая встречаемость патологий листьев у древесных растений. Абсолютно для всех пород характерен краевой (53–70% >) и точечный (31–56%) некрозы. Установлено, что наименьшая доля площади листа с патологиями у сирени (33%) и березы (41%), а наибольшая – у тополя бальзамического (71% >).

Зеленые зоны в Архангельской области являются особо охраняемыми территориями (далее – ООПТ) местного значения.

Лесами в Архангельской области покрыто не менее 22,9 млн га, что по отношению к общей площади земель составляет 55%. Однако в состав Архангельской области входят абсолютно безлесные архипелаги – Земля Франца-Иосифа и Новая Земля, а также ряд других более мелких, но безлесных островов Северного Ледовитого океана общей площадью 10,4 млн га. Поверхность этих островов покрыта ледниками, скальными обнажениями, полярными пустынями и арктическими тундрами. Доля лесных земель в площади области без арктических островов составляет 74%, что соответствует показателю многолесных регионов России.

В черте г. Архангельска присутствуют отдельные массивы хвойного леса, которые являются важнейшей составной частью рекреационно-защитного пояса и выполняют важную функцию, дополняя искусственные насаждения. Они находятся в ведении мэрии города, но ведение лесного хозяйства осуществляет Архангельский лесхоз. Была запланирована инвентаризация городских парков, которая необходима для реализации региональной программы «Экология города Архангельска (2013–2015 гг.)». Специалисты Архангельского ФГУП «Рослесинфорг» планируют также провести лесоустройство в городских лесах муниципального поселения Североонежск, известного добычей алюминиевых руд – бокситов

Совсем другая ситуация наблюдается в республике Коми. В первой четверти XX в. г. Усть-Сысольск (ныне Сыктывкар), расположенный в устье реки Сысола при впадении ее в реку Вычегду, застраивался без учета перспектив дальнейшего развития, что повлияло на организацию озеленения. Благоустройство города отличалось крайне низким уровнем. Массовые посадки деревьев начались в 1930-е годы XX века. Теперь (данные 2014 г.) общая площадь земель в пределах городской черты равна 16159 га. Согласно сведениям, представленным Администрации МО ГО Сыктывкар, площадь зеленых насаждений города составляет 5500 га, что примерно равняется трети территории города, но древесно-кустарниковая растительность располагается крайне неравномерно. Городские леса в пределах МО ГО Сыктывкар согласно данным лесоустройства занимают площадь 2887,0 га.

Председатель Комитета Госсовета Коми по природным ресурсам, природопользованию и экологии заявил, что содержание городских лесов требует больших материальных затрат, но средства на них не заложены в муниципальных бюджетах. Однако Сыктывкарской природоохранной межрайонной прокуратурой направ-

лены иски в суды с требованием провести работы по межеванию, регистрации прав собственности, лесоустройству, разработке лесохозяйственных регламентов, обеспечению пожарной безопасности.

Одной из форм увеличения биоразнообразия городских зеленых насаждений служит интродукция. Единственными факторами, которые нельзя модифицировать искусственно в условиях российского Севера, являются экстремально низкие зимние температуры и короткая продолжительность фотопериода. Именно эти характеристики выступают основными обстоятельствами, препятствующими интродукции. Кроме того, возможность введения в культуру новых видов ограничено преобладающими ветрами. Так, на Кольском Севере в условиях экспериментальной станции близ г. Апатиты был поставлен щитовой экран для *Tilia cordata*. Оказалось, что экранированное от ветра растение имело вид дерева, а не экранированное – кустарниковую форму

Для флоры парковых территорий городов Карелии характерно преобладание бореальных элементов. Анализ видового состава древесных растений показал, что наибольшим богатством отличаются южные районы Карелии – г.г. Петрозаводск, Кондопога, Сортавала. Хотя все эти города находятся в одной зоне устойчивости, имеются разные причины увеличения биоразнообразия интродуцированной флоры. Для Петрозаводска это связано с его 300-летней историей. Из провинциального городка XVII века он превратился в столицу Карелии, которая практически на протяжении всего периода своего существования интенсивно озеленялась древесными экзотами. К периодам наибольшей «озеленительной» активности относятся 50-70 годы XX столетия и начало XXI.

В отличие от Петрозаводска город Сортавала имеет сложную интернациональную историю и видовое богатство древесных и кустарниковых растений. Это

связано с более высоким уровнем культуры озеленения, характерной для Финляндии, к которой до 1945 г. относилась Сортавала. Большое число частных усадеб, частных школ, фермерских хозяйств определило богатое видовое разнообразие интродуцентов г. Сортавала. Эти особенности стали современными тенденциями развития, что быстро ведет к заметному увеличению числа новых высоко декоративных видов в озеленении всех городов Карелии. Наиболее заметно это в Петрозаводске и относительно молодой Кондопоге. На этапе развития частного озеленения процесс имеет хаотический характер, и используемые виды выбираются не на основании научной «интродукционной» характеристики вида, а только в соответствии с пожеланием заказчика. Период «стихийной» интродукции (очень дорогой и не всегда перспективной) должен смениться на интродукцию научную; предлагаемый ассортимент высоко декоративных интродуцированных видов необходимо готовить исходя из их интродукционных возможностей.

Согласно «Программе развития и сохранения зеленых зон Петрозаводского городского округа на 2011–2013 гг.», площадь насаждений общего пользования в городе составляет 181,1 га, из них благоустроены около 140 га. Обеспеченность зелеными насаждениями составляет 6,8 кв. м на 1 жителя при нормативе площади зеленых насаждений для Петрозаводска – 10 кв. м. на 1 жителя. Таким образом, в Петрозаводском городском округе наблюдается серьезный недостаток озелененных и благоустроенных территорий.

В Карелии существует еще одна проблема, связанная с природным комплексом. В 12 городах имеется 22 городских парка, находящихся в разной степени упадка. Только один парк (Губернаторский сад г. Петрозаводска) отреставрирован и находится в хорошем состоянии, имеются парки в относительно хорошем состоянии (парк Культуры и отдыха г. Сортавала; парк

ОТЗ г. Петрозаводска); остальные имеют удовлетворительное состояние. Часть парков совсем заброшена, в них полностью отсутствует уход. Как правило, в заброшенных парках происходит нарушение дренажной системы, разрушение дорожно-тропиночной сети, усиливаются неконтролируемые рекреационные нагрузки, происходит изменение видового состава травянистых растений, разрастание ряда видов кустарников, появление самосева древесных пород. Но наиболее губительно для городских парков антропогенное влияние различного характера и интенсивности.

Городские леса занимают примерно половину площади Петрозаводска. В результате реализации Генерального плана, который создавался без учета природной и рекреационной ценности городских лесов, застройка угрожает многим лесным территориям, которые традиционно используются жителями для отдыха. На недавно прошедших в столице Карелии публичных слушаниях было предложено внести поправки в Правила землепользования и застройки города. Эти изменения позволяют перевести более 13 га природно-рекреационных территорий карельской столицы в зоны застройки.

Некоторую надежду внушают разногласия городских властей и групп элиты, которые еще не определились: то ли Петрозаводск будет промышленным центром, то ли поселением экологического типа.

В Лесном кодексе Российской Федерации и многочисленных изменениях, вносимых в его текст, до сих пор не освещен правовой режим охраны и использования городских лесов. Отсутствие единого базового понятия порождает трудности при инвентаризации и установлении функциональных зон на практике, а неимение четких законодательных установлений создает возможность лавирования в правовом поле для отчуждения участков городских лесов, главным образом, для строительства разнообразных объектов: коммерческого

жилья, ТРЦ, станций ТО автомобилей, прокладки дорог и пр. Между тем, изменение вида разрешенного использования городских лесов только путем принятия или внесения изменений в правила землепользования и застройки противоречит федеральному законодательству. Государственная Дума Федерального собрания РФ еще в 2012 г. провела парламентские слушания по проблемам правового регулирования режима городских лесов. Для исправления существующего положения специалистами были внесены ряд практических предложений. Однако за прошедшие 4 года положение не изменилось. Таким образом, судьба городских лесов и природного комплекса городов российского севера внушает серьезные опасения.

Библиографический список

1. *Королева, Н.Е.* Растительность Мурманской области как компонент биоразнообразия / Вестник МГТУ том 12, № 1, 2009 г., с.153–166

2. *Боголюбов, С.А.* Экологическое право: учеб. – М.: Проспект, 2009, с. 270.

3. *Майорова, Е.И.* Некоторые эколого-правовые проблемы Арктического региона, Лесной вестник том 19, № 4, 2015 г., с.110–116.

С.М. Майорова,

стажер-исследователь лаборатории
судебно-экологических экспертиз
Российского Федерального центра
судебной экспертизы при Минюсте РФ

Возможности использование судебно-экологических исследований при разрешении гражданских и арбитражных дел

Ключевые слова: объекты окружающей среды, материальный ущерб, стоимость восстановления, судебно-экологическая экспертиза

Keywords: Objects of the environment, material damage, the cost of restoration, forensic and environmental examination

Федеральный закон от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (с изменениями и дополнениями, внесенными Федеральным законом от 21 июля 2014 года № 219-ФЗ [6], далее – Закон об ОС) не содержит определения экологического правонарушения. Между тем в статье 81 ранее действующего Закона РСФСР от 19 декабря 1991 года № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды» было дано определение данного понятия – «виновное, противоправное деяние, нарушающее природоохранительное законодательство и причиняющее вред окружающей природной среде и здоровью человека».

В настоящее время широко используется определение экологического правонарушения, предложенное

М.М. Бринчуком: это совершаемое правоспособным субъектом, как правило, виновное противоправное деяние (действие или бездействие), которое нарушает права и законные интересы субъектов экологического права либо причиняет экологический вред или создает реальную угрозу причинения такого вреда [2].

Пункт 2 ст.15 ГК РФ устанавливает, что в понятие «ущерб» (реальный, то есть материальный ущерб) входят, прежде всего, расходы, которые должен будет произвести истец для восстановления своего нарушенного права.

Ст. 42 Конституции РФ закрепляет право гражданина на возмещение ущерба, нанесенного экологическим правонарушением. Однако законодательство и юридическая литература помимо возмещения ущерба рассматривают также необходимость возмещения вреда, причиненного окружающей среде.

С точки зрения гражданского законодательства, термин «вред» является наиболее общим и охватывает реальный ущерб, упущенную выгоду, а также моральный вред. Моральный вред, причиненный разрушением окружающей среды (далее – ОС), не является в настоящее время правовой категорией, общепринятой в правоприменительной практике, поэтому в отношении объектов ОС наиболее широко используется термин «ущерб».

В действующих правовых актах понятие «ущерб ОС» определяется путем перечисления результатов антропогенного воздействия (загрязнение, засорение, истощение природных ресурсов и др.), разрушительного для природы.

Учитывая определенную умозрительность большинства норм экологического права на современном этапе развития страны и сложность их применения, реальное получение возмещения ущерба, нанесенного экологическим правонарушением, представляет значительные трудности. С целью ввести эту операцию в законода-

тельные рамки в 2013 г. в Российском Федеральном центре судебной экспертизы (РФЦСЭ) при Минюсте России была утверждена программа подготовки по экспертной специальности 24.3 «Исследование экологического состояния объектов окружающей среды в целях определения стоимости восстановления». Результаты исследований по данной специальности призваны способствовать справедливому решению дел, возбужденных по составам ст. ст. Глав 8 КоАП РФ и 26 УК РФ, а также по гражданским и арбитражным делам.

Согласно ст. ст. 79 ГПК РФ, 26.4 КоАП РФ эксперт привлекается в тех случаях, когда суду необходимы специальные знания в области науки, техники, искусства или ремесла. Ст. 195 УПК РФ и ст. 82 АПК РФ области специальных знаний не называют, но и согласно указанным кодексам судебный эксперт привлекается в случае, если суду требуются специальные знания.

Как известно, «судебная экспертиза является важнейшей процессуальной формой применения специальных познаний в судопроизводстве, в результате чего в распоряжении следствия и суда оказывается новая информация, имеющая доказательственное значение, которая не может быть получена другими процессуальными средствами [5]. Актуальность производства судебной экспертизы (далее – СЭ) объектов ОС в целях установления стоимости их восстановления в настоящее время очень высока в связи с развитием добычи полезных ископаемых, расширением масштабов строительства, увеличением количества отходов производства и потребления, а также обветшанием инженерных коммуникаций и оборудования. Причем масштабы негативного воздействия на ОС будут только увеличиваться. Соответственно можно прогнозировать увеличение количества дел различных категорий по фактам нарушения природоохранного законодательства.

В настоящее время не разработаны методические основы СЭ объектов ОС в целях установления стоимости

их восстановления с учетом потребностей следственных, судебных и экспертных органов. Возможно, этому препятствует многообразие экспертных ситуаций, а также сложности установления причинной связи между негативным антропогенным воздействием на различные объекты ОС и наступившими отрицательными последствиями.

Сказанное можно проиллюстрировать следующими примерами.

В ходе строительства многоэтажного дома по иску жителей домов, прилегающих к строительной площадке, СЭЭ (далее – судебно-экологическая экспертиза) установила, что имело место снятие плодородного слоя почвы, а на поверхности газона складированы строительные материалы и строительный мусор. Для определения стоимости восстановления первоначального состояния территории произведен расчет нанесенного ущерба.

После строительства коттеджного поселка на берегу озера состояние рыбных запасов и качество воды в водоеме резко ухудшились. Жители расположенной с другой стороны озера деревни обратились в суд, назначивший по данному факту СЭЭ с расчетом размера ущерба, нанесенного водному объекту. По результатам исследований в обязанность жителям коттеджного поселка было вменено провести восстановительные мероприятия в ложе озера и вокруг него, а также усовершенствовать систему сброса канализационных стоков.

По факту незаконной вырубki на территории лесопарка 80 крупновозрастных экземпляров ели было возбуждено уголовное дело, в результате судебного разбирательства которого, в частности, путем производства СЭЭ, был произведен расчет нанесенного ущерба и восстановительных мероприятий.

Таким образом, СЭ исследования объектов ОС в целях установления стоимости восстановления ущерба, причиненного им в результате экологического правона-

рушения – это процессуальное действие, назначаемое в определенном законодательством порядке, проводимое специалистами в области экологии, смежных естественных наук и экономики, которые дают заключение о размере ущерба, причиненного нарушенным объектам ОС.

Вопрос о размере ущерба решает судья или следователь (дознатель, если судебная экспертиза назначена в ходе предварительного расследования). Судебный эксперт в процессе производства судебной экспертизы вправе определять лишь стоимость восстановления нарушенных биологических объектов (систем) в результате негативного антропогенного воздействия на ОС.

С.А. Боголюбов [1] подробно раскрывает виды юридической ответственности в области охраны окружающей среды и условно разделяет преступления в экологической сфере на две большие группы – общего характера и собственно экологические. К первой относятся нарушение правил охраны ОС при производстве работ, нарушение правил с экологически опасными веществами и отходами, нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими или другими биологическими агентами или токсинами, нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов (ст. 246 –248, 262 УК РФ). Собственно экологическими преступлениями являются посяательства на общественные отношения в области рационального использования и сбережения земли и ее недр (ст. 254, 255 УК РФ); загрязнения вод, загрязнения морской среды, нарушения законодательства РФ о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне РФ (ст. 250, 252, 253 УК РФ); незаконной порубки деревьев и кустарников, уничтожения или повреждения лесов, нарушения установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений правил, незаконной добычи водных растений (ст. 260, 261, 249, 256 УК РФ).

Составы общественно опасных деяний, связанных с охраной ОС, приводятся и в других главах УК РФ: 24 «Преступления против общественной безопасности», 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности». В главе 34 «Преступления против мира и безопасности человечества» предусматривается новая для российского уголовного права ст. 358 «Экоцид», согласно которой экоцидом признается массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу.

Частота встречаемости экологических правонарушений определяет количество назначаемых по соответствующим делам СЭЭ. Наибольшее распространение получили исследования с целью определения стоимости восстановления следующих объектов:

- почвенно-геологического происхождения;
- естественных и искусственных биоценозов;
- объектов городской среды (мест складирования отходов и пр.);
- водных объектов.

Исследования в целях определения стоимости восстановления объектов ОС еще не имеют большого распространения вследствие своей новизны, но их востребованность велика, особенно по гражданским и арбитражным спорам.

При этом следует отметить, что до исходного состояния восстановить объекты ОС невозможно в силу того, что изначально они создавались не человеком, а в результате различных природных процессов. Под исходным состоянием эксперты-экологи понимают состояние объекта (почвы, растительности, водных объектов и пр.), существовавшее до события преступления (иного правонарушения). Восстановить природные объекты можно лишь до состояния, аналогичного тому, в котором они находились до момента их нарушения.

В связи с этим в каждом конкретном случае при определении перечня рекультивационных мероприятий возникает вопрос о том, до какого уровня будет осуществляться данное восстановление. Данный вопрос должен решаться с позиций как экономической, так и экологической целесообразности [4].

Гражданским законодательством РФ предусматривается ряд правил, обосновывающих проведение исследований подобного рода:

- вред, причиненный личности, организации или имуществу, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред;

- законом или договором может быть установлена обязанность причинителя вреда выплатить потерпевшим компенсацию сверх возмещения вреда;

- причинивший вред освобождается от его возмещения, если докажет, что вред причинен не по его вине; законом может быть предусмотрено возмещение вреда и при отсутствии вины причинителя вреда;

- вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению в случаях, предусмотренных законом; в возмещении вреда может быть отказано, если вред причинен по просьбе или с согласия потерпевшего, а действия причинителя вреда не нарушают нравственные принципы общества;

- опасность причинения вреда в будущем может явиться основанием к иску о запрещении деятельности, создающей такую опасность;

- если причиненный вред является последствием эксплуатации предприятия, сооружения либо иной производственной деятельности, которая продолжает причинять вред или угрожает новым вредом, суд вправе обязать ответчика, помимо возмещения вреда, приостановить или прекратить соответствующую деятельность;

- хозяйственные товарищества и производственные кооперативы возмещают вред, причиненный их участ-

никами (членами) при осуществлении последними предпринимательской, производственной или иной деятельности товарищества или кооператива;

– вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению за счет соответственно казны Российской Федерации, казны ее субъекта или казны муниципального образования;

– юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов, и т.п.; осуществление строительной и иной, связанной с нею деятельностью и др.), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего, а также ряд других.

Вопрос о восстановлении объектов окружающей среды и показателей состояния, до которого они должны воспроизводиться, рассматривается не только российским законодательством. Эта тема является предметом обсуждения и на международном уровне. Уже более двадцати лет в рамках Конвенции Организации Объединенных Наций дискутируются вопросы законодательного закрепления мероприятий по борьбе с опустыниванием в тех странах, которые испытывают серьезную засуху и/или опустынивание, особенно в Африке (подписана в Париже 17 июня 1994 года) [3].

Перечисленные доводы свидетельствуют как о перспективности развития такого направления СЭЭ,

как исследование объектов ОС в целях установления стоимости восстановления ущерба, причиненного им в результате экологического правонарушения, так и о сложностях научного, методического и практического характера, возникающих при производстве этого вида экспертных исследований.

Библиографический список

1. *Боголюбов, С.А.* Возмещение экологического ущерба (правовые и экономические аспекты проблемы прошлого экологического ущерба). / Под общ. ред. С.А. Боголюбова и Сеченина // Изд. научного и учебно-методического центра. – 2001. – 144 с.

2. *Бринчук, М.М.* Экологическое право: учебник / М.М. Бринчук. – М., 2008 // СПС КонсультантПлюс.

3. Конвенции Организации Объединенных Наций по борьбе с опустыниванием в тех странах, которые испытывают серьезную засуху и/или опустынивание, особенно в Африке // Международное публичное право. Сб. документов, Т.2. М.: БЕК, 1996, с. 171–180.

4. *Майорова, Е.И.* Судебно-экологическое определение стоимости ущерба, нанесенного объектам окружающей среды, и их восстановления / Е.И. Майорова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2014. – № 3. – С. 66.

5. Судебная экспертология. // Юнита М, СГУ, 2001, СГУ.

6. Федеральный закон от 21 июля 2014 года «Об охране окружающей среды» № 219-ФЗ. СЗ РФ 14.01.2002. № 2. Ст. 133 СЗ РФ. 28.07.2014. № 30 (Часть 1). Ст. 4220.

Примечания

¹ Выкупные платежи были отменены лишь в ходе аграрной реформы 1906–1910 гг.

² Жандармский генерал А.В. Герасимов следующим образом охарактеризовал сущность зубатовской политики: «Он стремился на почве защиты экономических нужд рабочего класса создать легальное движение, которое имело бы на своей стороне – в качестве отца и друга – существующее правительство, тем самым, лишая это движение всякой политической окраски, придавая ему лояльный характер. Он не останавливался даже перед возможностью отдельных конфликтов рабочих с предпринимателями, при которых правительство становится на сторону рабочих. Его умственному взору рисовалась перспектива «социальной монархии», единение царя с рабочим народом, при котором революционная пропаганда теряла под собой всякую почву» // Красиков С.И. Россия – СССР в первой половине XX века. М., МГУЛ, 2008. С.35–36.

³ Отрезок – часть земли, которая, согласно крестьянской реформе, отходила во владение помещиков. Основываясь на положении об отмене крепостного права, для деревенских землепользователей устанавливалась определенная норма участка (разная в различных губерниях). Если он превышал заданный размер, то излишек отходил к помещикам.

⁴ Отрезки – это земля, которой лишились крестьяне в России в результате проведения крестьянской реформы 1861 г. Отрезки могли быть произведены от наделной земли, бывшей в пользовании помещичьих крестьян до 19 февраля 1861 г., если крестьянские душевые наделы превышали высший размер, установленный для данной местности, или если у помещиков при сохранении существующего крестьянского надела оставалось менее $\frac{1}{3}$ (в степных районах – $\frac{1}{2}$) всей удобной земли имения.

⁵ По имени одного из главных разработчиков манифеста тогдашнего министра внутренних дел Булыгина. По

рекомендации возглавляемой им комиссии, которая легла в основу царского манифеста, правом голоса наделялись лишь ограниченные категории лиц: крупные собственники недвижимых имуществ, крупные плательщики налога, и, на особых основаниях, крестьяне.

⁶ Черносотенцы — собирательное название представителей крайне правых организаций в России в 1905–1907 гг., выступавшие под лозунгами монархизма, великодержавного шовинизма и антисемитизма.

⁷ Чересполосица — термин для обозначения расположения земельных участков одного хозяйства вперемежку с чужими участками, являвшегося следствием регулярных переделов общинной земли.

⁸ См., напр., работы А.Г. Тартаковского [28; 29] и новейший обзор проблематики [10].

⁹ Комментаторы датируют встречу сентябрем — октябрем 1848 г. [6, т. 3, с. 275–276; 15].

¹⁰ Подробный аналитический обзор всех мемуарных источников этой встречи и оценку их достоверности см.: [14, с. 150–153].

¹¹ Ср.: «Гоголь несомненно придавал большое значение своей встрече с молодежью» [15] (см. также: [14, с. 151; 6, т. 3. С. 276]).

¹² В том числе в отношении «гоголевского» эпизода [32].

¹³ Ср.: «Ее мемуары считаются сплетническими; еще бы! <...> Зато книга читается, как бульварный роман — самая аппетитная книга во всей нашей мемуарной словесности. Все в ней живописно, драматично, эффектно» [31, с. 102].

¹⁴ «Вспоминая старинные разговоры знаменитых людей она передает эти разговоры дословно, будто слышит их сейчас. <...> Жаль только, что, верно передавая сюжет разговоров, Панаева часто фальшивит в тоне и стиле» [24, с. 10].

¹⁵ Само «упоминание» точнее передает суть претензий: «был слишком сосредоточен на самом себе и к тому же, по мере своей известности, начинал приобретать постепенно неприступность авторитета, все более и более сближаясь с другими литературными и светскими авторитетами» [6, т. 3, с. 277].

¹⁶ Он не собирался публиковать воспоминания ближайших лет двадцать, и лишь некоторые сведения сообщил П. Кулишу, а первую, фрагментарную, редакцию книги напечатал в 1880 г. Иван Сергеевич Аксаков в своей газете «Русь».

¹⁷ Первый издатель полной рукописи С.Т. Аксакова, Н.М. Павлов, перечислил подготовленные и частично использованные мемуаристом документы, и кроме разных писем там значатся «выписки из дневника старшей дочери» и «выдержки из ее переписки с М.Г. Карташевской», а также «заметки и черновые наброски, частью продиктованные и лишь переправленные, а частью писанные от начала до конца собственноручно Сергеем Тимофеевичем – очевидно назначавшиеся сюда же» [2, с. 117]; о рукописи В.С. Аксаковой см. также: [6, т. 2. с. 644–645].

¹⁸ Умер 2 марта н. ст. 1862 г.

¹⁹ До сих пор запомнившийся современникам розыгрыш не имеет не только точной датировки, но и солидарной предположительной; при этом он комментировался много раз – в изданиях, имеющих отношение к жизни и творчеству Гоголя, Аксакова, Панаева и В.Г. Белинского, а попытки вычислить наиболее вероятный ход событий привели к ряду отличных друг от друга предположительных выводов и сделанных в примечаниях к аксаковскому и панаевскому описаниям поправок в датах со ссылками на забывчивость того или другого мемуариста.

²⁰ Например, В.А. Панаев (двоюродный брат мемуариста), приехавший осенью 1839 г. из Казани вместе с молодой четой, вспоминал: «Во время пребывания моего в Москве, раза два Иван Иванович возил меня обедать к Аксаковым. <...> В числе посторонних лиц, обедавших у Аксакова, были тогда – Белинский, Щепкин и Загоскин» [4, № 9, с. 473].

²¹ Сохранилась записка актера от 28 сентября 1839 г., отправленная к Аксаковым в деревню, где упоминание о гоголевской просьбе «никому не сказывать, что он здесь» соседствует с признанием: «Не утерпел, чтобы не известить вас о таком для нас сюрпризе» [16, с. 177].

²² Панаев писал свои воспоминания для публикации в «Современнике», и они печатались порционно в течение 1861 г.

²³ О его несамостоятельности в мыслях и суждениях писал, напр., И.С. Тургенев в воспоминаниях о Белинском (ср.: «...человек добродушный, но крайне легкомысленный, способный схватывать одни лишь верхи верхушек» [3, с. 491]; верность этой черты (при всех позднейших полемических наслоениях в мемуарах Тургенева) подтверждается эпистолярными отзывами о характере Панаева только знакомых или близко его знавших, включая Белинского [11, с. 133, 136].

²⁴ Ср. двусмысленную оценку Гоголя в письме к Белинскому от 16 июля 1838 г. – «этот гигант текущей литературной минуты» [22, с. 513].

²⁵ Между тем, в целом беллетристика Панаева при тематическом пересечении с гоголевскими сюжетами не лишена вольных и/или невольных аллюзий к ним. Например, определенное влияние гоголевской сцены «Лакейская» усматривается в одном из очерков И.И. Панаева – «Петербургская прислуга (Лакей из хороших домов)», где лакейская спесь нанятого повествователем слуги, почерпнутая в барских домах, раскрывается, как и у Гоголя, в разговоре с горничной [20].

²⁶ Любитель житейских и литературных анекдотов, Панаев невольно тут же выплескивал их в общении, совершенно не задумываясь о последствиях; так, Вера Сергеевна писала брату Ивану в конце 1841 г. о Гоголе и в том числе о гоголевской просьбе не распространяться о нем: «Но только ты, милый Ванечка, пожалуйста, не сообщай ничего никому, ни товарищам, ни Панаеву – из этого более выходят сплетни» [12, с. 610].

²⁷ Л.Ф. Гучкова считает ее предтечей знаменитого Козьмы Пруткова [7, с. 519].

²⁸ Сэр Гор Оусли считал свою миссию в Персии весьма успешной, что и продемонстрировал в своих записках «*Sir William Ouseley's Travels in Various Countries of the East, more particularly Persia (1819–1823)*».

²⁹ Прайс опубликовал несколько работ: *Dialogues Persans, composés pour l'auteur par Mirsa Saulih de Chiraz (Worcester, 1822)*; *A Grammar of the Three Principal Oriental Languages, Hindoostanee, Persian and Arabic, on a Plan*

entirely new (London, 1823); Elements, or an Easy Guide to the Indian Tongues (Worcester, 1827); A New Grammar of the Hindoostanee Language, issued under the auspices of the East India Company (London, 1828); Husn oo Dil, or Beauty and Heart an Allegory, Persian and English, translated by Price (London, 1828).

³⁰ Полное название книги Прайса: Journal of the British Embassy to Persia, embellished with numerous views taken in India and Persia, also, a Dissertation upon the Antiquates of Persepolls, by William Price. – London, 1825. Первое издание вышло в одном томе, второе – в четырех томах).

³¹ Уэлси Ричард Колли (Wellesley Richard Colley, Marquis Wellesley; 1760-1842) – брат Артура Уэлси, герцога Веллингтона, в 1809 году был назначен экстраординарным послом в Севилью, впоследствии – главноуправляющий ОстИндской компанией. С 1812го по 1820 год в опале, но после смерти Георга III он снова в гуще политических событий, получил должность лорда лейтенанта Ирландии.

³² Как и Харфорд Джонс, сэр Гор получил от шаха право воспользоваться Кеянидской короной в качестве нашлемника, но украшенные ею версии герба неизвестны. Скорей всего, баронет Оусли так никогда и не воспользовался этой привилегией.

³³ Для сравнения Н.Е. Мясоедова приводит фрагмент тоже рецензии, напечатанной в «Северной пчеле», в котором при помещении материала политический подтекст отсутствует. В разделе «Восточная словесность» (в № 7 от 16 января 1830 года), предваряя публикацию романа Дж. Мориера, рецензент писал: «Г. Мориер, англичанин, живший долго в Персии, издал нравственносатирический роман, под заглавием «ХаджиБаба, или Персидский Жилблас», имевший необыкновенный успех в целом просвещенном мире. Отрывки из оного были помещены в «Сыне Отечества». Ныне появился в Лондоне новый роман сего автора «ХаджиБаба, или Персидский Жилблас в Лондоне». Автор представляет персидское посольство в Англии и различные похождения членов Миссии. Это самое верное и самое забавное изображение персидских и английских нравов в одной картине, в противоположности. Едва ли в наш век произведено чтолибо остроумнее и занимательнее последнего ХаджиБабы. Это

истинное и самое верное лекарство для возбуждения веселости в читателе. Строгий литературный судья, английский журнал «Quarterly Review» справедливо предпочитает сей последний роман г. Мориера «Персидским письмам» Монтескье и всем произведениям сего рода, доселе изданным.

³⁴ И.Ф. Паскевич писал Амбургеру: «Вы ни в коем случае не должны были выезжать из Табриза до тех пор, пока оттуда вас не выгнало бы иранское правительство, т. к. после смерти посланника ваша главная политическая цель состояла в установлении действительного намерения иранского правительства. Вы должны были убедить Аббас-Мирзу направить одного из своих сыновей в Петербург. Удалившись из Табриза, вы потеряли всякое влияние на иранское правительство. Россия находится теперь не в таком положении, чтобы угрозой оружия заставить Иран делать то, что желательно. Вы не могли не видеть этого, и потому вам следовало, не подавая ультиматума, политически угрожать своим отъездом и таким образом дожидаться исполнения ваших требований».

³⁵ Использование французского языка оговорено особо в примечании анонима к рукописи: «Остается еще объяснить нашим соотечественникам по какой причине мы избрали для нашего описания язык чужой вместо прекрасного и богатого нашего родного языка. Без сомнения, причина того заключается не в недостатке привязанности к отечеству и его благородным звукам, напротив, но, издавая сей [неизвестный еще] еще не бывший в печати отрывок летописи нашей Армии, мы имели в виду расширить круг читателей описываемых нами ее деяний: [Вот почему мы избрали французский язык, на котором говорят, или, по крайней мере, читают, образованные люди всех наций. При этом книга сия была написана не столько для наших военных товарищей, сколько с намерением сделать известным за границей то, что сделали они на поприще далеко от глаз Европы...]».

³⁶ «Главкомандующий, которому вверено было сие предприятие, знал войну на востоке по опыту, приобретенному им в пяти кампаниях против турок под предводительством Михельсона, Прозоровского, Багратиона и Каменского. Он предвидел все ожидавшие его трудности и превозмог их. Попечительный о солдате, заботливый об обеспечении

его продовольствия, он успел вместе с тем приобрести доверие жителей, сохраняя строгую дисциплину в войсках и войдя в сношение с лицами, сильными по влиянию своему на народ. – Умея с большим искусством управлять и пользоваться политическими обстоятельствами, он неожиданным движением в глубь Ирана умел уничтожить интриги персиян, вздумавших запутать его в сетях дипломатии для того, чтобы остановить успехи нашего оружия. Внезапное и сильное сие движение, разрушившее все планы неприятеля, было совершено по глубоким снегам, среди зимы, когда кампания в стране столь гористой, как Адербиджан, почиталась дотоле невозможной». Это весьма лестное и неточное определение. Прежде всего попечение о солдатах и их продовольствии было обязанностью оберквартирмейстера Кавказского корпуса В.Д. Вольховского. Перерыв в Дейкарганских переговорах и прорыв русских войск через заснеженные хребты Кафланку – это, в основном, заслуга А.С. Грибоедова. вместе с тем приобрести доверие жителей, сохраняя строгую дисциплину в войсках и войдя в сношение с лицами, сильными по влиянию своему на народ. – Умея с большим искусством управлять и пользоваться политическими обстоятельствами, он неожиданным движением в глубь Ирана умел уничтожить интриги персиян, вздумавших запутать его в сетях дипломатии для того, чтобы остановить успехи нашего оружия. Внезапное и сильное сие движение, разрушившее все планы неприятеля, было совершено по глубоким снегам, среди зимы, когда кампания в стране столь гористой, как Адербиджан, почиталась дотоле невозможной». Это весьма лестное и неточное определение. Прежде всего, попечение о солдатах и их продовольствии было обязанностью оберквартирмейстера Кавказского корпуса В.Д. Вольховского. Перерыв в Дейкарганских переговорах и прорыв русских войск через заснеженные хребты Кафланку – это, в основном, заслуга А.С. Грибоедова.

³⁷ «Трактатом сим, заключенным на основаниях Status quo adpraesentem, Тегеранский Двор признал законно и на вечные времена принадлежащими России не только Грузию с народами, в ее зависимости находящимися, также Шурагель, Имеретию, Гурию, Мингрелию и Абхазию, населенные большею частью христианами, но и провинции,

где большинство составляют мусульмане, а именно округа Казахский и Шамшадильский, бывшие ханство Ганджа, ханство Карабахское, Шекинское, Дербентское, Кубинское, Бакинское, Ширванское и часть Талышинского ханства, занятую российскими войсками во время подписания трактата».

³⁸ В источнике отмечается, что «если верить французскому автору Dubeux, издававшему замечательное описание Персии, мысль о возвращении провинций, завоеванных Россией, с давнего времени роилась в голове шаха. Писатель сей говорит, что французский посланник генерал Гардон сначала обещал персиянам помощь своего правительства против России; после же Тильзитского мира подал шаху надежду, что Император Александр по велению Наполеона возвратит Персии провинции, отторгнутые от нее вследствие русского оружия». Dubeux Luis (1798–1863), французский ориенталист; очевидно, речь идет о его книге «L' Encyclopedie du XIXe siecle, dans la Nouvelle revue encyclopedic, dans le Correspondant, dans la Revue asiatique, on a de lui, la Perse» (1841).

³⁹ Несколько ниже автор отмечает, что «попытки Персидского правительства на возвращение ей завоеванных провинций приписать должно воспоминанию о том, что императрица Анна Иоановна уступила ШахуНадиру провинции, покоренные Петром Великим, сохранение которых было тогда слишком тягостно, ... те, которые, полагая найти сходство в настоящих обстоятельствах с минувшими, думали извлечь из них и одинаковые последствия, но они не умели различить, что Россия при Императоре Александре столь же мало походила на Россию времен императрицы Анны и Бирона, сколь мало ФетхАлиШах напоминал завоевателя Персии и Великого Могола».

⁴⁰ Джон Малькольм (Sir John Malcolm, 1769–1833), английский дипломат, начал свою карьеру в ОстИндской компании, затем, по покровительству лорда Уэлсли, был назначен послом в Персию. В его задачу входило ограничить влияние Франции в Персии, обратить внимание Персии на Афганистан и тем самым отвлечь афганские войска от постоянных набегов в Индию и создать благоприятные условия для английской торговли в Персии и на Востоке.

Его миссия увенчалась успехом. 16 ноября 1800 года он получил аудиенцию у шаха, а 28 января 1802 года подписал англоперсидский договор. Затем он вернулся в Индию и стал губернатором вновь покоренных земель, а потом и губернатором Бомбея. Персия послужила темой для двух его книг: *History of Persia*. – London, 1815 и *Sketches of Persia*. – London, 1827. Книги Малькольма были хорошо известны русским дипломатам. Например, Н.Н. Муравьев-Карский записал в своем дневнике, что 31 мая 1821 года Амбургер отдал ему две книги Малькольма, «Историю Персии», которые были выписаны из Индии (Грибоедов в воспоминаниях современников. – М., 1980. – С. 47). Грибоедов упомянул «Историю» Малькольма в своих записках 5 февраля 1819 года. Описывая дворец Гусейнхана Эриванского, он отметил: «На всех стенах (...) – похождения Ростомы, персидского великана сумраков, которого Малькольм вклеил в свою историю» (Грибоедов А.С. Сочинения. – М., 1988. – С. 403).

⁴¹ Харфорд Джонс Бриджес (Sir Harford Jones Brydges; 1764–1847), с юных лет его деятельность связана с Ост-Индской компанией, он был полномочным министром в Персии с 1807 по 1811 год, затем вновь сосредоточил свои усилия на Ост-Индской компании, но никогда не упускал из виду дела Персии. Является автором следующих работ: *An Account of His Majesty's Mission to the Court of Persia in years 1807–1811*; *The Dynasty of the Kajars. Translated from the original Persian manuscript (1833)*; *Letter on the Present State of British Interests and Affairs in Persia, addressed to the Marquis of Wellesley (1838)*.

⁴² Вильям ГрантКер (Sir William GrantKeir; 1777–1852), в 1817 году был назначен командовать Гюзератскими пехотными войсками и частью армии Деккан в операции против пиндар. В октябре 1819 г. был направлен Бомбейским правительством для отражения пиратских набегов в Персидском заливе. Его действия были направлены против племен – последователей учения арабского религиозного реформатора Абуль Вехаба, чьи пираты долгое время наводили ужас на западное побережье Индии. В 1820 г. ГрантКер подписал договор от имени английского правительства с главой арабских племен Персидского залива, за что получил от Персидского правительства Орден Льва и Солнца.

⁴³ Он покинул Персию только в октябре 1829 г.

⁴⁴ Александр Ильич Хатов известен как переводами и дополнениями к сочинениям Бутурлина, так и самостоятельными сочинениями, с 1813го по 1823 г. прошел путь от поручика до генерала, с 1816 г. – флигель-адъютант.

⁴⁵ Работы по составлению карт велись не только на Кавказе, но и в штабе 2й армии у П.Д. Киселева, руководили ими И.Г. Бурцев и А.Ф. Вельтман. С 1817го по 1822 г. была проведена работа по составлению «Полного исторического начертания всех с турецкою державою военных действий от времен Петра Великого до последнего мира (Бухарестский в 1812 г.)».

⁴⁶ Щастный Василий Николаевич (1802 – не ранее 1853/1854), поэт, переводчик Мицкевича, сотрудник «Северных цветов» на 1829, 1831 и 1832 гг., а также «Литературной газеты». Общался с Пушкиным.

⁴⁷ В линияж Комнинов входило несколько десятков семей. Здесь упоминаются только те семьи, которые в свое время занимали византийский трон.

⁴⁸ Герб Фок приведенный на рис. 8 приведен в книге Ж.Б. Риестапа. В книге же Е. Ризо Рангабе *Livre d'or de la noblesse Ionienne. Cephalonie, vol. 2, part 1*. Приводится герб с изображением двуглавого орла в 1 и 4 частях. Таким образом семья Фок с Ионических островов претендовала на происхождение от рода Фокас, некоторые представители которого занимали византийский трон.

⁴⁹ Палеологи из Неаполя использовали не только традиционные эмблемы династии, т.е. традиционного двуглавого орла, а также традиционный «тетраграмматон» Палеологов, но и герб с двумя коронованными львами, держащими меч. (см. рис. 15).

⁵⁰ См.: [2], [3]. Редакция журнала планировала опубликовать материал о Карибском кризисе, когда «мир снова стоял на пороге смертоносной войны». К сожалению, безвременно ушедшая из жизни С.М. Чистова не успела представить в журнал подготовленную к печати статью.

⁵¹ В современной Франции есть три семьи, главы которых по тем или иным соображениям могут гипотетически претендовать на французский престол: Бурбоны – поддержива-

ющие их именуются легитимистами, Орлеаны (орлеанисты) и Бонапарты (бонапартисты).

⁵² <https://www.actionfrancaise.net/>.

⁵³ Подобная модель «единения» была реализована в многонациональной Австро-Венгрии Габсбургами и современной Испании Бурбонами.

⁵⁴ См. Ноппе, HansHermann. 2001. Democracy: The God that Failed. Rutgers, NJ: Transaction Publishers.

Аннотации

В.Г. Егоров, Самозанятость населения в актуальном социальном и экономическом контексте.

Статья посвящена проблемам создания условий и механизмов рекрутирования в экономику широких масс населения, развития малых форм хозяйственной организации, их месту в цивилизационном процессе и совершенствовании российского механизма хозяйствования, конструктивной роли традиционных социально-экономических укладов в качестве дополнительного фактора роста.

The article is devoted to problems of creation of conditions and mechanisms of recruitment in the economy of the broad masses of the population, development of small forms of economic organization, their place in the civilizational process and the improvement of the Russian economic mechanism, the constructive role of traditional socio-economic structures as an additional growth factor.

С.Я. Лавренов, Февральская революция 1917 года: закономерность или случайность?

В статье рассматриваются события, приведшие к Февральской революции 1917 г., позволяющие ответить на вопрос случайность или закономерность произошедшая смена политического строя в России. Февральская революция произошла так стремительно, во многом было случайностью (мало ли до этого, было стихийных выступлений и восстаний в истории страны), но, при этом, она была подготовлена предшествующим правлением династии Романовых, характеризующегося бесправным положением подавляющей части

населения страны, крестьянства и рабочего класса, произволом со стороны власть имущих, нежеланием царского режима, вплоть до последнего, самореформироваться.

The article discusses the events leading up to the February revolution of 1917, allowing to answer the question surprising event the change of the political system in Russia. The February revolution happened so quickly, it was largely an accident (whether a little before, there were protests and uprisings in the history of the country), but it was prepared the previous reign of the Romanov dynasty, characterized by a powerless position the majority of the population, the peasantry and the working class, tyranny by those in power, the unwillingness of the tsarist regime, until the last one samoreguliruetjsja.

Е.Г. Падерина, Беллетризация памяти: образ Гоголя в «литературных воспоминаниях» И. Панаева.

В фокусе внимания статьи любопытный научный казус: большинство сообщенных И.И. Панаевым в воспоминаниях данных о литературном процессе 1840-х – 1850-х гг. не точны, ошибочны или невероятны, а все, что не поддается проверке, принято, между тем, на веру и в целом мемуары сохраняют статус «одного из самых объективных источников» о той эпохе. В статье на примере гоголевского сегмента рассматривается характер «недостоверности» воспоминаний Панаева и ставится вопрос об их жанровой принадлежности не документальной прозе, а беллетристике.

In the focus of the article is some scientific curious incident: the majority of data about the literary process of 1840s – 1850s in the memories by I.I. Panayev is not accurate, erroneous or improbable, and all that is untestable is accepted that faith. But as a whole the memoir retain the status of «one of the most objective

sources» of the era. The article discusses the nature of the «unreliability» of the Panayev`s memories about Gogol and raises the question of their genre affiliation: it is not a documentary prose, it is literary fiction.

Э.А. Дурманова, Дмитрий Алексеевич Милютин – выдающийся военный реформатор России XIX века.

В статье рассматривается биография и деятельность выдающегося военного деятеля и реформатора Д.А. Милютина. Автор рассматривает становление личности Д.А. Милютина, что позволяет лучше понять направление его реформаторской деятельности. Используя мемуары и научную литературу автору удалось создать более живой образ одного из главных реформаторов эпохи «Великих реформ».

The article deals with the biography and work of an outstanding military leader and reformer D. A. Miliutin. The author examines the personality of D. A. Miliutin, which allows you to better understand the direction of his reform. Using the memoirs and scientific literature the author managed to create a more lively image of one of the main reformers of the era of «Great reforms».

В.А. Захаров, Пушкин об английской разведке в Персии.

В статье рассматривается деятельность А.С. Пушкина в «Литературной газете» с точки зрения внешне-политических реалий того времени. Делается вывод, что «Литературная газета» мыслилась ее редакторами как газета политическая, способная сформировать общественное мнение и руководить им.

The article discusses the work of A. S. Pushkin in «Literaturnaya Gazeta» from the point of view of foreign policy realities of the time. The conclusion is that «Literaturnaya Gazeta» was conceived by its editors as

the newspaper's political, able to shape public opinion and to lead them.

О.А. Зозуля, С.М. Чистова, Хозяйственная жизнь допетровской России (вторая половина XVI–XVII вв.): опыт описания.

В статье дается ретроспектива хозяйственной жизни России во второй половине XVI–XVII вв. Авторы рассматривают все особенности хозяйства России в допетровскую эпоху. Описание структуры и составляющих хозяйственной жизни России данного периода позволяет сформировать общее представление о развитии хозяйственной жизни России в целом.

The article gives a retrospective of the economic life of Russia in the second half of the XVI–XVII centuries. The authors examine all the features of the economy of Russia in the pre-Petrine era. A description of the structure and components of the economic life of Russia of this period allows to form a General idea about the development of the economic life of Russia in General.

М.В. Палеолог, О византийской императорской геральдической традиции: опыт описания и классификации.

В статье дается обзор развития византийской императорской геральдики. Автор показывает традиционный круг геральдических эмблем, используемых представителями линияжа Комнинов. Помимо этого, в статье предпринимается попытка классификации византийской императорской геральдики, а также рассматривается дальнейшее развитие геральдической традиции семей линияжа Комнинов в постимперский период.

The article provides an overview of the development of Byzantine Imperial heraldry. The author shows

the traditional circle of heraldic emblems used by the representatives of lineage Komnenos. In addition, the paper attempts to classification of the Byzantine Imperial heraldry, as well as further development of the heraldic traditions of the families of lineage Komnenos in the post-Imperial period.

В.И. Фалько, Альтернативы биполярному и однополярному миру: история и перспективы.

Однополярная модель мироустройства, сменившая жесткую биполярную систему в конце XX века, основанной на ядерном сдерживании, оказалась столь же или даже более неустойчивой. Обе модели мирового порядка требуют себе альтернативы. Сегодня ни одна из шести систем международных отношений, описываемых в теории М. Каплана, не способна поддерживать глобальный мир. Прообраз искомой системы мироустройства – «бимультipoлярная система» Р. Роузкранса, получила математическое обоснование в модели с двумя примирителями В.А. Лефевра. Как показывают исследования мировой политической системы и прогнозы ее развития, это единственная осуществимая сегодня модель, способная предотвратить глобальный силовой конфликт. Примирителями, способными разрешать конфликты между группами государств, являются США и Россия при поддержке Китая. Государства, образующие полицентрическую систему, выступают посредниками в конфликтах между двумя регуляторами. В перспективе возможны «симфонические», или гармонические, отношения между государствами-миротворцами.

A unipolar model of the world order, which replaced the rigid bipolar system at the end of the twentieth century, based on nuclear deterrence, proved to be just as or even more unstable. Both models of the world order require alternatives. Today, none of the six systems of

international relations, described in the theory of M Kaplan, is not capable of supporting the global world. The prototype of the sought-for system of the world order – the «bimultipolar system» of R Rosecrance, was mathematically substantiated in the model with two conciliators, VA Lefebvre. As studies of the world political system and forecasts of its development show, this is the only model feasible today that can prevent a global power conflict. The United States and Russia, supported by China, are the conciliators who can resolve conflicts between groups of states. States forming a polycentric system act as intermediaries in conflicts between the two regulators. In perspective, there are possible «symphonic», or harmonic, relations between peacekeeping states.

Т.Ю. Черемухина, Трудовая группа III Государственной думы.

В статье дается краткий обзор деятельности Трудовой фракции Государственной думы 3-го созыва. Автор анализирует особенности проведения избирательной кампании и процесс формирования думской фракции трудовиков в условиях 3-июньской монархии. Большое внимание уделено специфике парламентской деятельности трудовиков по наиболее важным вопросам, обсуждаемым в российском парламенте в 1907–1912 гг.

This article gives short review of the Labour Party activity within the framework of the 3rd State Duma. The author analyses election campaign and formation of the Labour Party in terms of the 3rd June Monarchy. The article highlights the specificity of the Labour Party parliamentary activity concerning the most important matters discussed in the Russian Parliament during the period of 1907–1912.

М.В. Шабанова, Бытовая и материальная культура русского крестьянства в отечественной историографии конца XIX – начала XX веков.

Статья посвящена историографическому анализу изучения повседневной материальной и бытовой культуры русского народа в трудах отечественных историков, краеведов, этнографов, искусствоведов, исследователей второй половины XIX – начала XX в. В статье уделено внимание выявлению дореволюционными авторами непосредственной связи дохристианских религиозных воззрений с основными компонентами материальной и бытовой среды русского крестьянства.

The article is devoted to the historiographical analysis of the study of everyday material and consumer culture of the Russian people in the works of Russian historians, ethnographers, anthropologists, art historians, researchers of the second half of XIX – early XX centuries In the article the attention is paid to identifying pre-revolutionary authors direct connection of the pre-Christian religious beliefs with the basic components of material and social environment of the Russian peasantry.

Т.Н. Шалдунова, К изучению повседневной жизни католического и православного духовенства.

Развитие и роль католических и православных монастырей в повседневной жизни средневекового общества были примерно одинаковыми. Отношение мирян к монастырям менялось в той мере, в какой они себя проявляли и на какое место претендовали, а также, в какой степени они следовали идеалам, которые сами пропагандировали. Образ мира и человека, который создавался в монастырях, стал главным для людей Средневековья. Именно монастыри являлись одними из центров, вокруг которых концентрировалась жизнь человека.

Development and the role of Catholic and Orthodox monasteries in the daily life of medieval society was about the same. The attitude of the laymen to the monasteries varied in the extent to which they proved themselves and place claimed, and the extent to which they followed the ideals that they themselves promoted. The way of the world and man, which was created in the monasteries, was mainly for the people of the middle Ages. Monasteries were one of the centers around which was concentrated the life of man.

Л.А. Борисов, Аксьон Франсез и современное французское монархическое движение.

Статья посвящена анализу особенностей французского монархического движения в современной Франции на примере деятельности ультраправой политической организации Аксьон Франсез (Action Française). Рассматривается структура монархического движения, его программа, а также связь французского монархического движения с консервативными кругами Католической церкви.

The paper concerns the present-day French monarchist movement and right political organization Action Française. We consider the structure of monarchist movement and its program. Also we study a relationship between present-day French monarchism and Traditional Catholic groups.

Д.С. Гаврикова, «Божественный император» и «Императрица-Дракон». У Цзэтянь и Цыси – исторические примеры женского правления Поднебесной и их роль в культуре Китая.

Статья посвящена рассмотрению специфики женского правления в средневековом Китае. Автор показывает, что, несмотря на строгость конфуцианского

канона, согласно которому женщина не допускалась к власти, в реальности существовало множество примеров женского правления. На примере жизни и деятельности двух императриц Китая – У Цзэтянь и Цыси – прослеживаются особенности их продвижения к власти и результаты их царствования.

The article is devoted to the consideration of the specifics of women's rule in medieval China. The shows that, despite the strictness of the Confucian canons, according to which a woman was not allowed to power, in reality there were many examples of women's government. On the example of the life and work of the two empresses of China, Wu Zetian and Cixi, traces the features of their progress to power and the results of their reign.

Е.И. Майорова, Охрана ООПТ по-московски.

Рассматривается состояние ООПТ в ряде европейских городов и в Москве. Отмечается тенденция преобразование городских озелененных территорий общего пользования и природного комплекса в целом в территории иного назначения и правового режима. В качестве примера приводится ситуация с природно-историческим парком «Кусково».

Considers the state of specially protected natural territories of Pas [Protected Areas] in several European cities and in Moscow. There is a trend transformation of urban green common areas and nature complex as a whole in the territory of different destination and the legal regime. As an example, the situation with the natural-historical park «Kuskovo».

Л.П. Дехтерева, Правовой режим растительного мира вне лесов. Peculiarities of legal regulation flora outside forests.

В работе представлены различные правовые аспек-

ты таких понятий как растительный мир, лес и растительный мир вне леса. Обоснована актуальность мер по сохранению растительного мира вне лесов и необходимость упорядоченного правового регулирования этого природного объекта.

The paper presents different legal aspects of such concepts as fauna, forest and flora is forest. The urgency of measures for the conservation of flora outside forests and the need for an orderly legal regulation of a natural object.

В.А. Попов, Уголовно-правовая характеристика незаконной рубки лесных насаждений ст. 260 УК РФ.

В статье рассматриваются особенности уголовно-правовой характеристики незаконной рубки лесных насаждений.

The article discusses specific features of criminal law characteristics of illegal logging of forest plantations.

Л.В. Хроленкова, Приоритетные инвестиционные проекты правового регулирования лесных дорог.

Автор в своей работе предлагает необходимость правовой регламентации процесса строительства лесных дорог, а также механизмов инвестирования в развитие лесной инфраструктуры. Предлагаются возможные решения финансово-правовых проблем в области строительства лесных дорог.

The author proposes to introduce into the forest legislation of the missing concepts, the necessity of legal regulation of the process of construction and maintenance of forest roads, as well as mechanisms for investment in the development of forest infrastructure. Offers possible solutions to financial and legal problems in the field of construction and upgrading of forest roads.

Г.А. Закарин, Специфика правового режима и содержания природного комплекса в городах российского севера.

Рассматриваются особенности состояния и правового режима территорий природного комплекса и городских лесов некоторых городов российских полярных областей в зависимости от природных особенностей.

This article considers specifics of status and legal regime of territories of nature complex and urban forests in some cities of Russian polar areas depending on the nature specifics.

С.М. Майорова, Возможности использование судебно-экологических исследований при разрешении гражданских и арбитражных дел.

Обсуждается понятие материального ущерба, нанесенного окружающей среде хозяйственной и иной деятельностью. Указываются, что расходы, которые должен будет произвести истец для восстановления своего нарушенного права, должны и могут быть возмещены в судебном порядке. Рассматриваются возможности экспертного исследования экологического состояния объектов окружающей среды в целях определения стоимости их восстановления.

Discussed topic is the concept of the material damage caused to the environment of economic and other activities. Indicates that the costs which will have to make the plaintiff to recover his violated rights, must and can be compensated by a court. Considers the possibilities of expert study the ecological state of the environment objects in order to determine the value of their recovery.

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти Светланы Михайловны Чистовой.....	4
С.М. Чистова. Предтеча кульминации холодной войны. Как уничтожили американский самолет-разведчик U-2.....	6
В.Г. Егоров. Самозанятость населения в актуальном социальном и экономическом контексте.....	19
С.Я. Лавренов. Февральская революция 1917 года: закономерность или случайность?.....	40
Е.Г. Падерина. Беллетризация памяти: образ Гоголя в «литературных воспоминаниях» И. Панаева.....	64
Э.А. Дурманова. Дмитрий Алексеевич Милютин – выдающийся военный реформатор России XIX века.....	90
В.А. Захаров. Пушкин об английской разведке в Персии.....	101
О.А. Зозуля, С.М. Чистова. Хозяйственная жизнь допетровской России (вторая половина XVI – XVII вв.): опыт описания.....	127
М.В. Палеолог. О византийской императорской геральдической традиции: опыт описания и классификации.....	145
В.И. Фалько. Альтернативы биполярному и однополярному миру: история и перспективы....	160
Т.Ю. Черемухина. Трудовая группа III Государственной думы.....	178
М.В. Шабанова. Бытовая и материальная культура русского крестьянства в отечественной историографии конца XIX – начала XX веков.....	188
Т.Н. Шалдунова. К изучению повседневной жизни католического и православного духовенства.....	209
Л.А. Борисов. Аксьон Франсез и современное французское монархическое движение.....	216

Д.С. Гаврикова. «Божественный император» и «Императрица-Дракон». У Цзэтянь и Цыси – исторические примеры женского правления Поднебесной и их роль в культуре Китая.....	225
Е.И. Майорова. Охрана ООПТ по-московски.....	236
Л.П. Дехтерева. Правовой режим растительного мира вне лесов.....	246
В.А. Попов. Уголовно-правовая характеристика незаконной рубки лесных насаждений ст. 260 УК РФ.....	250
Л.В. Хроленкова. Приоритетные инвестиционные проекты правового регулирования лесных дорог.....	257
Г.А. Закарин. Специфика правового режима и содержания природного комплекса в городах российского Севера.....	265
С.М. Майорова. Возможности использование судебно-экологических исследований при разрешении гражданских и арбитражных дел.....	274
Примечания	283
Аннотации	294

Вопросы истории и культурологии
Сборник научных трудов

Научный редактор В.Г. Егоров

Компьютерная верстка
Т.С. Каракозова

Материалы даются в авторской редакции

Институт диаспоры и интеграции
(Институт стран СНГ)
119180, Москва, ул.Б.Полянка, д.7/10, стр.3
(Старомонетный пер., 10)

Подписано в печать 05.09.2017
Формат 60×90/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная
Тираж 500 экз.
Заказ №

Отпечатано в

Для заметок

